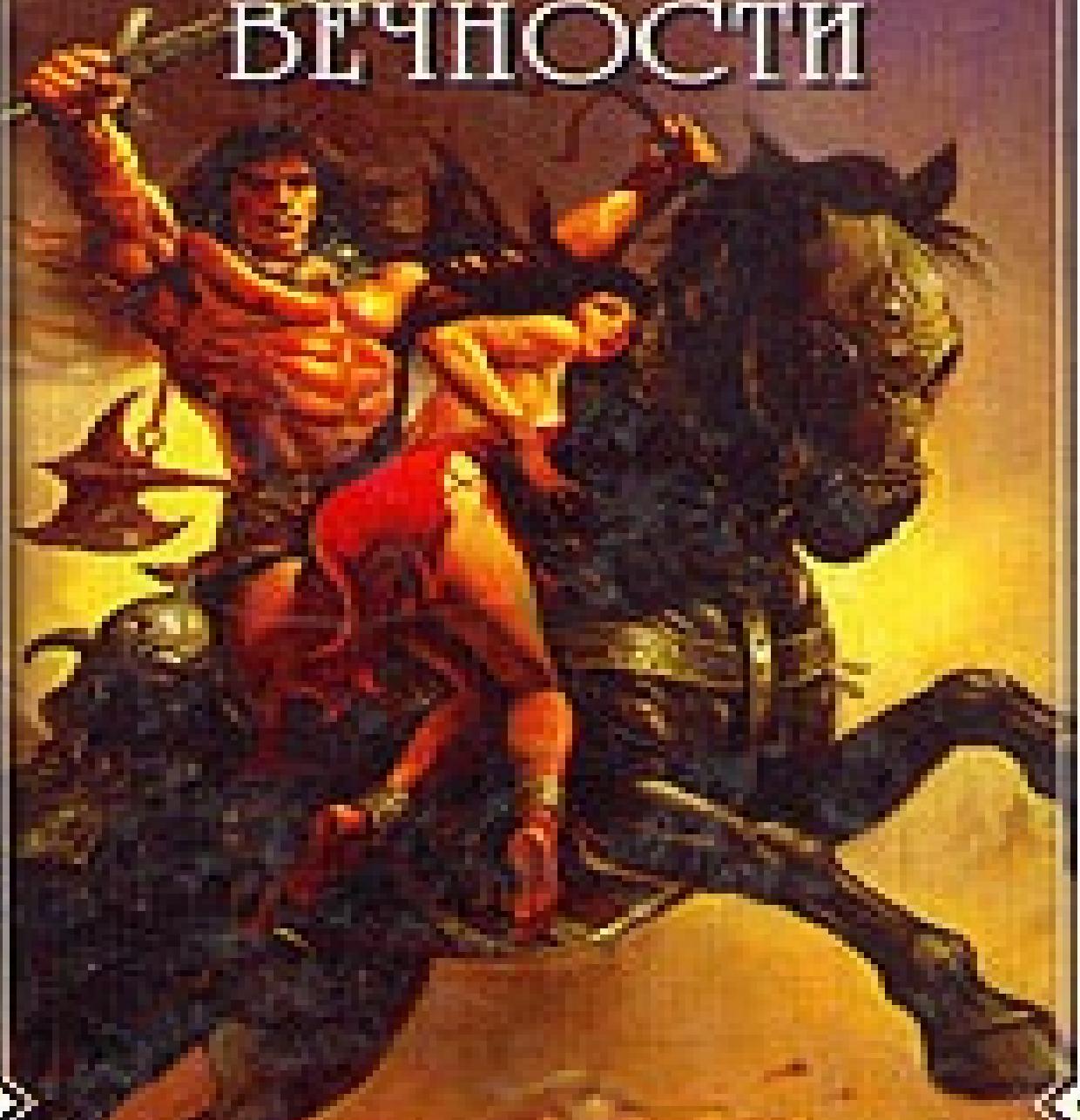

Северо-Запад
СКИДКА
КОНАН
ПЛВДАТА
ВЕЧНОСТИ

Северо-Запад

Annotation

...и снова Конан-Варвар отправляется в странствия, снова он принимает бой и снова выходит победителем.

Издательство «Северо-Запад», 1997 год, том 30 «Конан и врата вечности»

Торн Сейшел Стюарт. Обитель спящих (повесть), стр. 209-426

- [Торн Сейшил Стюарт](#)

- [ГЛАВА 1](#)
 - [ГЛАВА 2](#)
 - [ГЛАВА 3](#)
 - [ГЛАВА 4](#)
 - [ГЛАВА 5](#)
 - [ГЛАВА 6](#)
 - [ГЛАВА 7](#)
 - [ГЛАВА 8](#)
 - [ГЛАВА 9](#)
 - [ГЛАВА 10](#)
-

Торн Сейшил Стюарт

Обитель спящих

(Издательство «Северо-Запад», 1997 год, том 30

«Конан и врата вечности»)

ГЛАВА 1

Предсказание

Он был зол. Он готов был грызть зубами золотые безделушки и сверкающие камни своей сокровищницы, так он был зол. Вид неисчислимого богатства, которое было тем ценнее в его глазах, что принадлежало лишь ему одному и никому больше, всегда успокаивал и радовал его, но сейчас не помогало и это. Он набрал в грудь побольше воздуху, задержал дыхание, сколько хватило сил, потом резко выдохнул. И сказал как мог спокойнее:

— Ну чего, чего же тебе еще не хватает? Глупая женщина! Я собрал здесь самые редкостные, самые удивительные драгоценности со всех концов света, и все это — твое, пока ты со мной. Ты хотела парчу, шелка и бархат, чтобы одеться — я достал их. Потом ты потребовала перин и одеял, потому что, видите ли, не можешь спать в холода — и я принес их тебе. Скажи мне, что тебе нужно, и, клянусь Первым Яйцом, я достану все, что потребуется!

В продолжение всей этой речи он сидел к Раине спиной, но на последних словах обернулся так резко, что девушка вздрогнула. Но все равно упрямо покачала головой:

— Нет, чудовище. Ты не заставишь меня.

Он качнулся всем телом в ее сторону, и, хотя их разделяло не меньше десятка шагов, она тотчас почувствовала у самой щеки его горячее, нетерпеливое дыхание.

— Разве такое уж я чудовище? — вкрадчиво проговорил он ей в самое ухо. — Посмотри мне в глаза и скажи.

— Я не желаю смотреть в твои желтые глаза! — крикнула девушка. Она сидела на груде золота, сжавшись в комочек, обхватив колени тонкими руками. — Уже тысячу лет я не видела ни одного простого человеческого лица, только твои желтые безумные глаза!

Маленькой ножкой в ажурной кожаной сандалии она пнула арфу, и та жалобно зазвенела.

— Раина, у меня золотые глаза, — еще более вкрадчиво проговорил он, ластясь к ней. — Чудные, сияющие золотые глаза. Не упрямься.

— Буду. Что ты мне сделаешь?

— Не дам сладкого. Посажу в пещеру с летучими мышами. — Глаза его, и в самом деле цвета жидкого золота, лукаво блеснули. — Или... не пущу посмотреть на закат. Я собирался, но раз ты такая гадкая...

Он отвернулся и притворно вздохнул. Раина подняла мокре от слез лицо.

— Это правда? Или ты смеешься надо мной?

— Ты споешь мне? — живо спросил он.

Раина стиснула кулаки и в отчаянье ударила его в грудь, но только поцарапала кожу о сверкающий небесно-голубой панцирь. Тогда она разрыдалась.

— Ненавижу! Ненавижу тебя! Тюремщик мой, палач! Желтоглазое чудовище!

— Спой мне о том, как сильно ты меня ненавидишь, — невозмутимо предложил он. Ответом ему были только горькие всхлипы, и тогда он заметил: — А солнце меж тем спускается все ниже и ниже. Скоро оно исчезнет в море, и не на что будет смотреть.

И так велико было желание бедной девушки хоть ненадолго выбраться на свет из темных, душных залов подземного дворца, что она поспешно утерла слезы и встала.

За все те неисчислимые годы, что провела она здесь, ее тюремщик впервые сам

предлагал ей прогулку наверх. Все ее просьбы об этом до сих пор оставались без ответа, и она боялась, что неожиданное великолдушие оставит золотоглазого хозяина так же внезапно, как и появилось.

— Я буду петь тебе весь вечер, если ты я впрямь выпустишь меня наверх, пока не сядет солнце, — пообещала она.

Между этими двумя существовал нерушимый договор: можно бесконечно изворачиваться и увиливать от ответа, но если слова произнесены, отказаться от них невозможно. Данное обещание, коль скоро оно давалось, должно было быть исполнено, как им, так и ею. Поэтому он перестал торговаться и удовлетворенно хмыкнул.

— Тогда живо найди что-нибудь, чем завязать тебе глаза, Я не хочу, чтобы ты знала путь наверх.

Кривая усмешка исказила ее губы.

— Боишься, что сбегу? В открытое море?

— Нет, — спокойно ответил он. — Боюсь, что будешь слишком часто бывать наверху, и у меня больше не останется способа уговорить тебя петь мне. — Он помолчал, завязывая ей глаза вышитой турецкой шалью, затем небрежно добавил: — К тому же от долгого сидения на соленом ветру могут пропасть мои чары, и ты превратишься в столетнюю старуху, какой уже наверняка бы стала в любом другом месте.

Раина испуганно вскинула руки и провела кончиками пальцев по своим щекам, словно проверяя, не утратила ли ее кожа нежность и бархатистость.

— Опять ты надо мной потешаешься, — сердито проворчала она. — Сколько раз я просила тебя принести мне зеркало?

— Столько же, сколько я отвечал тебе: нельзя, заклятие утратит силу. Ну, идем?

По залам и переходам дворца Раина всегда путешествовала на его спине — что не составляло для него никакого труда. Сама она сбила бы себе все ноги о камни, передвигаясь почти ощупью в полутьме.

Дворец был огромен и большей частью темен — колдовской свет он переносил с собой из зала в зал. В сущности, это было гигантское хитросплетение пещер, узких проходов и больших галерей, которое он за много сотен лет превратил в подобие рукотворного жилища. День он проводил в одном зале, день — в другом, третий — в сокровищнице, что занимала три огромные пещеры. Раину он всюду таскал с собой, не желая расставаться с ней ни на миг.

Он подставил ей плечи, и девушка привычно уселась верхом ему на шею, туда, где смыкались под гибкими пластинами панциря мощные лопатки.

Сила его всегда поражала Раину, и, как ни противна была ей самая мысль об этом, она почувствовала упоительное томление внизу живота, когда упругие мышцы заходили у самого ее лона. Но, благодарение Митре, любитель музыки никогда не претендовал на ее тело, лишь на голос и искусные пальцы.

Путь в темноте длился, казалось, целую вечность. По тому, как ее несколько раз приподнимало, Раина догадывалась, что они миновали две или три лестницы. Один раз, несильно разбежавшись, он прыгнул. Наконец в лицо девушке пахнул свежий морской ветер, она почувствовала вкус соли на губах и в нетерпении сорвала повязку с глаз.

И едва не ослепла.

— Тише, дурочка! — рассмеялся он. — Не так быстро! Зажмурься и открывай глаза постепенно.

Она послушно зажмурилась и потихоньку, сквозь пушистые ресницы, снова взглянула на гаснущее солнце. Огненно-красный диск медленно опускался в воду, протягивая к ее ногам золотую дорожку. Она как была, в сандалиях, не подобрав подола, шагнула в воду, протягивая к солнцу раскрытые ладони.

И увидела собственные руки — не в полутьме пещер, при мертвенно-синем волшебном светильнике, который даже золото лишал желтизны и яркости, а при солнечном свете, пусть даже и приглушенном закатом. Поспешно оглядев себя всю, она в ужасе ахнула: ее кожа, постоянный предмет зависти подруг, из светло-бронзовой стала землисто-серой. Так могли выглядеть руки и плечи покойника, выкопанного из могилы.

— Что ты сделал со мной... — потрясенно вымолвила Раина. — Ты превратил меня в стигийскую мумию! Я не человек! Я призрак! Митра, Пресветлый Митра, обрати ко мне свое Око! Я гибну здесь одна, я умру на этом острове, и никто даже не вспомнит обо мне!

Она снова заплакала.

— Добрые боги, — пробормотала она, всхлипывая. — Спасите меня, добрые боги. Я совсем, совсем одна...

Он щурился на закат, делая вид, что не слышит ее причитаний.

— Перестань реветь и взгляни туда. Разве это не великолепно? Я разрешу тебе посмотреть, как зажигаются первые звезды, если ты перестанешь плакать.

— Я умру тут одна, — повторила Раина, но плакать перестала. Закат и в самом деле был великолепен. Сизые тучи рдели по краям багрянцем и золотом, их пробивали сияющие лучи, такие четкие, что, казалось, их можно взять в руку. Солнце садилось в море, и вода из синей и зеленой становилась молочно-белой — лишь сияла Дорога Счастья, уводящая за край мира.

«Надо попробовать достать ей мужчину, — подумал он, глядя, как светятся желто-алым мокрые дорожки на бледных щеках Раины. — Если после этого она вздумает бунтовать — что ж, я всегда смогу его убить и потом достать другого. Может, это ее развлечет на какое-то время».

Сам он был совершенно равнодушен к удовольствиям плоти. Во всяком случае, до сих пор ни одно живое существо не вызывало в нем ни малейшего желания.

* * *

Конан и Тай Юэнь вернулись в Тай Чанру в самом конце весны. За те две с половиной луны, что провели они в горах, князь Благословенного Края волшебно преобразился: исчезли страшная худоба и болезненный блеск глаз, лихорадочный румянец на щеках сменился ровным темным загаром.

Тай помолодел и снова стал похож на того Юлдуза, которого Конан знал когда-то в Туране. Киммериец зорко следил за тем, чтобы Тай Юэнь весь день проводил на ногах — в поисках пищи или просто неспешном продвижении от одной стоянки к другой — и к вечеру ощущал настоящую усталость и голод. Ибо ел князь до смешного мало, и Конан пускался на всевозможные хитрости, чтобы заставить его есть больше.

Нельзя сказать, что киммериец считал себя опытным лекарем. Но он точно знал, что при чахотке нельзя делать двух вещей: сидеть в четырех стенах и есть один Нергал знает

какую дрянь, приготовленную из пяти сортов овощей. Тай пытался сопротивляться поначалу, объясняя другу, что учение Падды запрещает убивать и питаться трупами.

На это Конан не без ехидства заметил, что пока святейший кайбон был еще просто Юлдузом, жил в Туранде и чтил Эрлика, он не воротил носа ни от хорошо зажаренного барабашка, ни от вина. Последним доводом Конана был моток крепкой веревки и обещание вязать Тай Юаня на стоянках по рукам и ногам и кормить насильно. Князь рассмеялся и бросил упрямиться. Конан был прав: когда выбор стоит между жизнью и смертью, ни один светлый бог не поставит тебе в вину некоторое уклонение от его закона. Тем более речь идет всего лишь о еде.

Но князь Тай Цзона согласился не только по этой причине. Он знал, что не слепым случаем, а предопределением судьбы оказался Конан в его княжестве в тот год, когда Тай Юэню перестали помогать травы, а кашель начал выходить с кровью. Не выходя из своего дворца, золотые крыши которого сияли на вершине холма над Тай Чайрой, Тай Юань мог видеть, как он сам говорил, «почти все из того, что есть, немногое из того, что было, и уж совсем немногое из того, что будет».

Его дар предвидения был не искусственным умением гадальщика, не мудростью старца, чей жизненный опыт позволяет предсказать многое, а внезапным ответом на возникший вопрос. Иногда ответы приходили раньше, чем возникали их вопросы — и тогда это было как ударившая с неба молния в ночную грозу, когда в белой ослепительной вспышке на миг появляется весь мир, видный до последней травинки, чтобы в следующий миг исчезнуть, оставив боль в глазах и ощущение чего-то огромного.

Порой лишь годы спустя понимал он, что же открылось ему, и эту часть своего дара он считал мучительной и бесполезной.

Когда же требовалось получить ответ на вопрос — урожайным ли будет год, где искать вот уже три дня как пропавшего ребенка, выиграет ли Император Кхитая новую битву — он просто задумывался и получал ответ. Этот ответ приходил ясным и неоспоримым знанием, что будет так, а не иначе. Некоторые ответы приходили сразу, некоторые — день или два спустя, но это скорее зависело не от сложности вопроса, а от того, хорошо ли князь спал минувшей ночью.

Так было с вопросами, приходившими извне. Но существовали вопросы, которые он задавал себе сам, и, если только возможен был на них ответ, он рано или поздно появлялся — либо привычным знанием, либо во сне. Именно во сне в самом начале весны Тай Юань увидел Конана, идущего к западной границе Кхитая в компании девушки-туранки, плосколицего и длиннорукого карлика из северных степей и гиганта-аквилонца. Он не стал выяснять, что свело этих столь непохожих друг на друга людей, лишь порадовался, что его старый друг жив и где-то близко.

Но когда в его снах начал появляться смуглый юноша с резким профилем и темными, недобрими глазами, ведущий к столице Кхитая войско зингарских рыцарей, Тай Юэнь забеспокоился. Несколько дней спустя и рыцари, и зингарский принц, и Конан, волею богов оказавшиеся вместе на краю света, сложились в четкую картину. И центром этой картины он увидел свое маленькое княжество, Тай Цзон.

Он знал, конечно же, что с приходом к власти нового Императора его княжество окажется в большой опасности. Новый владыка Поднебесной Империи шел к власти так долго и так часто раздумывал, что именно он сделает с той или иной своей провинцией, как покарает непокорных, если они слабы, и подкупит, если сильны, что Тай Юэнь ни на миг не

сомневался: мирной и бестревожной жизни в его Благословенном Крае пришел конец.

И дело было даже не в серебряных рудниках, которые тайцзонцы не желали разрабатывать для других, не в сокровищах древних храмов, поглощенных джунглями тысячетия назад. Хотя Император, несомненно, много бы дал за то, чтобы добраться наконец без помех и до того, и до другого.

Дело было в том, что жители Тай Цзона, не признававшие оружия и охоты, разводившие птицу лишь ради красивых перьев, а скотину — ради шерсти и молока, жили своей, особой жизнью, не похожей на жизнь остальных провинций Кхитая. Император с его многолюдными городами и величественными храмами многоруким богам был где-то далеко. А рядом было родное поле, крошечная деревушка в горах, где все жили на виду друг у друга и бога — вернее, святейшего кайбона, что живет, как известно, тоже рядом, в двух днях пути.

Ибо старшего мужчину в роду князей Тай Цзона, носителя Дара Падды, почитали как бога, единственного защитника и судью. И это раздражало и злило Императора более всего, ибо он считал, что один достоин титула Небеснорожденного.

И потому когда зингарец со своими рыцарями появился при дворе — с дарами от своего брата-короля, Император «подарил» ему Тай Цзон. При условии, что тот сам возьмет его. В случае победы зингарца Владыка Кхитая получал Тай Цзон с его рудниками и сокровищами в храмах, а в случае поражения не терял ничего. Сам вести войска на княжество он побаивался.

Никто не знал пределов могущества кайбона Благословенного Края, и Императору не хотелось выяснить их на собственном опыте. Повелитель Кхитая, будучи человеком мудрым и хитрым, предпочитал таскать каштаны из огня чужой рукой.

Для Тай Юаня, не будь он так болен, вероятно, не составило бы труда защитить свою страну. Беда была в том, что на сей раз врага надо было не просто остановить, а повернуть вспять, причем так, чтобы он больше никогда не помыслил о Тай Цзоне как о своем княжестве.

Для этого нужно было чудо, а для чудес нужны были силы. А вот именно их-то и не было у кайбона Благословенного Края. Даже ежедневное наблюдение за продвижением зингарцев к столице давалось ему с большим трудом.

Ведь Тай Юэнь совсем не был магом. Отец передал ему с последним вздохом Силу — но никак не черные свитки с заклятиями или мешок с колдовской утварью. Правда, легенды гласили, что его прадед, одиннадцатый кайбон Тай Цзона, защищая страну от нашествия орды кочевников из северных степей, в отчаянье призвал на помощь отвратительного демона.

Страну он спас, но скончался на третий день после великой победы, едва успев передать сыну дар предвидения.

Собственная смерть не казалась Тай Юэню слишком высокой ценой за свободу своей страны, он готов был пойти и на это, поскольку сын его хоть и был еще мал, но уже вполне мог принять от отца Последний Дар и продолжить род. Но сейчас его сил недостало бы и на то, чтобы остановить полет стрелы.

Поэтому появление Конана — внезапное и совершенно неожиданное — он воспринял как знак свыше. Он видел, как сближались армия зингарцев и маленький отряд, видел встречу Конана и принца у ночного костра. Эти двое были двумя полюсами.

Один был прирожденный воин, второй — гранд и рыцарь, никогда не державший в руках оружия тяжелее гибкой рапиры. Один был уроженец севера и глухомани, второй — юга и цивилизации. Один, познавший божественное пламя в ладонях, был уже мудр, хотя,

вероятно, посмеялся бы над тем, кто сказал бы ему об этом.

Второй, поминавший имя бога чаще, чем следовало, был еще глуп, но вцепился бы в глотку всякому, кто посмел бы уличить его в глупости.

Эти двое сходились все ближе, взаимно притягиваясь, как два разных магнитных камня. А между ними был Тай Цзон.

Поэтому Тай Юань сделал все, чтобы Конан оказался в его княжестве прежде зингарца — большего не мог сделать никто, да это и не требовалось. «Пути Митры неисповедимы, но, если вдруг удается увидеть малую толику задуманного Пресветлым, дивишься лишь, как это не ясно всем и каждому с той же отчетливостью, что и тебе», — вспомнил Юэнь слова Учителя и, успокоившись, стал ждать развязки.

Развязка последовала быстро. Тай Чанра, столица княжества, стояла на древней земле, хранимой древними богами, такими древними, что их имен не помнил даже сам Митра Жизнеподатель. Они смеялись, отпустив зингарца из живого мрака своего храма, и многие годы спустя принц Римьерос не раз просыпался в холодном поту, услышав во сне их тихий смех. Их вмешательства да еще нескольких вылазок Конана оказалось пришельцам вполне довольно, чтобы поспешить убраться восвояси.

Но Конана к тому времени уже заботило не это. Вызванный из столицы письмом «какого-то кайбона», он обещал своей шайке награду за помощь незнакомцу, рассчитывая на эту награду и сам. Узнав же в кайбоне старого друга и увидев овечьи повадки его кроткого трудолюбивого народца, киммериец начал подумывать о том, как бы ему убедить своих спутников отказаться от посланных им золота и камней.

Когда же Тай Юань помянул Учителя, живущего в чудесном саду среди пустыни и гор, Конан, опомнившись от изумления, просто сказал ему: «Брат мой, я не уеду отсюда, пока не увижу, что ты здоров», — и зингарец с его рыцарями был забыт им прежде, чем скрылась в джунглях последняя повозка их обоза.

В тот же день Конан, оставив своих спутников наслаждаться славой спасителей княжества, ушел с Тай Юэнем в горы. Они бродили из одной долины в другую и переходы их были отмерены расстоянием, отделяющим одну быструю горную речку от другой. Иногда, найдя синее, как глаза киммерийца, маленькое озерцо, сплошь покрытое крупными листьями лотоса, они задерживались на два-три дня, купаясь по утрам в теплой, как парное молоко, воде и ловя непутаную рыбку почти руками.

Они почти все время молчали, а когда говорили, то о том, где лучше устроить стоянку и что добыть на следующий ужин, но это молчание было сродни тому, в котором пребывал Конан, бродя среди яблонь в саду Учителя. Он недаром назвал Юлдуза братом — все, кто когда-либо побывал в том саду, неважно, осенил их Митра своей благодатью или нет, становились друг другу ближе, чем кровные родственники.

Как однажды сказал Конану Эйрим Высокий Шлем, когда они третий день пили в его усадьбе: «Брат всегда остается братом, даже если стал врагом. Все, что есть у человека, это братья и враги, он жив, пока они есть». Эйрим, и краем уха не слыхавший о волшебном саде Учителя, имел в виду, что братья, даже став врагами, все равно остаются братьями. Но к воспитанникам Учителя это не относилось, они не могли стать врагами...

Постепенно горный воздух, напоенный ароматами весны, обилие мясной пищи, солнце и дальние переходы свели на нет кашель Юлдуза. Даже во сне он теперь дышал ровно и легко, словно и не болел никогда.

Дважды сменились все лики луны, и, когда тонкий серп начал наливаться светом в

третий раз, Конан повернул назад. В Тай Чанру они возвращались так же неспешно, как и уходили от нее, и путь домой занял еще четыре безмятежных дня. Селений они избегали, не желая, чтобы весть об исцелении князя слишком рано достигла столицы — Юэнь хотел явиться к Фейре сам, опередив слухи.

Поэтому к городу они вышли в сумерках и прошли по его витым улицам никем не замеченные, потому что жители уже спали, а собаки встречали их лишь глухим довольным ворчанием, выбегая навстречу и тычась мордами в руки князю. Он был здесь хозяин, и его знали все.

Окликнули их уже у самой лестницы со львами, ведущей ко дворцу — на ее широких площадках несли ночную стражу воины-вендийцы, единственные вооруженные люди во всей стране.

— Это я, Кхиршти, — отозвался князь негромко. — Тс-с. Оповести остальных стражей, чтобы нас больше не задерживали, но не вздумайте никого будить.

Воин, не выпуская из рук копья, согнулся в ритуальном поклоне, сложив ладони у груди. Когда он выпрямился, в темноте блеснула его белозубая улыбка.

— Добро пожаловать домой, магадева, — проговорил он и помчался исполнять сказанное.

Но то ли вендийцы, как ни старались, обсуждали новость слишком громко, то ли кто-то из них все же шепнул княгине, что вернулся ее муж и повелитель, потому что в дверях галереи, ведущей в жилые покой, их встретила Фейра — полуодетая, с лампой в руках.

В первый миг она застыла в изумлении, а во второй — бросилась Тай Юэню на шею, плача и смеясь одновременно. Он гладил ее волосы, а она, не выпуская мужа из объятий, повернула к Конану улыбающееся, мокрое от слез лицо. Киммериец заранее нахмурился, ожидая шумных излияний благодарности и восторга, кои так присущи женщинам, но услышал:

— Вы, наверное, устали с дороги. Будете ужинать? Я тотчас велю нагреть вам воды и приготовить комнаты, пока вы едите.

— Будем, — ответил за них обоих Тай Юань. — И вымоемся тоже с удовольствием. Только не буди весь дворец, а то мы и за полночь не ляжем.

Фейра умчалась хлопотать, а Конан хмыкнул и заметил:

— Хорошая у тебя жена, Юлдуз. Помнится, еще тогда, в Туроне, десять лет назад, она мне понравилась: бойкая была девчонка!

— У тебя будет не хуже, — отозвался кайбон, уверенно ведя друга по темному дворцу. — Можешь мне верить.

— Это ты меня утешаешь или пророчествуешь? — хохотнул Конан. — Учи, я разборчив.

— Пророчествую. Красивая, умная и верная. На край света за тобой пойдет. — Тут он замолчал и какая-то тень пробежала по его лицу. — Или ты за ней, — добавил он тихо. Потом улыбнулся и посмотрел на друга с лукавством: — Но все окончится хорошо, а ведь это главное, правда?

— Правда, — согласился Конан. За прошедшие дни он научился почти не обращать внимания на подобные предсказания, время от времени изрекаемые князем. Тем более, что тот сам не мог сказать, как скоро сбудутся его видения.

— Но в ближайшие пять-семь лет я пока жениться не намерен..

— А в ближайшие семь лет тебе это и не грозит, — улыбнулся князь. — Ровно в ближайшие семь лет. Ты, кстати, помнишь, что я обещал тебе предсказание — настоящее

предсказание, а не так... — Тай пренебрежительно помахал рукой в воздухе. — Туман и намеки. И победу нашу мы так и не отпраздновали.

Они вошли в трапезную, уже освещенную множеством свисающих с потолка затейливых фонариков. Вокруг стола сновали трое слуг, собирая ужин. Завидев князя, они поклонились ему так, словно он не вернулся домой после долгого отсутствия, а отлучался на день-другой, и Конан снова подивился, как здесь просты и естественны отношения хозяев и слуг. Во всех ранее виденных им княжествах и королевствах дело обстояло совершенно иначе.

— Значит, ровно через семь лет я женюсь, — уточнил киммериец, садясь за стол. Среди разнообразия искусно приготовленных плодов и ягод на столе помещалось огромное блюдо остро пахнущего жаркого, явно припасенное для него одного. Юань с наслаждением отпил из налитой ему чаши и вздохнул:

— Вот чего мне все эти дни действительно не хватало: молока. Тебе не предлагаю, вон в том кувшине — явно шадизарское красное, ячу чувствовать его запах прямо отсюда. Да, женившись, осядешь на одном месте, обзаведешься своим домом... Словом, остеинешься. Но еще семь лет на скитания по свету и подвиги у тебя есть.

— Ага, — сказал Конан, наливая себе вина. — Вот и расскажи мне о том, что ждет меня в первый год из этих семи — он ведь едва начался. Расскажешь? А дальше я знать пока не хочу.

Тай Юань задумался.

— Расскажу, — не сразу ответил он. — Но не сейчас. Что-то ждет тебя у края мира, Конан, и я пока невижу, что именно. Через день или два я смогу тебе дать ответ.

— Не успел вернуться домой — и сразу ответы? — с тихим упреком сказала Фейра, входя в зал. Она услышала последнюю фразу. — Ты бы хоть немного поберегся. Он так устает каждый раз, — пожаловалась она Конану. — Я его прошу быть осторожнее, но он меня совсем не слушает.

— Я же не могу не дышать, — мягко сказал ей князь — Это происходит помимо меня. — Он утер губы и встал из-за стола. — Чжанг По проводит тебя, Конан. Завтра мы устроим большой праздник. А сейчас я очень хочу спать, извини.

Киммериец кивнул, и Тай Юэнь с Фейрой, обнявшись, удалились к себе. К нему же подошел мальчик — застенчивый, смуглый, с темными миндалевидными глазами. Он взял обеими руками кувшин со стола — в нем оставалось еще больше половины — и вопросительно взглянул на гиганта-северянина.

— Пошли, — подтвердил Конан, и мальчишка, едва удерживая тяжелый кувшин, засеменил впереди. — Ну-ка, — сказал Конан и аккуратно вынул кувшин у него из рук. — Об этом я сам позабочусь. А ты вот что: знаешь, где комната Силлы?

Мальчишка с готовностью кивнул:

— Да, — сказал он по-турански.

— Тогда ступай к госпоже, разбуди ее, если она спит, и растолкуй ей, как сможешь, что я жду ее.

— Да, — повторил Чанг. Судя по всему, это было единственное туранское слово, которое он мог сказать. Но понимал он Конана прекрасно.

Быть может, не следовало извещать Силлу о себе сегодня же, среди ночи, подумал Конан. Девчонка изо всех сил давала понять, что нашла в Тай Цзоне настоящую любовь... Нергал с ними, с женщинами, никогда их не поймешь! Он хотел ее видеть. А придет или нет — ее дело.

Доведя гостя до двери его комнаты, мальчишка помчался исполнять поручение, а Конан шагнул через порог, едва не задев колокольчик счастья, висевший здесь над каждой притолокой, дабы злые духи не могли незамеченными прокрасться ночью к постели.

В углу маленькой комнатки, вся обстановка которой состояла из низкого кривоногого стола, нескольких кресел и большой, заваленной подушками постели, киммериец увидел исходящий паром деревянный чан. Не успел он ополоснуть лицо и спину, как ему на плечи с громким охотничьим кличем прыгнула влетевшая Силла.

— Ну, наконец-то! — вопила она. — Я уж думала, что никогда тебя не дождусь! Ты хоть немножко скучал по мне?

Вместо ответа Конан сгреб ее в охапку и бросил на постель. Силла мурлыкнула и потерлась носом о его щеку. От ее смуглой бархатистой кожи исходил едва уловимый запах каких-то благовоний, бронзовое тело просвечивало сквозь тонкую ткань — она прибежала в одной рубашке. Конан зацепил пальцем вырез у горла и несильно дернул вниз. Шелк затрещал, разрываясь, соскользнул в стороны, обнажая мягкую полную грудь и упругий живот. Силла рассмеялась низким, чуть хриплым смехом и притянула к себе своего варвара, зарывшись тонкими пальчиками в черную жесткую гриву его волос.

— А как же Моу Па? — спросил Конан, делая вид, что пытается выскользнуть из ее объятий.

Когда киммериец уходил с Тай Юэнем в горы, Силла заявила, что остается. Моу Па, юноша из свиты кайбона, не сводил с нее жадного взгляда, и она, похоже, принимала его обожание с благосклонностью.

— Я стосковалась по тебе. А Моу Па возьмет меня любой, — ответила Силла. — Неужели же тебе впервые соблазнять чужих жен?

Конан успел подумать, что за две луны несносная девчонка опять все перерешала, но тут Силла развела колени и обхватила его своими длинными ногами, и киммерийцу стало не до раздумий.

Много позже, когда ни у нее, ни у него, ни на что уже не было сил, они просто лежали и смотрели на половинку луны, просвечивающую сквозь циновку оконной занавески.

— Ну что, вылечил ты своего князя? — тихо спросила Силла.

— Мм, — отозвался Конан. Он уже засыпал.

— А Фейра такая славная... — продолжала девушка. — Мы с ней просто подружились. И совсем не гордячка... И мальчишка их... — Она задумчиво положила ладонь на живот, словно прислушиваясь к себе. Моу Па на самом деле мало интересовал ее, хотя внимание юноши и льстило Силле. Но гораздо больше заботило ее маленькое существо, живущее в ней вот уже четвертую луну. Ради него она оставалась, ради него брала ему отца, а себе мужа. Все то время, что Конан странствовал с князем, ее буквально разрывало надвое от желания обладать ими обоими — и синеглазым варваром, и его ребенком. Но теперь, лежа головой у него на плече, она успокоилась и поняла, что так и должно быть: мужчинам — дороги и опасности, а женщинам — очаг и дети.

Конан вдруг открыл глаза.

— Так ты остаешься или передумала? — спросил он.

— Остаюсь, — ответила она, прижимаясь к нему. И поспешно добавила, чтобы не сказать другого: — Фейра так просит. Мы с ней все-таки землячки.

— Ну и оставайся, — хмыкнул Конан. — За чем же дело стало?

— Н-ну... — кокетливо сказала она, — ты же мой хозяин. Как я могу... сама? — И вдруг

добавила совсем другим тоном: — Я сделаю так, как решишь ты. Я хочу, чтобы решил ты.

Силла была выиграна Конаном в кости на постоялом дворе Аграпура и потому считала себя его собственностью. Конану волей-неволей пришлось взять на себя заботу об этой своенравной девчонке, но всю жизнь таскать ее за собой он вовсе не собирался. В первый миг, узнав, что девчонка ему изменила, он почувствовал что-то вроде ревности, но шестьдесят дней, проведенные в горах со старым другом, отодвинули все это куда-то назад, и теперь он думал о возможной парочке и о том, что сам наконец свободен, скорее с облегчением.

— Ты давно уже сама себе хозяйка. Вот и стань ею по-настоящему. Пора, не маленькая. Оставайся. Не знаю, что там у тебя выйдет с этим кхитайцем, но Юлдуз с Фейрой о тебе позаботятся. А теперь спи. Завтра Юлдуз обещал устроить праздник, негоже, если у тебя будут синяки под глазами... — и Конан заснул прежде, чем договорил.

Проснулся он поздно, от грохота большого барабана, рокотавшего у подножия холма Тай Чанры. Силлы рядом уже не было — она вскочила на рассвете и умчалась готовиться к празднику. Одевшись, Конан вышел на галерею, опоясывавшую все постройки дворца, и увидел, что в городе царит веселая суматоха. По улицам в пестрых одеждах муравьями сновали жители, всюду развевались цветные флаги, а в синем ясном небе стояли сотни хвостатых змеев, бьющихся на тонких бечевах над каждым домом.

— Государь просит пожаловать к завтраку, — послышался у него за спиной тонкий голосок, и обернувшись, Конан увидел Тай Кин Во, старшего советника князя.

— А, это ты, старик! Ну, как тут шли дела у вас без святейшего кайбона?

— Вся страна благословляет твоё имя, о Конан-с-Двумя-Мечами! — отозвался кхитаец. — Ты совершил чудо. Отныне мы вечно будем молить Падду и Пресветлого, что выше Него, осенить тебя своими милостями!

— Ну-ну, — ответил на это Конан и направился вслед за советником в знакомый трапезный зал.

Здесь его встретили радостный рев Сагратиуса и стальные объятия Кинды. Киммериец уж думал, что ему не уйти живым, но тут в зал вошли князь и княгиня со свитой, и друзьям волей-неволей пришлось на время угомониться.

В свите княгини, уже одетая в долгие кхитайские одежды, розовая от гордости и смущения, шла Силла. В высоко подобранных волосах у нее пестрели цветы, длинные кисти из подобранных по размеру мелкого жемчуга свешивались со шпилек. Затканная белыми хризантемами верхняя накидка изящно оттеняла ее смуглую кожу. «Быстро», — подумал Конан, придирчиво ее оглядывая. Девушка казалась очень довольной, и киммериец вздохнул с облегчением: одной заботой меньше. Не то чтобы общество Силлы тяготило его, скорее, наоборот, но рано или поздно девчонку все равно пришлось бы куда-нибудь пристраивать. А теперь об этом можно было больше не думать.

Фейра оказалась за столом как раз против Конана. Следя краем глаза за тем, как он разглядывает преобразившуюся Силлу, княгиня улыбнулась и сказала негромко:

— Я забираю твою неистовую охотницу. Не обещаю вскоре выдать замуж, как собиралась, — теперь она, кажется, совсем не хочет, — но, по крайней мере, девочка будет в тепле и холе. Я уж об этом позабочусь.

— Ты молодец, мышонок, — кивнул Конан. — Всегда была умницей. Куда мне ее тащить за собой?

— А ты все-таки снова собираешься в странствия? — как бы между прочим

поинтересовалась Фейра. — Куда же теперь зовет тебя твое беспокойное сердце?

— На край света, надо полагать, — рассмеялся Конан. — Во всяком случае, твой муж говорит, что меня там уже поджидают. Не могу же я не верить избраннику Падды и Митры.

— Осторожнее, Конан, — нахмурилась Фейра. — Кайбон Тай Цзона еще никогда не ошибался, но...

— Что — но?

— Он все это — видит, — не сразу ответила Фейра, тщательно подбирав слова. — А ты... ты выслушиваешь только ответ. Любое предсказание можно толковать двояко, ибо слова есть ложь, и кому как не мне, живущей с ним бок о бок уже десять лет, знать это лучше всех? Будь осторожен с тем, что услышишь от него. Я вообще была против того, чтобы он говорил с тобой об этом — ведь и Сагратиус, и Кинда отказались от пророчества.

— Опасный дар, клянусь Солнцеликим! — вмешался Сагратиус, сидевший рядом с Конаном и внимательно слушавший его с Фейрой разговор. — Зачем мне знать, что будет, если оно все равно будет? Звонкая монета и полные сумки и бурдюки в дороге вернее, чем туманное знание чего-то, что может случиться через день, а может — и через три года. Но мы пойдем с тобой, Конан, как обещали, куда бы ни отправил тебя князь. Мы с Киндой своих решений не меняем — верно, бродяга?

Карлик-птулысуг, к которому обернулся огромный аквилонец, важно кивнул:

— Сагратиус пойдет, и Кинда пойдет. Кинда пойдет до края мира. Кинда никогда его не видел.

— Я тоже никогда его не видел, — задумчиво сказал Конан. — Что бы ни пообещал мне Юлдуз, я пойду навстречу тому, что должно произойти.

Фейра на это лишь печально покачала темноволосой головой.

Когда завтрак был закончен, Тай Юэнь жестом пригласил всех выйти к большой лестнице. У ее подножия уже толпился народ, ожидая выхода князя и своих героев. Оглушительные крики, свист флейт и бой барабанов приветствовали их появление. Вперед вышел саккей Тай Кии Бо, Первый Советник князя, и шум постепенно стих. Конан понимал одно слово из пяти в его быстрой речи, но смысл ее был понятен и так. Свита князя и княгини отступила на несколько шагов назад, так что на верхней площадке остались только Юэнь с Фейрой, Конан, Кинда и Силла. Под ноги им со всех сторон летели первые цветы лета, люди размахивали цветущими ветвями и бечевами змеев, отчего они скачками носились по небу, как водомерки на пруду. Силла отчаянно краснела и пыталась спрятаться за улыбающуюся Фейру.

Сагратиус имел вид независимый, но польщенный, Кинда же, как всегда, был воплощением невозмутимости — считая себя сыном бога, он воспринимал любые почести как должное. Обратная сторона этой его черты делала дикаря идеальным спутником: тяготы и невзгоды он воспринимал так же, полагая, что в мире отца сын должен испробовать все.

— Помимо прочего, если ты не понял, — не поворачивая головы, сказал Тай Юань Конану, — он говорит, что сегодня весь день и всю ночь у городских стен будет длиться пиршество и праздник, и все, кто захочет, смогут прийти и приветствовать на нем спасителей княжества.

— А нельзя как-нибудь обойтись без этого? — поморщился Конан. — Что мне, весь день торчать там, как пугалу на рисовом поле?

Князь взглянул на него чуточку лукаво и, тронув за плечо своего саккея, что-то негромко сказал ему. Тай Кин Бо повторил это, обращаясь ко всем, и внизу прокатился благоговейный

выдох.

— Что он сказал? — насторожился киммериец.

— Что ты будешь взыскан особой милостью и потому появившись только к вечеру. Сегодня после полудня я намерен ответить тебе на твой вопрос, а это займет нас обоих на немалое время.

Это действительно заняло немалое время. Еще накануне вечером Тай Юаня смущило и обеспокоило то, что он не может сразу увидеть для Конана столь близкого будущего. Поэтому, оставив остальных веселиться, он увел друга в полутемный круглый зал в самом центре дома, куда не достигали огни и шум праздника.

Зал этот, освещенный лишь тлеющими огоньками курильниц у статуи божества в нише, был лишен какой бы то ни было обстановки. Главным и единственным его украшением был мозаичный пол с рельефными изображениями драконов всех четырех стихий — огня, воды, воздуха и земли.

В белом круге в центре был выложен красной плиткой сложный символ-мандала. Тай Юань вышел на середину и опустился прямо на красно-белую мозаику, совершенно закрыв ее полами своего парадного одеяния. Он сделал Конану знак сесть напротив и закрыл глаза.

Киммериец смотрел, как лицо его друга постепенно превращается в подобие восковой маски, как расслабляются плечи и руки, безвольно лежащие на коленях. Наконец он открыл глаза — совершенно черные, из одних зрачков, без белка и радужки, и невидящее посмотрел на друга. Тишина стояла необычайная, казалось, самый воздух тихо звенел, и потому Конан невольно вздрогнул, когда услышал вдруг словно из ниоткуда громкое и отчетливое:

— Теперь спрашивай.

Конан сглотнул и, мгновение помедлив, так же громко и отчетливо выговорил:

— Что случится со мною за остаток этого года?

Тай Юань продолжал смотреть на него все тем же невидящим взглядом. Он сидел бледный и неподвижный, как изваяние; Конану казалось, что он даже не дышит, весь обратившись в подобие статуи божества в нише, вечно пребывающего в священном трансе. Время словно застыло вместе с ним, и лишь по пробивающемуся откуда-то сверху, скользящему по круглому куполу зала солнечному лучу можно было определить, что солнце уже миновало зенит и движется к западу.

Киммериец, которому приходилось порой просиживать в засаде, не шелохнувшись, полдня и больше, подстерегая самую пугливую дичь, спокойно ждал, не выказывая ни нетерпения, ни усталости. Луч скользил все выше, солнце опускалось все ниже. Драконы извивались у них под ногами, воздух сгущался, словно живой. Конан, познавший некогда Силу, хоть и утративший ее впоследствии, по-прежнему умел различать ее незримое присутствие, и сейчас словно тысячи тончайших иголочек кололи его кожу горячими остриями.

Но он сидел против Тай Юаня, такой же немой и неподвижный, хотя все чувства его были обострены до предела и широкие ноздри трепетали, втягивая воздух, как у молодого жеребца, чьющего близкое присутствие волка.

Казалось, прошла целая вечность, когда вдруг Тай тонко, по-птичьи вскрикнул и резко нагнулся вперед, зажимая ладонями виски, и сейчас же что-то беззвучно ахнуло внутри киммерийца, словно невидимая молния ударила над головой. Конан, тяжело дыша, весь напрягся, готовый в любой момент вскочить и, подхватив Тай Юаня, в два прыжка оказаться за пределами этого зала, — прежде чем темный резной купол обрушится им на головы. Но

что-то удержало его на месте.

Тай медленно выпрямился и опустил руки. По вискам у него стекали крупные капли пота. Разлепив белые бескровные губы, он проговорил:

— Ты потеряешь двоих и найдешь двоих, разделишь двоих и соединишь двоих. Ты дойдешь до края мира и вернешься на запад, и оттуда начнется твой новый долгий путь... — Он перевел дыхание и слабо улыбнулся. — Прости, но сейчас я больше не скажу тебе ничего. Я думал увидеть один твой год, а увидел всю жизнь. Ты отмечен богами, брат мой. Там, на западе, лежит самое прекрасное в мире королевство, и рано или поздно оно будет твоим.

Конан посмотрел ему в глаза, где сиял и переливался алый жидккий огонь, словно свет огромного прекрасного рубина, — и не нашелся с ответом.

ГЛАВА 2

Прощание с Тай Цзоном

Он зевнул во весь рот и потянулся, прогнав волну по гибкому, сильному телу.

— Поиграй мне, Раина. Я хочу спать.

Девушка, примерявшая тяжелые золотые браслеты, надула было капризные губки, но на этот раз раздумала ломаться и послушно взялась за арфу.

— Что ты хочешь слышать сегодня?

— «Лесную деву».

Все песни своей пленницы он знал наизусть, потому что новые она сочиняла очень редко, а те, что знала, спела ему уже не одну сотню раз.

Но он мог слушать бесконечно. У аквилонской красавицы был чистый, высокий голос, а в искусстве игры на арфе ей и вовсе не было равных: под пальцами Раины в ней слышался то щебет птиц, то журчание воды, то завывание выюги.

Раина, кивнув, провела рукой по струнам. Лицо ее приняло задумчивое и вдохновенное выражение. Как бы ни ссорились они, как бы ни проклинали друг друга, он все был готов отдать за тот чудный блеск, что появлялся в ее больших серых глазах, когда она бралась за инструмент, а девушка хоть и капризничала порой, но играла обычно с радостью и охотой.

Раина пела по-аквилонски, но он звал все живые и несколько мертвых языков. Когда она, обладавшая прекрасным слухом и памятью, пела баллады, сложенные в Бритунии или Немедии, он понимал их смысл лучше, чем сама певица.

Не верь, ее верь глазам слепым,

Не верь волшебной тишине,

Когда, прозрачная, как дым,

Под темным пологом лесным

Лесная дева при луне

Поет сородичам своим!

Опасно в лесу не зверье!

Ты, рыцарь, луной ослепленный,

Спасайся от девы зеленої.

Беги обольщенья ее!..

Тихонько подпевая, он растянулся прямо на груде золота и закрыл глаза. Голос Раины звучал все тише, все печальнее. Баллада имела грустный конец — рыцарь, завлеченный пением лесной девы, забыл про оставленную в замке невесту и больше не вернулся к ней. Бедная девушка сошла с ума от горя, ушла в леса и сама стала лесной девой и погубила немало прекрасных рыцарей, мстя мужчинам за вероломство. Раина каждый раз плакала на последних строчках, заплакала и теперь. Но он уже спал, чуть посапывая во сне.

Девушка отложила арфу, подула на большой, исходящий теплым золотым светом шар — ее тюремщик, спящий теперь подле, уступил ее просьбе и сменил свет, хотя прежний ему нравился больше, — и снова взялась перебирать драгоценности.

Это, кроме музикации, было ее единственным развлечением. Еще до того, как он выкрад ее с проплывавшего мимо проклятого острова корабля, здесь были груды золота и камней. Ни одно судно не могло безнаказанно пройти в этих водах — каждый раз зная заранее о приближении какого-нибудь корабля, он поднимал бурю и топил его, не

оставляя в живых ни женщин, ни детей. Ему не нужны были рабы. Он забирал ценности, а остальное пускал на дно.

Впервые узнав о его кровавых вылазках, Раина проплакала несколько дней — а после привыкла. Все равно ее уговоры не производили на него ни малейшего впечатления, она только впустую тратила силы. Милосердие было ему неведомо, а страх перед тем, что люди обнаружат его убежище — слишком велик. Почему он, такой огромный и сильный и к тому же могущественный маг, боялся людей, Раина понять не могла. Она не раз спрашивала его об этом, но он только криво усмехался.

Но если до ее появления он разорял корабли лишь защищая свое уединение и накопленные сокровища, то теперь было иначе. Раньше его не интересовал груз судна, одно лишь золото и драгоценные безделушки — а они встречались редко, разве что удавалось потопить пиратов, уже скопивших в сундуках немало подобного добра. Теперь же он обшаривал добычу от трюма до капитанской каюты, выискивая для Раины разные редкости. Первое отвращение, мешавшее оценить его галантность, быстро прошло, и она уже с нетерпением ждала его возвращения из очередной вылазки. Он приносил ей счастья и фрукты, редкие вина, молоко в больших мохнатых орехах, шелка и парчу. И, конечно, украшения.

Все красавицы неравнодушны к побрякушкам, и Раина не была исключением. Ибо она была красива. Единственное, что портило ей удовольствие, это отсутствие зеркала, хотя бы совсем маленького. Но когда он заколдовал ее, сделав бессмертной и вечно юной, он в тот же день вынес и безжалостно выкинул в море все серебро, хранившееся в его сокровищнице. На ее сетования он приволок ей откуда-то огромный золотой поднос, но тот не годился, поскольку искажал цвет, делая все одинаково желтым.

И все же она могла часами без устали сидеть в сокровищнице и рыться в сверкающих грудах. Зная эту ее слабость, он мог, рассердившись, выставить ее в другие залы, завалив вход в заветную анфиладу тяжелым камнем. Но это случалось редко — зная капризные характеры друг друга, они старались не затягивать ссоры.

Перенося ее из зала в зал, он взваливал на плечи и ее огромную постель, увязав в огромный узел подушки, перины и одеяла. Вот и сейчас, разваленная в изящном беспорядке, она лежала среди бесконечных сокровищ. Раина, примерив напоследок алмазную, с сапфирами диадему вендийской работы, сняла с себя тяжелые украшения, юркнула под меховое одеяло, свернулась в калачик и заснула.

Магический шар, гаснувший без присмотра, уже почти потух, когда он внезапно проснулся и поднял голову. Раина спала. А где-то поблизости плыл корабль.

Стремительный, как ящерица в старых развалинах, он помчался по темным коридорам и залам, безошибочно ориентируясь в огромном лабиринте пещер. Все ходы и выходы он знал здесь наизусть.

Переведя дыхание у подземного озера, в котором он брал для Раины чистую питьевую воду, он нырнул, нацелясь в неразличимый под черной водой коридор. Это был самый короткий путь наверх, и уже несколько мгновений спустя он выныривал на поверхности круглого, как плошка, озера, отфыркиваясь и разбрызгивая хрустальную ледяную воду.

Весь остров представлял собой кольцо невысоких и очень старых гор, окружающее большую зеленую долину, посреди которой раскинулось озерцо. В нем никто не жил, оно никогда не зарастало тиной, ибо вода его, уходящая в самые корни гор, была холодна, как лед. Зато в ручьях, питавших тайный лаз хозяина острова, в изобилии водилась рыба, а по

берегам, копошась в зарослях тростника и водяных лилий, селились огромные колонии птиц.

Немного обсохнув и отдохнувшись, он определил, с какой стороны приближается судно, и помчался к берегу ему навстречу.

Солнце стояло в зените, море было светло и спокойно. Кораблик, казавшийся совсем игрушечным с огромного расстояния, белым пятнышком маячил у горизонта. Он сощурил глаза, пытаясь различить сквозь полуденное марево, что за люди плывут мимо его острова. Но корабль был еще слишком далеко.

Мысль добыть Раине пару нравилась ему все больше. Девчонка стала слишком капризна в последнее время, а новый пленник сулил новые забавы — не только ей, но и ему.

К людскому роду он испытывал опасливое презрение, а потому, не задумываясь, превратил бы в игрушку любого зверя этой породы. В сущности, налеты на корабли тоже были его игрой — если бы в его дворце было уже столько сокровищ, что не влезало уже ни одной монетки, он все равно продолжал бы время от времени выходить в море — просто ради удовольствия.

Обычно он сначала устраивал бурю, после в самый разгар ее подплывал к кораблю, мощным ударом проделывал дыру в днище, а затем, когда судно, накренившись, теряло команду, оттаскивал его к берегу, проследив, чтобы никто не выплыл. Вытащив добычу на теплый песок, он тщательно ее осматривал и забирал все, что имело в его глазах какую-нибудь ценность. А ближайший прилив или новый штурм быстро смывали в море уже ненужные останки кораблекрушения.

На этот раз, прежде чем отправлять людышек в унылую страну, которую они называли Серые Равнины, он хотел видеть тех, кого убивает. Если среди них сущется достойный Раины жеребец, его надо будет оставить в живых. Да и вообще, подумал он вдруг, стоит послушать, о чем они говорят, подплывая к его острову.

Войдя в воду, он сразу же нырнул. Он плыл так, как плавают угри и мурены — волнообразно извиваясь всем телом, ибо обычный людской способ плавать — размахивая руками и ногами — казался ему вопиющей глупостью. Подплыв под днище галеры, похожей на те, что делают на верфях Иранистана и Шема, он высунул голову у самой кормы — там, где нависающий над водой выступ не позволял увидеть его с верхней палубы.

Как всегда, люди болтали о ерунде. Он услышал властный голос, отдающий команду править к берегу — и насторожился. Во-первых, обладатель такого голоса мог оказаться неплохим экземпляром, а во-вторых, стоявшие на корме, кажется, обсуждали, стоит ли исследовать таинственную землю, не нанесенную ни на одну карту.

«Еще бы, — с удовлетворением подумал он. — Я уж постарался, чтобы никто из видевших мой остров не вернулся домой». Весь о том, что его убежище по-прежнему неизвестно людям, его обрадовала. Ради этого стоило пачкаться в тине и царапаться об острые края ракушечника, густо покрывавшего днище, в которое он вцепился, чтобы не отстать. Пронырнув глубоко под водой, он отплыл настолько, чтобы его не было видно с корабля, а затем что есть силы завопил на том языке, который слышал с кормы:

— Помогите! Помогите! На помощь!

Недолгое время спустя его заметили и, пустив в ход веревки, вытащили из воды. Он умел, когда хотел, придать себе жалкий и несчастный вид, а для них он к тому же выглядел седым стариком. Его выволокли на палубу. Дрожа и бормоча слова благодарности, он цепким, напряженным взглядом шарил по склонившимся к нему лицам. Нет, среди этих тощих, полуголых мужланов не было ни одного, кто бы понравился Раине.

К нему подошел хозяин судна — осмотреть находку, — но и этот человек, на которого он так рассчитывал, не оправдал его ожиданий: он, хоть и богато одетый, с сильными, длинными руками, был одноглаз и кривоног, что делало его похожим на потрепанную в боях обезьяну в человечьем платье.

— Как ты здесь оказался, нищий старик? — спросил он, возвышаясь над скрюченным пришельцем, как башня.

— Я не помню, — забормотал он. Осмотр был сделан, теперь оставалось только отвлечь от себя внимание и незаметно соскользнуть обратно в воду. — Я плыл куда-то — вот все, что я могу сказать тебе, добрый господин. Я очнулся на берегу вон того острова, среди жалких обломков. Наверно, я ударился головой, потому что не помню даже, как меня зовут и кто я такой. Как я спасся — ведает один только благостный И Чженъ, покровитель всех путешественников!

— Гм, — сказал хозяин. По виду это был сущий разбойник, да и команда его, сжимавшая в руках бамбуковые палки, которыми они подгоняли нерадивых гребцов, выглядела не самым благонадежным образом. — Похоже, старик, ты — кхитаец. Что ж, я — Свагала, купец из Иранистана, плыву в Кхитай и могу высадить тебя где-нибудь на побережье. Но тебе придется отработать свой проезд, старик!

— Я отработаю, милостивый господин, отработаю! — усиленно закивал он, изображая подобострастие. — Но сейчас, во имя милостивых богов Земли и Неба, дай мне сухую одежду и хоть кусок рисовой лепешки! Я умираю от голода!

— Так обсохнешь, — бросил ему мнимый купец и велел: — Тонга! Дай ему, что найдется! Есть ли на том острове чистые источники, старик?

— Есть, есть, господин мой! С восточной стороны, в скалах, почти у берега.

— Спустите лодки и разведайте, где сказано. А этого — на нижнюю палубу! Он не старше Горбатого Пака, а тот отработал полгода, прежде чем издох! — распорядился одноглазый хозяин и пошел прочь.

Ему же, зорько наблюдавшему за тем, как спускаются на воду и плывут к берегу три тростниковые лодки, бросили под ноги какие-то тряпки и корзинку с зачертевшими корками, велели: «Шевелись!» — и на какое-то время оставили в покое. Улучив момент, он бесшумно скользнул вниз. Немощного старика теперь не было и в помине: опустившись почти на дно, он оттолкнулся и, как брошенное сильной рукой гигантское копье, взлетел вверх, всей тяжестью тела обрушившись на злосчастную галеру.

Нищему старику было на что обидеться при таком неласковом приеме, но руководила им сейчас не злость, а холодный точный расчет. Галера наверняка промышляла пиратством или работорговлей и выловленного старика хозяин конечно же никуда бы не довез, а приковал бы к скамье до самой смерти, как поступал со всеми своими гребцами. Но не это заставило его с утроенной яростью атаковать уже обреченное судно еще и еще раз, наслаждаясь воплями ярости и ужаса летящих с палуб людей. Никто не должен знать дорогу к уединенному острову посреди Лемурийского моря! Никто не должен уйти живым от его берегов!

Живым не ушел никто. Расправившись с командой, он занялся лодками. Он разметал в клочья сухой тростник, он гонял по берегу обезумевших от ужаса людей и, в конце концов, убил их одного за другим, как убивает кот надоевшую ему замученную мышь. У него были свои счеты с людьми.

После побоища можно было осмотреть добычу. Вытащив галеру, он занялся ее

исследованием, но не обнаружил ничего путного, пока не добрался наконец до каюты одноглазого хозяина. В сундуке, стоявшем под его кроватью, хранился изрядный запас вина, свежего хлеба и фруктов. Но самая большая драгоценность, завернутая в несколько слоев шелка, лежала в большой корзине, набитой древесной стружкой. Осторожно развернув шелк, он сначала застыл в изумлении, затем весело сказал:

— Хо! Клянусь всеми своими сокровищами, сегодня Раина будет довольна!

Перед ним, величиной всего в две человеческих ладони, лежало зеркало. Но это зеркало было сделано не из запретного серебра, нет. Это было стекло, покрытое тонкой пленкой какого-то вещества, видимо, смеси нескольких металлов. Отражало оно превосходно, и в овале его тяжелой золотой рамы он увидел свою довольно физиономию так ясно, словно смотрелся в поверхность горного озера.

Прихватив сундук и корзину, он двинулся домой, но на этот раз не через водосток, а дальней дорогой. Конечно, ему не терпелось преподнести Раине драгоценную игрушку, стоявшую в верхнем мире, наверное, несметные сокровища — недаром она была упакована с таким щадением. И все же он пошел через все пещеры, описывая круг за кругом по мере того, как спускался с яруса на ярус. Несмотря на то что чудесное зеркало лежало в корзине, как яичко в гнезде, он очень боялся как-нибудь повредить его.

* * *

Не прошло и трех дней, как Конан снова начал собираться в путь. Слова Тай Юэня запали в него, как падают семена в плодородную почву — с тем, чтобы прорости и дать обильные плоды. Он словно сам чувствовал предсказанное неизвестное Нечто, ждущее его где-то у края мира, и стремился ему навстречу, жадный и нетерпеливый. Князь отрядил пятерых вендицийцев на большую охоту, засадил прях за ткацкие станы, а кузнецам велел заново закалить все оружие троих друзей и починить порванную кольчугу Сагратиуса. Поскольку стражи-вендицы время от времени нуждались в обновлении своего оружия и доспехов, такая работа не была непривычна местным мастерам, и они потрудились на славу. К полнолунию все было готово, и Конан, осмотрев сделанное, сказал, что наутро они могут двигаться в путь.

Вечером этого дня в его комнату вошел слуга и с поклоном осведомился, не соблаговолит ли великий воин выйти в сад, ибо кайбон хочет поговорить с ним на прощание. Иначе здесь не изъяснялись, и Конан уже привык не обращать внимания на форму, слыша только суть. Суть была в том, что Тай хотел что-то сказать ему именно в этот вечер в своем «Месте Силы», как он его называл. И Конан отправился в самый дальний и потаенный уголок придворцового сада.

По сути, это был не один, а несколько садов, заполнивших пространство между павильонами и галереями дворца. Каждый садик имел свое название, свое настроение и даже свое время года. «Когда ты входишь в сад, сад входит в тебя», — говорил Тай Юэнь.

Конан был равнодушен к нюансам взаимного расположения обломков скал, ручейков, мостиков и деревьев, но хорошо помнил сад Учителя. Тот был не просто украшением, он помогал, ободрял и успокаивал, когда надо, а мог и придать сил и здоровья.

У Тай Юэня сад был скорее сложной и хрупкой игрушкой, требующей постоянного ухода и заботы. Но у самой скалы за дворцом был дворик, полюбившийся и Конану. В него можно было попасть только из личных покоев князя. Сюда не входили служители с ножницами и лопатами, редкая трава и цветы росли в камнях, как им вздумается, и лишь стена дома и земляная скамья, обложенная дерном, говорили о том, что это сад, а не просто кусок земли. Здесь, простирая над скамьей узловатые ветви, росла огромная, тысячелетняя сосна, которую любой кхитайский ценитель выкорчевал бы с корнем — настолько она не вмешалась в крохотные мирки обычных садов, прилизанных и расчесанных.

Но Тай любил приходить к ней и касаться рукой корягового ствола, смотреть, как скачет в ветвях семейство белок, живущее в ее кроне не одно поколение, слушать вечерами сверчков в неухоженной траве. Он называл этот сад «Местом Силы» и, наверное, таким оно для него и было. Конан предпочитал говорить о силе с дубами, могучими северянами, черпающими мощь из самого сердца земли. Но на худой конец могла сойти и сосна — дубы в Кхитае были редки, а в горах не росли вовсю.

Тай Юэнь поджидал его, сидя в тени древнего дерева. Конан опустился на скамью рядом с ним. Князь молча и отрешенно смотрел на друга своими темными, чуть раскосыми глазами.

— Ну, — немного ворчливо сказал киммериец, — о чем ты хотел говорить со мной?

Ему каждый раз становилось не по себе, когда друг устремлял на него такой взгляд — всевидящий и слепой одновременно. Из Зала Четырех Драконов Конан вынес обессиленного Тай Юаня почти на руках, и с тех пор они ни разу не обсуждали того, что прошло тогда через них обоих. Сейчас кайбон выглядел точь-в-точь как в том зале. Конан уже понял, что речь пойдет о предстоящем ему пути, и заранее напрягся.

— Только не вздумай отговаривать меня идти, — сразу сказал он, хмурясь. — Я уезжаю завтра утром.

— Конечно, — без улыбки кивнул Тай, — То, что я видел, должно произойти, иначе нарушится связь. Я не собирался разубеждать тебя, но хотел просить отговорить Сагратиуса и Кинду. Ты — выберешься, я знаю это так же твердо, как то, что завтра взойдет солнце. Но их судьбы уходят во тьму.

Киммериец фыркнул.

— Отговорить! Ты думаешь, я не пытался? Они ничего слушать не хотят. — Он нахмурился, упрямая складка залегла меж прямых черных бровей. — По мне, так и правильно. Настоящий воин не бежит от судьбы — да и разве от нее сбежишь? Они решили идти. Я решил идти. Все остальное — в деснице Митры, как говорит Сагратиус.

Тай Юань опустил длинные темные ресницы:

— Хорошо, пусть будет по-вашему. У меня все готово, трое свежих жеребцов стоят в конюшне, их только вчера привели со столичной ярмарки. Но вот что я хочу, чтобы ты помнил, Конан. — Князь взглянул другу в глаза и выговорил — раздельно, с расстановкой от слова к слову: — Что бы ни случилось — не следуй за первым порывом. Белое может оказаться черным, а черное — белым, если приглядеться к нему хорошенъко. Жаба — некрасива, но таит в голове лунный камень. На оперенье павлина все смотрят с восхищением, но едва он откроет рот — тут же затыкают уши. Будь осторожен в своих суждениях. Будь осмотрителен.

— Опять загадки, — усмехнулся киммериец. — Нергал тебя возьми, Юлдуз, иногда ты говоришь так, как говорят женщины. Скажи, чего я должен опасаться, и прекрати меня

мороочить.

— Мороков тебе будет и без меня, — ответил князь почти суроно. — И один лживее другого. А потому, повторяю тебе, не кидайся на них, не рассмотрев как следует. Граница меж светом и тьмой тонка и зыбка... — Тай Юэнь вздохнул, словно повторял это кому-то уже не единожды. — Храни тебя Митра и твой Кром, Конан. Завтра утром я поеду с вами — провожу до границы моего княжества.

— Хорошо! — искренне обрадовался Конан. Он уже собирался вставать, полагая, что беседа окончена. Но князь положил ладонь на узкий лаковый ларчик, лежавший на скамье подле него, и велел:

— Ну-ка, помоги мне.

В ларце, как и ожидал киммериец, хранился свиток. Но это было не вертикальное живописное полотно, не изображение древней битвы или стадий обработки риса, сопровождаемое подробными пояснениями в виде бесконечных столбиков витиеватых знаков. Это была карта, причем карта превосходная. Единственная надпись в начале свитка гласила, что это был «Вид Старого Военного Пути через Юго-Восточные провинции Великой Кхитайской Империи с высоты ласточкиного полета». Конан тянул свиток на себя и сворачивал, словно тянул и сворачивал ленту дороги, по которой ему предстояло пойти, а тонкий смуглый палец Тая скользил по темному от времени шелку, отмечая вехи этого пути.

— Я провожу вас до восточной границы, — говорил Тай, следуя тропой, которая по мере приближения к большой дороге становилась все шире, словно ручей, набирающий силу на пути к реке. — То есть до самого Старого Пути. Раз ты решил плыть до края света, тебе нужно выйти к Внешним островам. Сейчас Старый Путь не так оживлен, как во времена войны с дикими племенами, двести лет назад хлынувшими с севера. Нынче от них мало что осталось, и торговцы снова ведут караваны по этой дороге — Старый Путь по-прежнему единственный способ добраться до северной части Лемурийских островов. Но будь осторожен: в последнее время до меня доходили слухи о новой банде кочевников-гирканцев. Они каким-то образом обогнули Великую Стену и промышляют теперь в наших северных землях...

— Гирканцы? — удивился Конан. — Так далеко на востоке? И много их в этой шайке?

— Доподлинно я не знаю, но говорят, что не менее пяти сотен, — ответил Тай Юэнь. — Но ты же знаешь, что означает «говорят». У страха глаза велики. Их может быть и пятьсот, и три десятка. Сам я ни разу их не видел. Говорят еще, что это не просто банда разбойников, а изгнанники, отверженные истинными почитателями Эрлика и Пророка его Тарима. Что у них появился какой-то свой новый Пророк, обещавший им в северных степях золотые горы. По-моему же, это самые обычные грабители — может, две-три шайки, слившиеся в одну. А если это все-таки осколок кочевого племени, то поскольку сейчас весна, они должны быть слишком заняты приплодом табунов, а потому вряд ли вас побеспокоят. Смотри, вот здесь дорога минует Перевал Зимних Гроз и выходит на ту сторону гор. Там вдоль дороги довольно поселений — когда-то, еще во время войны, там строились оборонительные опорные крепости.

Так что и еду, и вино вам будет где раздобыть. Потом идет еще один перевал — Морской Страж, а за ним уже близок и Пайтал — самый крупный порт на всем северном побережье. Там вы найдете любую лодочку и переправитесь через пролив Чеджуд-Ла — «Реку Тысячи Джонок». Потом, перебираясь с острова на остров...

— Там уж как-нибудь разберемся, — отозвался киммериец, внимательно изучая карту.

— Не стоит загадывать слишком далеко вперед. Значит, сейчас — до Пайтала. Не дашь ли ты мне с собой эту карту — не в путь, разумеется, а на сегодняшнюю ночь? Я бы как следует рассмотрел ее...

Тай Юэнь медленно свернул тонкий шелк, уложил в черный футляр с вытесненными на нем знаками доброго пути, и протянул Конану.

— Она твоя. Я велел скопировать ее для себя еще год назад — на всякий случай. Так что бери, у меня есть другая точно такая же. Если бы в сундуках Дворцовой Канцелярии хранились карты Лемурских и Внешних островов, я с радостью отдал бы тебе и их. Но — увы — их нет. Быть может, ты узнаешь больше в самом Пайтale.

— Вот поистине княжеский дар, клянусь Кромом! — восхитился Конан. — Благодарю тебя, брат. Это гораздо лучше, чем пророчество!

На это Тай Юэнь лишь печально улыбнулся.

— Из пророчества можно хотя бы узнать конец пути, — сказал он. — Как ни хороша эта карта, она будет тебе бесполезна там, где кончается край земли. Ну, если ты и в самом деле хочешь выехать до света, вам обоим пора в постель. Время за полночь.

Конан кивнул, думая о своем. Они поднялись со скамьи и вышли из сада. Слуги, почтительно поджидавшие их у входа с горящими лампами в руках, засеменили впереди, указывая дорогу. Конан еще раз кивнул на пожелание Тай Юаня крепкого и легкого сна и ушел к себе. Драгоценная карта не давала ему покоя — никогда раньше он не видел ничего подобного. Поэтому, отобрав у слуги лампу, он захлопнул дверь своей комнаты перед самым носом опешиившего кхитайца.

Тот повздыхал, потоптался у порога и, сетя на поспешность молодых господ, пошел прочь. Его услужение у Конана было сущей каторгой — почетный гость не желал вечерних омовений в розовой воде, не желал грелки в постель, не желал церемонии Утреннего Поднесения Туфель. Это очень удивляло и огорчало старого слугу, но огромный северянин ничего не желая слушать, только рявкал время от времени: «Уйди, стариk, целее будешь».

Сквозь резную дверь Конану были прекрасно слышны все вздохи и сетования приставленного к нему кхитайца. Он усмехнулся, заново подивившись, как сносит всю эту маяту Тай Юань, и пробормотал вслед удаляющимся шагам:

— Ничего, старше, потерпи. Завтра твои мучения кончатся.

Говоря это, он расстипал на прикроватном столике драгоценный свиток, намереваясь еще раз просмотреть предстоящий путь. Но тут послышалось шуршание шелка, и возмущенный голос Силлы поинтересовался:

— Чем это занят мой господин? Или он собирается последнюю ночь провести за чтением, а не в нагретой мною постели?

— Ну, уж нет! — отозвался Конан, стараясь, чтобы девушка не услышала в его голосе невольного раздражения: ночь была и в самом деле последней, негоже было пренебрегать ею. — Карты подождут.

— Сегодня я твоя последний раз, — прошептала Силла, ловко раздевая его. — Думай об этом, мой наездник. Думай о том, что за эти три ночи, обещай мне их боги еще раз, я отдала бы все сокровища мира — но отказалась бы от четвертой. Эта ночь — наша последняя ночь, мой повелитель, и я намерена употребить все мои женские силы на то, чтобы ты запомнил ее — и меня.

Он улегся рядом с Силлой на прохладные простыни — и Козочка с ликующим криком тут же оседлала его. Она была совершенно нагой, тело ее отливало темным золотом в свете

масляной лампы.

Конан и в самом деле думал, что, наверное, больше никогда не увидится со своей строптивой девчонкой, дочерью и любовницей одновременно, и это придало их последней ночи вдвоем какой-то терпкий, чуть горьковатый привкус. Силла, взявшись исполнять обещанное, раскачивалась над ним в упоении атакующей кобры, глаза ее горели каким-то особым огнем, и Конан мог ясно видеть начертанное в них предсказание: «Ты не уснешь нынче, господин мой».

И все же они уснули, совсем под утро, с первыми трелями просыпающихся птиц. Конан не помнил ни самого сна, ни видений его — Тай Юэнь сам поднял киммерийца с первыми лучами солнца, пока все слуги еще спали. Уверенный, что так и не вздрогнул, Конан выскользнул из объятий спящей Силлы и вышел вслед за князем.

Провожала их одна Фейра — не считая тех жителей Тай Чанры, чьи дела подняли их с постелей еще раньше, чем четверых путешественников. Закутавшись в простое покрывало, княгиня шла с ними до самой конюшни у городской стены, где уже ждали под седлами четыре жеребца, злые и дрожащие спросонок.

Заглянув в переметные сумки, Конан убедился, что Тай Юэнь позаботился обо всем. Еда и вино на пять дней, запас стрел в колчанах, длинные гирканские луки, притороченные к седлам.

Одеяла из драгоценной и редкой в этих землях верблюжьей шерсти, смена одежды — каждому по росту. Еще какие-то мелочи, не слишком нужные, но делающие дорогу легкой и приятной. Видя, как он разглядывает снаряжение, Тай не без гордости пояснил:

— Мы начали готовиться, как только ты объявил об отъезде. Вас собирала в путь вся Тай Чанра.

Сагратиус принял благодарить князя в цветистых и туманных выражениях, Конан же только сказал Фейре:

— Береги мою девчонку! — и вскочил в седло.

— Или мальчишку, — тихонько сказала Фейра, но киммериец ее не услышал. Но когда четверо всадников, проехав лощину, выбрались на тропу под склоном горы, им еще ясно видна была светлая тоненькая фигурка, махавшая рукой от городских ворот.

Весь этот день они провели в седлах, неспешно следя прихотливым изгибам горных дорог, местами больше походивших на козы тропы. Лишь около полудня, когда жара стала невыносимой, они ненадолго остановились у быстрой горной речки — поесть и дать напиться лошадям. Дорогой Тай Юань рассказывал им о Лемурийских и Внешних островах — все, что знал сам, а знал он немного.

— Говорят, большая часть островов затонула во время Катастрофы, — говорил он, покачиваясь в седле. — И то, что теперь отделяет Лемурийское море от Великого Океана — лишь жалкие остатки. Городов там мало, в основном рыбачьи поселки — есть, впрочем два-три больших порта. Считается, что острова подвластны Императору, но я думаю, он там даже ни разу не был. Воевать там не с кем, жители занимаются рыболовством да промышляют жемчуг на Южных Отмелях. Все крупные города и поселки расположены ближе к западу, потому что с океана нередко приходит Неистовый Всадник.

— Это кто такой? — заинтересовался Сагратиус. По нему было видно, что он уже готов помериться силами с неведомым грозным опустошителем рыбачьих мирных деревень.

— Огромная волна, — ответил Тай Юань и удивленно взглянул на Конана, расхохотавшегося вдруг во все горло.

— Посмотри на его вытянувшуюся рожу! — все еще смеясь, сказал киммериец. — Клянусь протухшей печенкой Нергала, он уже примеривался, как бы свернуть той волне шею!

— Нет, нет, — поспешил уверить аквилонца кайбон. — Это всего лишь вода. Правда, она поднимается выше гор и удар ее страшен. Поэтому мало кто отваживается жить подолгу у восточных берегов. Но суда ходят и там — и купеческие, и рыболовные. Обычно Всадник приходит не один, а с землетрясением и бурей, так что опытные моряки всегда знают заранее о его приближении и успевают укрыться в безопасных западных бухтах. О Внешних же островах почти никто ничего не знает. Говорят, там до сих пор водятся морские чудовища, слепые и кровожадные, раз в столетие поднимающиеся из кромешной мглы глубин — на промысел. Это, конечно, легенды. Но случалось, что корабли пропадали в спокойном Лемурийском море без вести — и в бурю, и в ясную погоду. Встречаются там и пираты.

— Об этом я знаю, — сказал Конан. — Сам плавал как-то на пиратской посудине. Нужно мне было одного друга проводить — вот мы с ним и захватили тот корабль. Так что воды эти я немного знаю.

Киммериец говорил о своем путешествии с Рана Риордой, Небесной Секирой. Они вместе вырвались из плена стигийского подземелья. Конан за свое освобождение взялся доставить древнее оружие на легендарный материк Му, где по утверждению духа секиры еще жили прямые потомки атлантов.

Ибо Рана Риорда был стар. Вернее, не стар, а древен — по виду оружия можно было предположить, что оно только-только вышло из рук кузнеца. Отец Гидалла, полубог, мастер и провидец, выковал ее из небесного камня еще до Катастрофы. С секирой Конан пересек все южные моря и, в конце концов, достиг неведомых берегов. Там он оставил Риорду лежать на белом алтаре, а сам вернулся в Хайборию. Тогда киммериец думал, что достиг самой крайней, самой отдаленной земли. Но, если верить Юлдузу, была где-то земля еще дальше.

Заночевали они в маленькой банановой рощице, а наутро снова двинулись в путь. Дорога, теперь широкая и наезженная, отлепилась наконец от скалы и шла сквозь влажные, полные звуков и запахов джунгли. Наконец лес оборвался, а перед путниками раскинулась широкая горная долина, прорезанная, словно рекой, огромным трактом — Старым Военным Путем.

— Ну вот, — сказал Тай Юэнь. — Здесь мы с вами расстанемся. — Зная, как тягостно бывает прощание, особенно для тех, кто привык скрывать свои чувства, он весело выкрикнул: — Счастливого пути! Да хранят вас Митра и все светлые боги! — И, повернув коня, нырнул обратно под темный полог леса. Троє спутников едва успели крикнуть ему слова прощания — уже вслед.

Конан пришпорил своего жеребца, и тот пошел легкой рысью вниз по склону, туда, где дрожало пыльное марево над Большой Дорогой. За ним, не отставая ни на шаг, ехал Сагратиус и разглагольствовал:

— Сколь приятно в этой непросвещенной стране слышать Имя Солнцеликого! Это говорит о том, что беседы мои с князем — а мы подолгу беседовали с ним о таинствах и милостях Пресветлого — не пропали всуе. И, право, до сих пор у меня не было столь благодарного и внимательного слушателя! Если бы ты, Кинда, слушал меня с той же охотой и желанием приобщиться святая святых, твою душу давно бы осенила благодать прозрения!

Кинда на это только фыркнул: его понятие о мире и правящих в нем богах сложилось гораздо раньше, чем Митра ниспоспал ену своего многогрешного слугу для обращения.

— Да ты и старую деву не обратишь к девственности, — Проворчал Конан. Что-то, быть может, остатки Силы, подсказывало ему, что он больше никогда не свидится с Юлдузом — Тай Юанем. Киммериец был мрачен, и болтовня Сагратиуса его, вопреки обыкновению, раздражала. — Юлдзу Свет Митры принесли задолго до тебя, толстопузый греховодник. Тебе бы его послушать, а не ему тебя.

— Ты злишься, сын Крома, значит, ты не прав, — ничуть не обидевшись, весело отозвался Мейл. И добавил серьезно: — Но что до света, тут крыть нечем. Все земли обойду, второго такого человека не встречу. А, Кинда?

Карлик, очень редко вступавший в разговор сам, всегда охотно отзывался, если к нему обращались напрямую.

— Кайбон — пхатук, — заявил он и пояснил: — Старший сын, ушедший к Отцу. Равный богу, но среди людей. У народа Кинды таких живых нет — только мертвые.

— Что, прямо так мертвецы и гуляют? — не поверил, Сагратиус.

— Не гуляют, нет, — помотал головой Кинда. — Они — с Отцом. Приходят, когда большое зло. Мор или засуха.

Конан кивнул.

— Вроде Младших Богов, Детей Имира. Твои, Кинда, в песчаной пустыне живут, а те — в ледяной. Да только с тех богов пользы, что с асиров — ума. Закрутят путника в пурге или волками затравят — вот и вся их потеха. И дочери его, ледяные потаскухи, не лучше.

— Пхатуки — не ледяные, — задумчиво сказал Кинда. — Но холодные, не живые. А кайбон — живой. Кинда не зря жил на свете, Кинда видел живого бога.

Конан глянул на Сагратиуса, почти уверенный, что тот сейчас начнет возражать: мол, есть только один бог, светлый Митра, а все остальное суть наваждения Нергала и проклятого Сета. Но аквилонец только пробормотал что-то невнятное, опустив голову.

— Что, пивное брюхо, — ткнул его в бок киммериец, пытаясь обернуть все шуткой. — Немного тебе понадобилось, чтобы усомниться в единовластной благости Митры? Нашел обитель света на земле и теперь не можешь с нею расстаться? А нужен ли там такой толстый пожиратель каплюнов, как ты?

Ответом ему был душераздирающий вздох. Мейл дурачился, но глаза его были серьезны.

— Да, я грешен, друзья мои. Но настанет день, и я вернусь в сию святую обитель, смиренно надеясь, что на мой век там хватит и каплюнов, и вина, — заявил он с новым вздохом, долженствующим изображать раскаянье во всех грехах. — Тай Юань добр, он не велит прогнать меня батогами.

— А ты и рад пользоваться его добротой, обжора! — рассмеялся Конан. — Я видел, во что ты превратил его запасы для гостей. И всего-то за две луны! Кто бы мог подумать, что смирение плоти и духа может произвести такие опустошения!

Киммериец смеялся, подразнивая друга, но на душе у него было черно.

«Ты потеряешь двоих...» — повторял он про себя под перестук копыт. Он знал наверняка, что ни Сагратиус, ни Кинда никогда не вернутся в Тай Цзон.

— Ну, это мы еще посмотрим, — зло прощедил он сквозь зубы и пришпорил своего коня. — Гей, гей, ребята, пошевеливайтесь, а то мы будем добираться до края света всю оставшуюся жизнь!

ГЛАВА 3

Кочевники

Зеркало, на которое он возлагал такие надежды, тоже не восстановило мира в его каменном подземном дворце. Похоже, его дворец был просто не создан для мирной жизни — по крайней мере, пока в нем находилась женщина.

В первый миг, увидев свое отражение, Раина вскрикнула и застонала в отчаянье: так бледно и даже серовато стало ее лицо от бесконечных дней во тьме. Выйдя наверх, она увидела лишь свои руки — и замирала от мысли, во что же за эти годы должно было превратиться ее лицо. Сейчас она смотрела в зеркало и вздыхала: покойница, настоящая покойница. Обманывать себя было бесполезно — побывав наверху, она знала, что нельзя все объяснить одной лишь игрой синеватого, мертвенно-белого света. Тем более, что теперь свет волшебных шаров был очень похож на солнечный.

Он смотрел на нее, посмеиваясь про себя: он видел Раину нас kvозь.

— Что ж, — притворяясь рассерженным, мрачно сказал он, — тогда давай я выкину эту стекляшку, раз она так тебя огорчает.

— Нет уж! — отрезала девушка, разглядывая себя в зеркале так и эдак.

А взглянуть, право, было на что. Несмотря на бледность, она по-прежнему была очень, очень хороша. Ее тюремщик не солгал ей, когда пообещал, что здесь, в этом дворце, время будет над ней не властно. Не один год провела она под глухими каменными сводами, а вот гляди-ка — ничуть не изменилась! Ясные синие глаза сияли все тем же мягким манящим светом, золотые волосы струились по плечам водопадом, высокая девичья грудь едва колыхалась при ходьбе.

Установив зеркало так, чтобы видеть себя хотя бы до пояса, Раина принялась перебирать украшения. На это у нее ушел целый «день» — время она считала по тому, сколь долго ей не хотелось спать.

Она почти не замечала хозяина, улегшегося сверху на ту груду золота, на которой стояло ее зеркало, и с интересом наблюдавшего за тем, как она расчесывает волосы, укладывая их так и эдак, заплетая их в косы, чтобы перевить нитями жемчуга, или поднимая на затылок, чтобы примерить золотую шапку уттарийской принцессы. Пальцы ее были унизаны перстнями, мочки ушей покраснели от тяжелых, до плеч, золотых серег с аметистами и лалами, руки и ноги в три ряда обвивали браслеты. Забыв обо всем, она примеряла вещь за вещью, тихонько напевая себе под нос.

Только об этом он и мечтал, когда бережно нес ей хрупкую вещицу через все залы и галереи. Он был счастлив. Он разнежился так, что начал задремывать, пока его не вывел из этого блаженного состояния гневный вскрик.

Его красавица не могла выпутать из волос тяжелой диадемы и в нетерпении рванула обруч так, что слезы брызнули из глаз. Он поднял голову.

— Для кого я все это делаю? Ты спиши и даже не смотриши на меня!

Она швырнула освобожденную диадему себе под ноги. Золото жалобно зазвенело.

— Я полагал, что тебе вовсе не нужно, чтобы я на тебя смотрел, — ответил он, искренне удивленный.

— Тогда зачем ты здесь разлегся, желтоглазый урод? Потешаться надо мною, что ли? Я

так нехороша? Мне все это не идет? Ну, скажи что-нибудь!

Он посмотрел на нее, склонив голову набок.

— Что я должен сказать? Что ты очень красива — но ведь ты и без меня это знаешь. Хочешь, я принесу тебе поесть? Уже ведь довольно поздно.

Но сегодня у него был, видно, неудачный день. Раина начала срывать с себя кольца, браслеты, ожерелье — к швырять в него, метя в голову, приговаривая:

— «Поздно»! Разве я знаю в этом подземелье, что такое «поздно»! Ты приволакиваешь мне зеркало — а на что оно мне, если я даже показаться во всем этом никому не могу? Зачем я наряжаюсь? Для тебя, толстокожий урод? Да что ты смыслишь в девушках? Тебе бы только голос! А это? А вот это?

В истерике она дошла до крайности, чего раньше никогда себе не позволяла: скинула одежду и осталась в одних сандалиях. Видя, что он смущен, Раина вошла в азарт и разлеглась на золоте, широко раскинув ноги. При этом она уголком глаза глядела в зеркало, проверяя, достаточно ли соблазнительно выглядит.

— Ну как? — Она водила руками по бедрам, животу, пощипывала соски маленьких грудей. — Когда-нибудь я дождусь от тебя слов — «Я тебя хочу»?

Глаза его затвердели, словно две золотые монеты. Он понял, что девица над ним просто потешается — какой бы визг она подняла, если бы и впрямь услыхала когда-нибудь от него что-либо подобное! Тогда он разозлился и решил ее проучить.

— Эта красная щель у тебя между ног, поросшая желтым волосом, просто отвратительна, — заявил он, повернулся и ушел, унеся свет. Пусть-ка посидит одна в темноте, может, станет поумнее.

Выбравшись наверх, он вдохнул ночной ветер, вошел в море и замер на мелководье. Он был обижен. Поистине люди — сквернейшие животные на свете. Что он ей сделал такого, что последние несколько лет она не перестает стенать и жаловаться? Или чары его теряют силы и Раина стареет?

Он закрыл глаза и словно наяву увидел, как, много-много лет назад, в одну из своих длительных вылазок во внешние моря, наткнулся на шемитскую галеру, штормом заброшенную чуть ли не к самой Венции. Суденышко было обречено на гибель, мачта его была сломана, рулевое весло перебито.

На верхней палубе восседал злой, как демон Сета, хозяин галеры с плетью в руке. А перед ним, обливаясь слезами, пела дрожащим голосом моление Митре золотоволосая девушка, нагая и замерзшая. Голос ее срывался, пальцы едва перебирали струны маленькой арфы, но стоило ей затихнуть, как плеть опускалась на ее хрупкие плечи. Она взвизгивала и пела дальше. И как же она пела! Никогда в жизни не приходилось слышать ему такого голоса — чистого, звонкого, словно хрустальный колокольчик.

В два удара он пробил днище галеры, поднял гигантскую волну, длинный синий язык которой слизнул в море всех, кто был на верхней палубе. Судьба прикованных к скамьям гребцов его не интересовала. Он подхватил девушку на спину и умчался с нею к берегам Венции.

Конечно, по дороге к его острову она не однажды пыталась бежать. Но он был настороже и всякий раз ловил ее. А поймав, начинал заново уговаривать, обещая безмерные богатства и бессмертие.

И ведь он исполнил все свои обещания! Чем же она теперь недовольна?

Раина была родом из Аквилонии, из маленького городка на берегах реки Тайбор, на

границе с Офиром. Она никогда не рассказывала ему, как попала на шемитскую галеру, но пыталась уверить, что происходит из древнего баронского рода, а посему с ней надо обращаться соответственно. Он прекрасно понимал, что это ложь, но, посмеиваясь про себя, принял правила игры: девушка слишком хорошо помнила, что недавно была рабыней и хотела хоть как-то вознаградить себя за это.

Но так уж устроены люди, думал он, лежа в теплой воде и глядя на лунный восход. Раб останется рабом, а если притворится господином, то непременно чем-нибудь себя выдаст. Ни одна настоящая принцесса — если только она не была рождена от дворцового конюха — не позволит себе таких бесстыдных поз и таких оскорбительных слов.

Сказать по правде, он теперь и сам бы предпочел отпустить вздорную девчонку, но, во-первых, она была ему нужна, а во-вторых, куда она пойдет, отпущенная? Разве ей есть куда идти? Разве она знает языки восточных стран? Разве ее не ждет снова та же участь рабыни или портовой шлюхи?

Нет, он ее не отпустит. Пусть лучше посидит день или два без света и еды, тут же снова станет ласковой и послушной.

Он не был жесток. Ему вообще не были свойственны такие качества, как жестокость, глупость или упрямство. Их он считал чисто человеческими, а себя, разумеется, к людям не относил. Хотя он мог бы, наверное, из черной злобы или мстительности долго мучить кого-нибудь, не давая ни жить, ни умереть, не получая от этого удовольствия, а делая ради того, что сами люди считали это для себя жестокой пыткой. Но к Раине это не относилось. Жизнь одного была в руках другого и наоборот. Правда, Раина этого не знала. Быть может, именно поэтому она вела себя так гадко сегодня.

Он вздохнул и перевернулся на живот, задрав голову, чтобы не дышать под водой — он не любил это делать, хотя и мог. Пожалуй, он мог бы и вовсе не дышать, но ему нравилось втягивать влажный, пахнущий подгнившей тиной и рыбой морской воздух, нравилось ловить издали запахи костров и нехитрой стряпни рыбаков. Нюх у него был таким же острым, как и зрение, а зрение не уступало слуху. Вот сейчас он, например, слышал, что Раина, наконец наплачившись, забралась под одеяло, свернулась в клубочек и заснула.

«Бедная, бедная, — подумал он с такой кривой усмешкой, что скажи он это вслух при Раине, она бы отшатнулась в ужасе. — И то ей не так, и это. Наряжаться ей не для кого. Вот погоди, моя девочка, приведу я тебе мужчину. Ты пользуешься тем, что я не могу тебя ударить, не оставив одного только мокрого места. Ну так я найду тебе молодца, который не позволит тебе вести такие речи. Ты, наверное, забыла, как с вами обращаются те, для кого вы так любите наряжаться».

Эта мысль его утешила. Снова перевернувшись на спину, он еще долго лежал в мелкой волне и смотрел, как движется по черному небу луна и кружатся в вечном хороводе звезды. На звезды, и море он мог смотреть часами, не уставая и не скучая. И то, и другое было непреходящее. Существовал еще закат, на него он тоже мог любоваться бесконечно, но после того, как он чудом выжил в Катастрофе, ему почему-то каждый раз казалось, что сегодня солнце садиться в последний раз и больше никогда не взойдет над морем.

«Завтра или послезавтра здесь будет еще один корабль, — думал он. Злость прошла, уступив место чему-то вроде мечтательности. — Я чую его отсюда. Завтра я на нем пошарю. И, если найдется хоть что-нибудь подходящее, желательно с тяжелой рукой, я непременно приволоку его сюда. Раина начала мне надоедать. Посмотрим, нельзя ли будет повеселиться как-нибудь по-новому».

Тroe путников неторопливо ехали на восток.

Здесь, на южной стороне, горные вершины задерживали тучи с моря, заставляя их проливаться по ночам дождями. Солнце еще не успело иссушить землю, и хотя пора цветения прошла, сады и луга на обработанных террасах радовали глаз свежей зеленью. Останавливались друзья только на ночь, день же проводили в седле — лишь несколько полуденных часов загоняли их в тень, да и то больше для того, чтобы дать отдых разморенным лошадям.

Дорога постепенно выворачивала к северу, одновременно поднимаясь все выше, и к ночи второго дня пути трое странников были уже у перевала. Решив, что путь наезженный и сбиться с него невозможно, они все тем же размеренным шагом миновали перевал и заночевали уже с северной стороны гор. Под утро прошел теплый весенний дождичек, прибив к земле дорожную пыль и оставив в воздухе ощущение свежести и прохлады. Друзья не спеша поели и снова выехали на дорогу — и обнаружили, как и предсказывал Тай Юань, что не одиноки в своем стремлении попасть к северным островам Лемурийского архипелага.

По дороге, со стороны перевала, двигалась процесия. За прошедшие дни путникам, конечно, попадались встречные и обгонявшие их повозки, крестьяне верхом на осликах или быках, а то и просто пешие странники. Но караван, да еще таких внушительных размеров, был первый. Конан, сощурясь, взгляделся в медлительное шествие.

— Верблюды! — сказал он. — Значит, туранец или иранистанец! А не присоединиться ли нам к нему, ребята? Вид у нас бравый, небедный, на разбойников мы вроде непохожи. Если караван-бashi окажется достаточно сковорчив, мы еще и разживемся золотым-другим!

В седельных сумках у каждого из них, помимо прочих необходимых вещей, было по увесистому мешочку серебра — от Тай Юэня, «на всякий случай». Но ни Конан, ни его спутники никогда не отказывались от лишних денег — неважно, заработаны они честной службой или добыты воровским умением.

Конан насчитал при караване десятерых погонщиков и пятерых верховых, вооруженных луками и ятаганами, да в большой крытой повозке, влекомой двумя волами, сидело, наверное, три или четыре женщины — жены или просто стряпухи.

Тroe воинов, если им по дороге, всегда сумеют убедить караванщика, что силы его ничтожны, а степные разбойники — беспощадны. А значит, сопровождение каравана за необременительную — скажем, в десять золотых на каждого — плату будет сущим благодеянием с их стороны.

Конан, как самый опытный путешественник и наемник, взял переговоры на себя. Он безошибочно определил среди погонщиков караван-бashi — толстого, отышливого купца, с неизменно обеспокоенным выражением на красной от излишней крови физиономии. С высоты своего верблюда, центрального в цепочке, он покрикивал на караванщиков, умудряясь держать в поле зрения всех десятерых разом.

Окрики, как разобрал Конан, звучали на туранском языке. Это решило дело, поскольку из всех языков по эту сторону моря Вилайет птулькут Кинда понимал только туранский, да и

то с трудом. Не обращая внимания на заступивших ему дорогу всадников, Конан подъехал поближе и заговорил прямо с караван-бashi.

— Приветствую тебя, о украшение базаров Аграпура, Базры и Столицы Тысячи Драконов! — обратился к нему киммериец с вежливым поклоном. — Мы услыхали твои упреки, обращенные к этим лентяям, и, узнав в тебе туранца, поспешили нагнать твой караван. Мы направляемся к гавани под названием Пайтад, почтеннейший. И рады будем охранить твой караван от любой двуногой или четвероногой напасти.

Караван-бashi испытывающее посмотрел на незнакомца, затем кинул взгляд на его спутников, державшихся в стороне.

— Ты говоришь по-турански так, словно вырос в Аграпуре или Хоарезме, чужестранец, — сказал наконец он. — Но ты — северянин, хоть и загорел, как уроженец юга. Как это понимать?

Конан, отметив, что купец неглуп, мгновение подумал, а затем сказал правду:

— Ты прав, почтеннейший! Моя родина — далекая Киммерия, горная северная страна. Но я несколько лет служил в гвардии прежнего Повелителя Турана, Илдиза. И не забыл ни речи туранской, ни обычаев.

Купец ожидался.

— Ты служил в дворцовой гвардии? И родом — из Киммерии? Уж не сам ли ты Конан, спасший принцессу Зосару?

«Что ж, — подумал Конан, — самое худшее — не состоится сделка». И ответил:

— Я поражен твоей прозорливостью, почтеннейший. Да, я и есть Конан-Киммериец. Но откуда ты знаешь мое имя — ведь я твоего, прости, не припомню.

— Ты и не можешь помнить его, прославленный воин! — Купец, явно обрадованный таким попутчиком, принял возбужденно размахивать руками. — Я — Амаль, сын Сатира, третий купец в Аграпурской гильдии. Ты не знаешь меня, но, быть может, помнишь моего старинного друга, купца Масруда из Аграпура? Ты когда-то не дал его избить стражникам: они хотели отплатить ему за то, что он принес на них жалобу государю...

Вспомни, прославленный воин: они были отданы на прокорм пяти членам гильдии, но помимо обычного постоя требовали увеселительных пиров и празднеств каждый день. Друг мой Масруд пожаловался на них Повелителю Илдизу, и тот велел перевести их на половину содержания и дать каждому по десять палок. После чего эти выродки гиены и паука поклялись отомстить Масруду и напали на него поздно ночью, когда он возвращался от меня после игры в кости...

Киммериец наморщил лоб, напрягая память. Что-то такое, кажется, было однажды: он с ребятами возвращался в казармы и наткнулся в переулке на драку — пятеро дюжих молодцев нещадно избивали старика. Помнится, все были тогда изрядно пьяны и ввязались только потому, что подвернулся случай подраться. Нападавшие были в масках, и ун-бashi, немедля пропретрившись, велел вязать их всех и тащить к городскому, судье на расправу — что и было проделано. О старике, на которого напали эти замаскированные, он тут же забыл и лишь наутро узнал, что спас от побоев и грабежа одного из самых именитых иуважаемых купцов столицы.

— Да, это имя мне знакомо, — кивнул, наконец, Конан. — Водит ли еще почтенный Масруд абын Хаким свои караваны через Вилайет и Восточные степи?

— Увы, Эрлик призвал его к себе пять лет назад, — отозвался купец, возводя к небу томные щелочки глаз и сокрушенно вздыхая. — Дома наши были близки и, как он и завещал,

дети наши должны пожениться, едва моей дочери минёт пятнадцать. А я, покамест еще не стар, обучаю его сына купеческому ремеслу. Он ждет нас с кораблем в Пайтale, а оттуда мы пойдем вдоль островов к Жемчужным Отмелям — разумеется, с товаром. Я уже не первый раз хожу от Турана к Лемурии — и нахожу, что хоть путь и долог, но барыши оправдывают затраты. К тому же, путешествуя из края в край, становишься мудрее...

Конан, усмехаясь, ехал на своем жеребце рядом с верблюдом хозяина и слушал его бесконечные речи. Он уже понял, кто перед ним. Еще когда жил в Туране, он разделил всех толстяков на две различные категории: сытых, смешливых, неглупых и словоохотливых — и на обжор, дураков и праздных болтунов.

Амаль абн Сатир явно относился к первым. Долгое странствие в обществе простых слуг и наемников прискутило ему, он был рад разговориться с человеком если не одного с ним сословия, то, по крайней мере, равного положения. Что ж, Конан готов был предоставить ему свое общество и защиту — не задаром, конечно.

— Мы тоже направляемся к островам, почтеннейший Амаль, — заявил он, воспользовавшись короткой паузой. — И если тебе нужны воины в дороге...

— Да осенит тебя благодать Эрлика, неустршимый воин, я как раз хотел просить тебя о том же! — закричал Амаль, всплеснув руками. — Я готов предоставить тебе и твоим спутникам вдоволь еды и вина и место на моем корабле, если вы согласитесь сопровождать нас! Эти олухи, — он ткнул толстым пальцем в сторону своих помощников, — не способны ни на что. То есть они, конечно, способны отбить нападение шайки в десять клинков, ибо ничего страшнее на Великом Пути Шелка и Нефрита мне до сих пор не встречалось, благодарение Эрлику! Но сейчас я в большой тревоге, ибо слыхал, что в этих местах появилась кровожадная орда гирканцев. И каких, господин мой! Нечестивцев, отринувших истинного Пророка!

— Да, я слыхал о них, — хмурясь, сказал Конан. Если о бешеныхnomадах наслышан этот купец, значит, они не так далеко, как полагал Юлдуз. — Теперь, если позволишь, я поговорю со своими спутниками. Но, думаю, они тоже согласятся ехать с твоим караваном.

Амаль абн Сатир усиленно закивал.

— Конечно, конечно. В том высоком человеке я узнаю аквилоица или нумедийца, а кто тот низкорослый воин, что едет на гнедой жеребце? Прости, господин мой, но я никогда не видел людей, подобных ему.

— Его имя — Кинда, он родился в краю пустынь и степей к западу от Кхитая. Высокий — Сагратиус Майл, аквилонец и прекрасный боец. Ты не пожалеешь о затратах, досточтимый Амаль, — ответил Конан и, придержав своего черного жеребца, поравнялся с друзьями.

Предложение дармовой еды и выпивки да еще проезда до островов было встречено с одобрением, и трое друзей без дальнейших проволочек были включены в состав каравана.

Весь остаток дня Конан ехал рядом с верблюдом караван-бashi и слушал его бесконечные рассказы о том, каков нынче Туран под властью нового Повелителя. Болтовня старика не мешала киммерийцу думать о своем, изредка вставляя глубокомысленные замечания или согласно кивая. Почтенный Амаль был на вершине блаженства.

Конан же думал о том, что толстяк подвернулся им очень вовремя. Слова Юлдуза о судьбе Кинды и Сагратиуса не шли у него из головы. И теперь он прикидывал, что, сев вместе с ними на корабль купца, он сможет как-нибудь незаметно удрать, спрыгнув в воду недалеко от берега. Ребята, конечно, обрушат на его голову сотни проклятий, зато останутся

целы и вернутся вместе с почтенным Амалем в Туран. Кинда упрям, но Сагратиус уж найдет способ убедить его, что за Внешними островами лишь море и море без края... В красноречии аквилонца ему приходилось убеждаться не раз. Вот и теперь он краем уха слышал, как, собрав вокруг себя большую часть погонщиков, Сагратиус разглагольствует во весь голос, время от времени вызывая громкий хохот. Да, туранец подвернулся очень кстати.

Дорога спускалась все ниже, вскоре редкие рощицы сменились зарослями кустарника, а после исчезли и они. Здесь начинались бескрайние просторы степей. Короткая степная весна подходила к концу, и трава, уже встав в полный рост, постепенно желтела, подсыхая. Кое-где еще не отцвели маки, и желтоватое колышущееся море местами было словно помечено кровью. Оставив горы, дорога снова сворачивала на восток и текла среди трав плавно и неторопливо, подобно вышедшей на равнину реке.

Едва начали сгущаться сумерки, караван-бashi послал троих людей подыскивать место для стоянки. Конан заметил, что Амаль не стал разбивать шатров — видимо, все его люди на ночь размешались где придется, у костров, а сам он ночевал в повозке вместе с женщинами.

Троим путешественникам было не привыкать спать под открытым небом, а потому они, поужинав вместе с погонщиками и воздав должное финикам и прекрасному шадизарскому вину хозяина, стреножили коней и бросили жребий на стражу.

Двое стороживших лагерь воинов, разжиревших на хозяйствских харчах и бестревожных дорогах, не вызывали у них доверия. Первым выпало сторожить Конану, и он взялся за давно начатую новую плеть, а Кинда и Мейл завернулись в одеяла и улеглись у костра.

Когда рисунок звезд сместился, Конан разбудил Сагратиуса и мгновенно заснул. И снилось ему нечто странное: какая-то непонятная битва, где все дрались со всеми, брат шел на брата, а сын на отца. Когда все мужчины пали, в бой вступили женщины и дрались еще ожесточеннее, ибо нет ничего страшнее, чем баба, в которую вселился сам Нергал.

Долина, в которой Конан никогда прежде не бывал, была залита кровью и сожжена, всюду валялись изуродованные тела павших неизвестно во имя чего. Последняя девочка, еле удерживавшая в руках отцовский лук, выпустила стрелу в последнююю женщину — и упала, обессиленная на груду тел. Киммериец, которого эта ожесточенная сеча почему-то миновала, недоуменно оглядывал бескрайнее поле трупов. И вдруг земля у него под ногами дрогнула, загудела и пошла трещинами, словно собиралась поглотить все это воинство безумцев. Гул нарастал, земля содрогалась все яростнее, Конан зажал руками уши, чтобы не утратить разум...

И проснулся. По земле катился далекий гул, он слышал его так же ясно, как треск сверчков в траве.

— Номады! — крикнул он и вскочил на ноги.

— Кочевники, — подтвердил сидевший рядом с ним Кинда. — Но Конан, Мейл и Кинда еще могут удрасть. Кочевники далеко, будут здесь в полдень.

— Э, нет, так не пойдет, — заявил киммериец, оглядывая горизонт. Небо над горами уже серело, близился рассвет. — Мы нанимались охранять караван, и мы останемся. Много их, как ты думаешь?

Птулькут покачал головой и почти пропел:

— Мно-ого. Твои пальцы, мои пальцы, пальцы Саграты да еще вон того сторожа, который спит — у него двух на руке не хватает — вот сколько.

— То есть сотня, — уточнил Конан. — И будет здесь в полдень... А скачут они с северо-запада... — Он сел на землю, скрестив ноги, и задумался.

Конечно, трое всадников, удавив тотчас же, могли вернуться в горы и миновать перевал прежде, чем их настигнут кочевники. Но другой дороги на восток не было, и рано или поздно им пришлось бы вернуться в эти же степи, к тем же гирканцам. А кто-то из них, видимо, стерег перевал, раз номады так быстро проведали о караване. Оставалось лишь бросить караван и умчаться вперед по дороге, потому что заполучив такой жирный кусок, кочевники вряд ли погонятся за тремя всадниками...

Потому что ни втроем, ни при помощи людей Амала, им не выстоять против сотни номадов, кто-кто, а Конан знал это отлично. Он встал и решительно направился к повозке, где хранил на всю степь толстый караван-бashi.

Услышав о кочевниках, почтенный Амаль абы Сатир мячиком выкатился из-под полога. Вид у него был бледный.

— Ты уверен, досточтимый воин? К полудню? Но мы не успеем уйти от них.

— Не успеем, — подтвердил Конан, внимательно глядя на купца. Толстяк, против ожидания, не стал сразу же впадать в отчаянье и причитать о потерянном добре. Завой он сейчас, как вдова над могилой, киммериец, быть может, и решился бы уйти, пока не поздно. Но Амаль лишь нахмурился, а затем спросил:

— И что же ты посоветуешь сделать, о светоч воинского умения?

— Ты сказал, что не первый раз в этих краях. Есть ли здесь поблизости в степи река или овраг или что-то подобное?

Амаль сокрущенно покачал головой:

— Я знаю на этой дороге каждый постоялый двор, но лишь на самой дороге! Но постой, ведь у меня, кажется, где-то была карта! — И он повернулся, чтобы скрыться под пологом повозки.

— Я не видел твоей карты, почтеннейший, но вряд ли она лучше моей, — не без гордости объявил Конан, доставая из сапога ларец Юлдуза. Толстяк долго ахал, восхищаясь чудесной картой, а Конан тем временем выискивал на ней что-нибудь подходящее для его целей. Но Амаль заметил нанесенный на карту овраг первым и ткнул в него толстым пальцем:

— Есть! Смотри, выгнутый, как натянутый лук, и как раз в нужную сторону! И заступы у нас есть — окапывать костры в засуху! Ты ведь хочешь поджечь степь, не так ли? Тогда нам надо быстро подниматься и пройти вперед, чтобы оказаться совсем за тем оврагом, потому что сейчас мы как раз против него!

Подивившись сметливости купца, Конан кивнул и пошел седлать своего коня. Амаль уже смерчем носился по лагерю, щедро раздавая пинки сонным караванщикам и браня нерадивых стражей, заснувших на посту:

— Поднимайтесь, дети греха и порока! Поднимайтесь, если не хотите нынче вечером предстать перед вратами Эрлика!

Изгиб разлома среди степи был приблизительно в получасе езды на северо-запад от дороги, и Конан поскакал в ту сторону. Овраг, не слишком глубокий, с мутной струйкой воды, текущей по глинистому дну, в самом деле изгибался плавной неправильной дугой в сторону открытой степи и как нельзя лучше подходил для ловушки. Оставалось только заманить номадов именно сюда, чтобы они не успели обхехать засаду, обнаружив ее.

Вернувшись, он увидел, что Амаль даром времени не теряет. Караван уже был собран и вышел на дорогу. Заметив Конана, купец подбежал к нему.

— Вон в тех четырех кувшинах, — сказал он, указывая на огромные тануры,

навьюченные на двух самых сильных верблюдов, — я везу оливковое масло, особый заказ правителя Пайтала. Ах, какие нефритовые статуэтки сулил он мне за него! — Тут купец закатил масляные глазки и сокрушенno вздохнул. — Но лучше доехать нам живыми, потеряв часть товара, чем потерять и товар, и жизни, не правда ли? Так вот, бери людей, бери масло — и да поможет вам Эрлик всемогущий и всемилостивый!

Это был уже реальный шанс на спасение. Втолковав перепуганном людям, что нужно делать, Конан погнал верблюдов с маслом к оврагу.

Приготовления были закончены задолго до полудня. За десять шагов от края оврага был полит маслом и на треть окопан гигантский круг. Сетования почтенного Амоля оказались преувеличеными: как убедился Конан, не только воины, но и все его погонщики были отличными стрелками, да и мечом владели неплохо.

Они, конечно, трусили, но виду старались не подавать, глядя на то, как уверенно распоряжается их новый начальник. Конан расставил их в траве так, чтобы они могли спрыгнуть в овраг раньше, чем до них доберется огонь. Замыкали полукруг лучников Кинда и Сагратиус.

Убедившись, что все готово, а времени в обрез, Конан пришпорил своего вороного и помчался в степь встречать непрошеных гостей.

Номады были уже близко. Они ехали рысью, уверенные, что добыча не уйдет от них никуда — да и как мог спастись от сотни вооруженных разбойников медлительный караван в бескрайней степи? Подъехав на расстояние полета стрелы, Конан придержал коня и встал в стременах.

— Эй! Безродные псы, потомки шакала и ехидны, выгнанные своими же соплеменниками! Не меня ли вы ищете?

Воспользовавшись замешательством — они явно не ожидали встретить здесь одинокого всадника, — киммериец выстрелил. Один из кочевников с криком упал на землю, а степь огласилась бранью и воплями. Обидчик их кинул лук за спину и повернулся коня.

Не меньше десятка стрел ткнулось в траву, только что смятую копытами его жеребца. Но Конан уже несся вперед, заманивая за собой всю орду. Вот когда сбылся его сон! Земля гудела и стонала, словно живая, от топота четырех сотен копыт. Вопли и проклятия стихли — всадники берегли дыхание, лишь изредка яростно нахлестывая лошадей. Черный жеребец Конана был хорошо виден среди желтой травы, все глаза были устремлены на него, у всех в головах колоколом билась одна мысль: догнать, стоптать и снять живьем кожу.

Видя, что кочевникам не до луков, Конан немного придержал бешеный галоп. Риск был велик, но орда растянулась в степи, и важно было не допустить, чтобы хоть кто-то оказался вне круга, когда караванщики подожгут траву.

Кочевники начали настигать его, их вопли и угрозы снова огласили степь. Они глумились над глупцом, спрашивая, что ему предпочтительнее — кол или котел с кипящим маслом. Как ни чесался язык у Конана им ответить, он молчал, стиснув зубы. Он готовился к прыжку.

Засада была уже совсем близко. В последний раз оглянувшись, киммериец стиснул коленями бока своего взмыленного коня и натянул повод. Вороной храпнул и помчался вперед так, как никогда еще, наверное, не бегал. Черной молнией пронесся он сквозь строй ожидающих с зажженной паклей на стрелах лучников — Конан едва успел повернуть его, чтобы не свалиться в овраг на полном скаку.

Кочевники шли за ним по пятам. Едва последний из них миновал масляный круг,

Сагратиус махнул соседу и спустил тетиву. Одна за другой полетели в траву горящие стрелы — масло вспыхнуло, пламя вмиг взвилось до небес и закрутилось столбом.

Раздался тонкий испуганный визг лошадей. Несколько всадников успели миновать границу круга, но были тотчас расстреляны погонщиками. Лошади шатались от огня, номады, не в силах справиться с обезумевшими животными, растерянно метались внутри круга. Некоторые, сообразив, что угодили в ловушку, спрыгивали и, прорвавшись сквозь огонь, высакивали к оврагу. Здесь, на краю, их поджидали Конан, Сагратиус, Кинда и воины Амалия. Караванщики, выстроившись в цепь на дальней стороне, стреляли почти непрерывно. А кольцо бешеного огня все сужалось.

Вокруг троих друзей уже кипела настоящая битва. Тяжелый боевой топор Сагратиуса опускался на головы номадов с размеренностью молота опытного кузнеца. Конан дрался только одним мечом, боясь задеть в схватке своих же, потому что бок о бок с ним сражался Кинда, и его короткий меч вспарывал животы кочевникам с той же легкостью, что меч Конана сносил бритые головы.

Не успело солнце пройти половину пути от зенита до горизонта, как все было кончено. Подсчитав убитых, Конан обнаружил, что не менее десятка номадов все же сбежало, но после такого урока они уже не представляли опасности. Потери же туранцев составляли только несколько ожогов да одна-две царапины. Их смазали остатками масла, известного своим целительным воздействием, и, отмыв кое-как в ручье почерневшие от копоти лица, двинулись обратно к дороге.

Степь горела, но в это время года все еще были часты дожди по утрам, и потому Конан, оглянувшись, махнул рукой. Он смертельно устал.

ГЛАВА 4

Шторм

Чтобы не сойти с ума в кромешной тьме среди мертвого холодного золота, Раина говорила сама с собой. Она отлично знала, что ее жестокий хозяин слышит каждое слово, даже если греется на солнышке наверху, и потому ее беседы более всего походили на жалобы.

— Ну и пусть, — говорила она, бесконечно повторяя эти слова, — ну и пусть, ну и пусть. Проживу и одна. Правда, недолго. Сколько может жить хрупкая девушка без воды и пищи? Без пищи, говорят, дней десять. А без воды — не более трех.

При мысли о том, что ей суждена смерть от голода и жажды, сердце ее сжималось в комочек, а голос начинал дрожать от слез.

— И пусть, и пусть, — снова повторяла она. — Пусть.

Если долго повторять одно и то же слово, начинаешь забывать его значение, а если повторить его тысячу раз, уже не сможешь остановиться и так и будешь твердить, гипнотизируя себя до состояния полубреда-полутранса. Что-то подобное и происходило с Раиной.

— Ла-ла-ла, — говорила она, — скоро я сойду с ума. — Тут она истерически хихикнула. — И пусть, пусть-пусты-пусты. Он узнает, как доводить меня до слез. О, как он будет плакать сам, когда увидит, что я умерла. Кто будет петь ему? Никто. Никто не скажет ему доброго слова. Пусть ищет себе новую дурочку. Конечно, дурочку! Разве ты не дура, Раина? Разве можно слушать его речи? Чем он прельстил тебя? Сокровищами, бессмертием. «Ты будешь жить вечно, ты будешь вечно сыта и одета, мне же нужны только твои песни!» Ах, ах, какой благородный, подумала глупая Раина и дала себя уговорить! Она привыкла жить как принцесса в своем доме, ей не нравился толстый шемит, она готова была броситься на дно морское, лишь бы избавиться от этого грязного вонючего насильника! Но лучше бы она бросилась на дно морское...

Тут она снова заплакала. И в самом деле лучше бы ей было погибнуть в той буре, ведь тогда она не ожидала ничего другого. Сейчас ей казалось, что раз уж она была готова к смерти, то надо было умирать. Знай она, что за ужасы ждут ее в оставшейся жизни, сама бы бросилась в воду!

— Смерть, смерть, везде смерть, — всхлипывала она. — Что за судьба выпала тебе, несчастная! Ни родных у тебя, ни близких, ни друзей, ни любимого... Один желтоглазый изверг!

Нащупав что-то холодное и тяжелое, она швырнула это в ту сторону, где, наверное, был выход из пещеры. Металл загремел о камни, под потолком захлопали крылья вспугнутых летучих мышей. Раина испуганно закрыла голову руками. Вот уже и здесь эти противные мыши! Больше всего на свете она боялась мышей, змей и насекомых. И темноты. А сейчас на нее навалилось все вместе — и мыши, и темнота, и голод.

Голод? Неужели началось? Неужели она начинает умирать от голода? Так быстро? Да что же это такое! Ей жадно захотелось всего сразу: фруктов, меда, белого хлеба. Хотя бы корочку...

Она с опаской привстала и пошарила вокруг себя. Еще утром где-то здесь была корзина, полная еды — он принес ей всяких лакомств вместе с зеркалом, он всегда приносил ей с

кораблей чего-нибудь вкусненького... Но корзины либо не было, либо она стояла слишком далеко. Раина не решилась вставать с места и уходить дальше, чем на три шага. Она боялась, что, отойдя от своих подушек и тюфяков, потом не сможет найти их и будет блуждать и блуждать по кругу, как слепая Кладбищенская Лошадь. О Старой Кладбищенской Лошади не раз рассказывала ей мать, желая унять раскричавшегося ночью ребенка. «Слышишь стук копыт на кладбище? Это идет она, слепая и глухая. Когда-то на ней ездил Ночной Охотник, но потом купил себе жеребца из табунов Нергала. Они едят только раскаленные уголья и пьют души умерших, если на Серых Равнинах становится слишком тесно после великих побоищ. А Кладбищенская Лошадь с тех пор все ходит и ходит, и ищет своего хозяина среди надгробий, и тот, кто не успеет от нее убежать, будет ездить на ней, при克莱ившись к седлу, пока не рассыплется прахом! Спи, не то она заглянет и сюда и унесет тебя к могилам и склепам!»

— Нашла, что вспомнить, — пробормотала Раина, ежась от страха. И тотчас ей то ли почудилось, то ли наяву услышалось негромкое «кроп-кроп-кроп» старых стертых копыт, спотыкающихся о камни. — Не-е-ет! — истощно завопила она, — не-ет! Я буду послушной, я буду хорошей, только вернись, не бросай меня больше в темноте одну!

Ответа не было.

Тогда Раина сжалась в комочек, обхватив плечи руками, и тихонько сказала:

— Я есть хочу... Пожалуйста...

И снова в тишине звучало только ее испуганное дыхание. Тогда она оттерла слезы и взялась за арфу. Уверенная, что он ее не только слышит, но и жадно ловит каждый звук, Раина сказала нарочито задумчиво:

— Ну, не сидеть же тут просто так. Я не хочу петь ему, но почему бы мне не попеть себе? Надо уметь занять себя, ты ведь уже не маленькая девочка.

Прочтя эту нотацию, она тихо, словно и в самом деле для себя, запела:

Деревья высоки, трава зелена,
О, риллари, эллари, лэй.
Я знала любовь, нынче мне лишь одна
Печаль до скончания дней.
Отец мой, отец, что выдумал ты,
За кого меня замуж отдать?
Он мальчик совсем, ему не женой,
Ему меня матерью звать.
Он мал, он еще растет.
Дочь моя, дочь, славно выдумал я,
Он знатного нобиля сын.
Назовет «госпожой» мою милую дочь,
Всех окрестных земель властелин.
Он мал, но он быстро растет.
Отец мой, отец, раз ты так решил,
Значит, тому так и быть.
Я в волосы гребень волшебный воткну.
Чтоб ему меня не позабыть.
Он мал, он так быстро растет!

Пусть едет со свитой юный мой муж
В столицу, где правит король.
Пусть учится биться и ездить верхом,
Его сын во мне зреет доколь.
Он мал, но он быстро растет.
Я ждала его год, ждала его два,
Глядя вдали с зубчатой стены.
Подрос его сын, отрада моя,
Но мой муж не вернулся с войны.
Тринадцати от роду зим женат,
Пятнадцати — сына отец,
В шестнадцать он в землю сырую лег,
Смерть не смотрит, кто стар, кто юнец!
Деревья высоки, трава зелена,
О, риллари, эллари, лэй.
Я знала любовь, нынче мне лишь одна
Печаль до скончания дней...

Он и в самом деле слышал каждое слово. Закрыв глаза, он внимал музыке ее песни, но не торопился прервать наказание. Пусть думает, что он спит. Пусть испугается и проголодается как следует.

Его и в самом деле клонило в сон. Песни Раины вообще действовали на него усыпляюще. Он вздохнул, вытянулся поудобнее на мягкой траве и не заметил, как задремал.

Ему снился цветущий остров, драгоценным камнем сияющий посреди бескрайнего океана. Остров был полон смеха и музыки, города больше походили на сады для развлечений — столько ярких фонариков висело под каждой узорной крышей. На большом холме над столицей высился дворец, его крыши были видны отовсюду. Сновали слуги, торопясь доставить послания знатных дам их воздыхателям, смеялись дети, возводя снежную гору или сажая молодые сосны.

Мир и покой царили на сказочном острове, со всех сторон окруженному морем. Он, молодой и полный сил, купался по утрам в ласковой прозрачности волн, поражая собравшихся на берегу ловкостью и силой. Его братья и сестры плескались рядом, брызгая соленой пеной на праздничные одежды принцесс. Девушки заслонялись веерами, смеялись, тряся рукавами платья, роняли драгоценные перламутровые шпильки из затейливо убранных волос...

Он отдал бы все сокровища своих пещер за то, чтобы вернуться на этот далекий остров, на свою древнюю родину. Но, мотаясь по свету, он совершенно забыл, в какой стороне лежит эта волшебная земля.

Ему оставались только сны. Быть может, поэтому всякому действию он предпочитал сладостную дрему. В сущности, все его вылазки были продиктованы одной лишь необходимостью.

Но если бы кто-нибудь сказал ему: «Я знаю, где твоя родина, поплыли туда сейчас же», он согласился бы не спать, не пить и не есть, лишь бы скорее попасть туда, где каждое

деревце радовало глаз и душу.

Если бы Раина только знала о том, что он не менее одинок, чем она, а несчастен еще более... Но девчонке не было до него никакого дела. Она хотела только одного: вечной жизни и новых игрушек. Если бы он вдруг позволил ей уйти, первым ее чувством была бы не радость, а страх. Вот и сейчас она готова чуть ли не целовать ему ноги, лишь бы он вернулся. Во всяком случае, говорит она что-то вроде этого.

Помимо жалобных вхлипываний Раины в его сон вплелись новые звуки — плеск сотни весел, скрип снастей и крики матросов. Приближался новый корабль.

Моментально проснувшись, он вскочил на ноги и как следует встряхнулся. Раина спала, утомленная слезами и жалобами. Сгущались сумерки, птицы устраивались на ночь. Корабль приближался.

На берегу он был еще до темноты. Шумно втянул влажный морской воздух и улыбнулся. Потверже уперевшись в песок, он начал высвистывать большой ветер.

* * *

Потоку благодарностей Амалия абн Сатира не было конца.

На первом же постоялом дворе спасение каравана было отмечено пышным пиршеством, продолжавшимся всю ночь. Владелец трактира, узнав о том, что банда гирканцев, наводившая ужас на всю округу, наконец уничтожена, проявил щедрость, и в пиршестве приняло участие почти все население городка.

Путникам поведали, что только крепкие стены, выстроенные еще столетие назад против северных дикарей, спасали жителей Уньцзы.

Гонцы, высылаемые местным градоправителем в столицу с нижайшими просьбами о помощи, как видно, не доходили даже до южной стороны гор. Это означало, что второй перевал тоже стерегут, но почтенный Амаль, уверовав в непобедимость прославленного Конана, о коей был наслышан еще в Туране, не побоялся бы схватиться теперь и с целым войском.

Что же до самого Конана, то он воспользовался славой героя для соблазнения троих застенчивых девушек, и остался весьма доволен результатами.

Наутро, когда все немного успокоились и, зевая после короткой и бурной ночи, двинулись в дальнейший путь, Амаль абн Сатир сказал киммерийцу:

— Я твой должник до самой смерти, о украшение Вселенной! Свет не видывал такого воина, как ты! Сейчас у меня нет денег, ибо товар мой еще не продан, но я готов отдать тебе и твоим друзьям третью часть от всех прибылей за этот год, если вы согласитесь сопровождать нас и дальше, вдоль островов и обратно в Туран через Камбую и Вендию.

Конан хмыкнул.

— Оставь свои деньги себе, почтеннейший. Мы ведь спасали и свои шкуры тоже. Но вот что ты для меня можешь сделать...

— Все, что в моих силах, клянусь бородой Пророка!

— Я хочу отправиться к Внешним островам и, быть может, еще дальше. Но друзьям моим туда путь заказан. Поэтому я потихоньку сбегу где-нибудь в плаванье, а ты проследи,

чтобы они не остались не у дел. Договорились?

Купец усиленно закивал, а Конан добавил с суровостью в голосе:

— И не вздумай сулить им золотые горы, досточтимый Амаль. По сотне золотых на брата им вполне хватит.

Досточтимый Амаль понимающе улыбнулся.

— Кто я такой, чтобы ставить условия величайшему воину Хайбории? Будет так, как ты скажешь, Конан из Киммерии.

Конан, так и не изживший в себе варварской суеверности, невольно вздрогнул при этих словах и покосился на купца — не увидел ли? Но Амаль уже кричал на одного из погонщиков, едва не уронившего в пыль драгоценный тюк златотканой парчи.

Перевал караван миновал без приключений — если и сторожили его гирканцы, то почли за лучшее не обнаруживать своего присутствия. Им было чего испугаться: среди прочего товара Амаль вез и тонкого плетения кольчуги, каких не знали в Китае, а также прославленные иранистанские ятаганы голубой стали. Когда дорога снова свернула к горам, Конан велел распаковать груз и обрядить в полный доспех всех, на кого хватит.

Хватило на шестерых погонщиков, и теперь, считая троих друзей, караван сопровождало четырнадцать воинов в полном доспехе и вооруженных до зубов. Миновав Морского Стража, туранцы разбили лагерь и с облегчением поснимали тяжелую амуницию. Тюки с драгоценным вооружением вновь были взвалены на спины верблюдов, и остаток пути прошел мирно.

Пайтал, город-порт, раскинувшийся меж горных отрогов в уютной тихой бухте, не имел городских стен со стороны моря. Лишь в порту сохранились руины древней каменной стены: остатки оборонительных сооружений пракхитайцев, кхарийцев. Именно на Пайтал пришла первая волна беженцев с Лемурийских островов во время Катастрофы. Первые нашествия полудиких островитян были отброшены, но вскоре кхарийцы сообразили, что из них выйдут прекрасные рабы, и лемурийцы были допущены в Древнюю Империю магов-властелинов.

Вскоре, впрочем, рабов стало гораздо больше, чем господ, они восстали, и бежать пришлось уже кхарийцам. Куда они уплыли на своих больших судах, увенчанных дракоными головами, искусно вырезанными из красного дерева, не знал никто. Прошли тысячелетия, и бывшие пришельцы стали считать себя исконными владельцами этих земель, а о прежних повелителях, говоривших с драконами, укрощавших бури игрой на флейте и возводивших дворцы мановением руки, остались лишь легенды.

Но в Пайтале, самой большой гавани Древней Империи, последнем оплоте кхарийцев, следы их цивилизации были видны яснее, чем в других городах. Более всего поражала воображение чужестранца Стена Двухсот Восьми Драконов, протянувшаяся через всю гавань. Когда-то, вероятно, ее синюю фарфоровую гладь украшало более тысячи изображений этих гигантских ящеров, но теперь осталось лишь двести восемь.

Разглядывая это чудо, Конан думал о том, что легенды, наверное, не врут, и кхарийцы и в самом деле жили бок о бок с драконами. Потому что как бы ни было буйно воображение художника, он не мог бы, никогда не видя их воочию, изобразить столько этих тварей — и каждого в новой, невозможной, но в то же время столь естественной позе. Драконы были самые разные — рогатые, с длинными, как у сома, усами, с тысячезубыми пастьями, с гигантскими когтями на трехпалых лапах.

Каждая мышца была видна под разноцветной чешуей, на хребте можно было пересчитать все косточки бесконечного позвоночника. Конан вспомнил четырех драконов на

полу круглого зала во дворце у Юлдуза: те тоже были как живые, иногда даже мнилось, что они шевелятся под сияющей глазурной скорлупой, разминая затекшие мышцы.

В городе вообще было много драконов — деревянных, каменных, бронзовых. Их головы высились рострами на плоскодонных широких суднах, покачивающихся у причалов, их нефритовые статуэтки продавались в каждой лавочке «на счастье», их изображения украшали гигантские вазы-курильницы в храмах и блюда для жертвенной крови и цветов. Но все это были лишь жалкие подобия тех поистине царских зверей, что извивались, ловя собственные хвосты, на синей стене в гавани.

Из четырех кувшинов масла, предоставленных Конану для расправы с гирканцами, были использованы только три. Четвертый же Амаль торжественно преподнес градоправителю, не преминув рассказать, почему в целости доехало так мало драгоценного масла.

Градоправитель изумленно цокал языком, слушая красочное описание битвы, о которой купец знал только со слов погонщиков, что оставляло место его воображению, необузданному, как дикая кобылица. Конан, присутствовавший на приеме как герой и почетный гость, только посмеивался, слушая удивительные речи туранца. Разумеется, после такого рассказа за единственный доехавший кувшин было заплачено столько же, сколько обещано за четыре.

Амаль не солгал: в порту его действительно ожидало судно — большая галера с полосатым прямым парусом, купленная им в Иранистане. Как он объяснил, торговый путь его шел по кругу — из Турана через Вилайет и гирканские степи, в Кхитай, затем сюда, в Пайтал, затем вдоль островов к Жемчужным Отмелям, а затем через Уттару и Вендию в Иранистан.

Сам он идет с караваном, а сын его друга тем временем выходит из Иранистана на корабле с товаром, на котором невозможно не наторговать прибыли, и плывет через все ту же Вендию ему навстречу. Здесь, в Пайтале, Амаль намеревался расстаться с верблюдами, продав их какому-нибудь путешественнику или такому же, как он, купцу, а в Иранистане, закончив плавание, продать судно и купить новых верблюдов. По его словам, он проделывал это раз за разом уже несколько лет. У этого человека, раз в год пускавшегося в опаснейший и труднейший путь, было продумано все до мелочей. Неудивительно, что дело его процветало.

Покупатель на верблюдов нашелся скоро. Поскольку в Кхите они были редки, почтенный Амаль запросил вдвое против обычной цены на верблюда на Аграпурском базаре — и получил, сколько хотел. Более его в Пайтале ничего не держало и, избавившись от обузы, он объявил Конану, что готов отправляться в путь.

Они вышли из гавани ранним погожим утром, при несильном ветре. Сезон штормов в этих водах уже миновал, летние дожди еще не начались, так что плавание обещало быть легким и приятным.

Конану и его друзьям была предоставлена каюта рядом с хозяйской. Амаль заявил, что Фаруз, сын его умершего друга, прекрасно проведет это плавание в одной каюте с ним. Но Сагратиус возразил на это, что желает спать в гамаке на нижней палубе — он очень сдружился с караванщиками, — а Кинда, разумеется, не захотел расставаться с аквилонцем. Конану это было только на руку, о чем он и напомнил туранцу, когда тот вздумал было возражать.

Так Конан оказался в одной каюте с Фарузом, тихим и застенчивым юношей лет восемнадцати. Ему, разумеется, тоже поведали о схватке у оврага, и на гиганта-киммерийца он смотрел не иначе как с восхищенным обожанием.

Сначала это слегка раздражало Конана, затем стало забавлять. Он даже нашел в этом свою выгоду: мальчишку можно было поднять среди ночи с просьбой принести воды из большой бочки, стоявшей на нижней палубе, или кувшин вина из хозяйственного запаса — и он со всех ног мчался исполнять приказание, словно не был вторым по значимости человеком на корабле, а мальчиком на побегушках у варвара.

Но при этом с командой он говорил властно и уверенно, а отвечали ему без насмешки и со всею почтительностью, из чего можно было заключить, что попробуй Конан сам заставить юношу исполнять его прихоти, он получил бы неумелый, но твердый отпор. И это тоже вполне устраивало киммерийца.

Именно разделение троих друзей и вызвало вскоре у почтенного Амала настоящую тревогу. На третье утро плавания он подошел к Конану и почтительно спросил, может ли тот поговорить с ним.

Конан как раз пристроился у мачты, разложив на чистой тряпице свои мечи, точильный камень и масляные тряпки с намерением как следует заняться правкой и полировкой оружия. Против соседства караван-бashi он ничего не имел, и Амаль, кашлянув, начал:

— Скажи мне, господин мой, какого бога ты чтишь как своего и верховного над всем миром?

— Кроме Владыку Могильных Курганов, — ответил Конан, несколько удивленный вопросом.

— А что ты скажешь о солнцеликом Митре, коему поклоняются, как я знаю, в Иранистане и Аквилонии, а также во многих иных странах?

— Что о нем сказать? — Конан понимал, что толстяк пришел к нему не затем, чтобы узнать, на чьих плечах зиждется Равновесие этого мира. И потому ответил, как ответил бы любой киммериец, побывавший во многих странах и слышавший имена многих богов: — Он бог для тех, кто родился в его вере, и к ним он, наверное, милостив. Я не буду поносить его имени, но и возносить ему молитвы мне тоже вроде как незачем.

— А кому ты поклонялся, будучи на службе у Повелителя Илдиза?

— Так вот ты о чем! Нет, я не чтил Эрлика и Пророка его Тарима. Все в моем отряде знали, что мой бог — Кром. Но я никогда не пытался отвратить их сердца от Эрлика, если ты хочешь знать именно это.

Купец энергично кивнул.

— И не похвалил бы того, кто попытался бы это сделать?

— Клянусь Кромом, нет! О чем ты толкуешь, почтенный Амаль абн Сатир?

— Твой воин, аквилонец, он ведь когда-то был жрецом Митры?

Конан расхохотался. Он все понял.

— Так Сагратиус взялся обращать твоих матросов в митрианство, так, что ли?

— Так, о кладезь мудрости, именно так! — Купец горестно всплеснул руками, но тоже не удержался от улыбки. — И, клянусь милосердием Эрлика, меня начинает это беспокоить! Что я скажу женам, матерям и детям этих мореходов, когда привезу их домой? Что их кормильцы отвернулись от них и ушли к другому богу? Посоветуй, что мне делать, о могучий! Конечно, сей служитель Митры гораздо больше похож на трактирного кутилу и забияку, чем на скромного и смиренного дервиша, и меня, человека седого и всякие виды видавшего, не смущили бы его пьяные речи. Но я-то уже старик, а на «Покорителе Морей» много безусых юношей. Они слушают твоего воина с охотой и вниманием, и я опасаюсь...

— Не опасайся ничего, уважаемый, — прервал его Конан, вновь возвращаясь к

надраиванию до блеска своих клинков. — Сагратиус громок лишь на словах. Ты же видел, Кинда проводит с ним бок о бок дни и ночи, слышит все его громкие речи, божбу и проклятия и, клянусь печенью Крома, перегрызет за него глотку кому угодно. Но Кинда — птулькут, и молится своему богу, как бы громко ни рассуждал Мейл о милостях Солнцеликого. Да и сам он не вернется в обитель ни за какие блага Митры. Пусть буйнит. От этого никому не будет ущерба. Но, если хочешь, я поговорю с ним.

Амаль, сидя рядом с киммерийцем, задумчиво посасывал кончик бороды.

— Эрлик свидетель, ты прав, Конан. Никогда я еще не видел, чтобы в новую веру обращали столь странным способом: с помощью большого количества вина и браги, а также громких песнопений за полночь на нижней палубе. И все же, заклинаю тебя именем твоего бога, Крома, поговори с ним.

Конан пообещал поговорить и тем же вечером, спустившись на нижнюю палубу, выполнил свое обещание. Сагратиус был уже изрядно пьян, но внушению внял.

— Мочи нет смотреть на этих заблудших! — восклицал он в свое оправдание. — Вершились ли, они всю жизнь прожили с именем какого-то нечестивца на устах, так и не изведав благости истинной веры!..

— А сам-то ты неужто так уж стремишься вернуться к служению? — расхохотался киммериец. — Тебе бы брюхо набить да подраться — вот все милости Митры, коих тебе довольно. Потому кончай смущать правоверных туранцев. Обращай меня или Кинду, раз уж так невмочь.

— Разве я не пробовал? — воскликнул Сагратиус с пьяной слезой в голосе. — Видит Митра, я употребил все силы...

— Вот и упорствуй в благом начинании. Мы с Киндой хотя бы можем свернуть тебе на сторону челюсть, если ты нам уж очень надоешь.

Сагратиус поклялся, что перестанет докучать правоверным туранцам — и, хоть и был пьян в тот вечер, клятву сдержал, к немалому огорчению команды, потешавшейся над аквилонцем от всей души. Несостоявшийся жрец Митры больше не произносил прочувствованных проповедей во славу Солнцеликого, лишь изредка вздыхал по несчастным, лишившим себя спасения.

Почтенный Амаль успокоился, а мореходы вскоре нашли другой повод для веселья: забавную обезьянку, купленную на одном из островов. Она носилась по снастям, пролезала во все щели и воровала фрукты к неизменному восторгу всей команды, ибо проделывала все это с превеликой ловкостью.

Шел уже пятый день плавания. «Покоритель Морей» давно миновал первую россыпь островов Лемурийского архипелага и двигался на юг, через все море, к Жемчужным Отмелям. Там, поближе к берегу, Конан и намеревался удрать. Купец, зная об этом его намерении, заготовил ему большой мешок из провощенной кожи — для припасов и теплого плаща. Кормчий «Покорителя Морей» обещал, что острова Отмелей появятся на шестой день.

Но к вечеру погода, пребывавшая неизменно ясной все их плавание, стала неожиданно портиться. С востока набежали тучи, поднялся ветер. К полуночи волны вздымались уже в два человеческих роста. Но «Покоритель Морей» уверенно нырял с волны на волну, весла гребцов мерно опускались в темную пенную воду. Конан кликнул Сагратиуса, и они вдвоем встали на руль, ибо кормчие удержать его были уже не в силах.

Их швыряло из стороны в сторону всю ночь, на востоке небо прорезали яркие зарницы,

но сама гроза прошла, как видно, стороной, потому что наутро море снова было спокойно, а ленивый ветерок лишь чуть шевелил мелкие волны.

— Чудеса, — пробормотал Сагратиус. — Я немало поплавал по морям и доподлинно знаю, что буря может подняться за время, какое надобно Оку Митры, чтобы полностью погрузиться в море, коснувшись кромки, но никогда не видал бури, которая стихнет столь же быстро, притом начавшись просто из ничего.

Конан, сощурив глаза, пристально смотрел в океан. Он на своем веку тоже повидал не одну бурю. Пожалуй, аквилонец был прав: что-то с этой грозой было не так...

Но додумать он не успел. На воде, прямо там, куда он смотрел и мог поклясться, что мгновение назад ничего не было, появилась фигурка человека. И человек этот, плывя из последних сил к кораблю, кричал по-кхитайски:

— Помогите! Помогите! На помощь!

— Человек, человек за бортом! — послышалось тут же и с верхней, и с нижней палуб. В воду полетели веревки, шкипер велел выгребать навстречу тонущему. Тот уже еле барабанился в холодной воде.

Наконец утопленника вытащили — и еле вынули веревку у него из рук, так он вцепился в нее скрюченными, посиневшими пальцами. Сердобольный Амаль послал за одеялами и подогретым вином с пряностями: вид у вытащенного был самый жалкий. Это был старик-кхитаец с лицом, изрезанным сотнями мельчайших морщинок, с быстрыми темными глазами и редкой седой бородкой. Всей одежды на нем была какая-то рваная рубаха из простого полотна.

Как только он закутался в принесенное одеяло, ее тут же сорвали с него и выкинули за борт как никчемную ветошь. Старик трясся и бормотал бесконечные благодарности.

Мальчик-помощник повара принес ему в глиняной кружке дымящееся, остро пахнущее вино. Старик схватил кружку и с жадностью принял пить, обжигаясь и все еще дрожа. Но постепенно он пришел в себя и тогда обвел, наконец, долгим внимательным взглядом склонившиеся над ним лица.

— Не пройдешь ли ты в мою каюту, почтеннейший? — спросил его Амаль, когда увидел, что несчастный уже в силах воспринимать обращенные к нему слова. Старик непонимающе замотал головой, и Амаль повторил ту же фразу по-кхитайски.

— Я всего лишь бедный старик, — забормотал тот в ответ. — Мне не к лицу такие почести.

— А ну-ка, — сказал Конан, беря его за плечи и ставя на ноги. — Если ты обопрешься о мою руку, отец мой, тебе будет легче. Давай-давай, шевелись! А то и в одеяле продрогнешь.

Он почти силой поволок кхитайца к каюте Амеля.

Конан знал, что скачущие вверх-вниз волны могут сыграть с кем угодно злую шутку: при сильном волнении корабль может пройти мимо утопающего в двух шагах и не увидеть его за волной. Но утро было ясным, как синие глаза Силлы, волны были высотой не более чем в локоть, так как же там ни с того ни с сего появился этот старик? И даже если он плыл, то откуда, если до ближайшей земли, по словам кормчих, не менее полудня пути при среднем ветре?

— Ну, — сказал киммериец, усаживая старика на табурет, — рассказывай, отец, да смотри не ври. Как ты оказался в море?

— Я не помню, — забормотал кхитаец. — Я плыл куда-то — вот все, что я могу сказать тебе, добрый господин. Я очнулся на берегу вон того острова, среди жалких обломков.

Наверно, я ударился головой, потому что не помню даже, как меня зовут и кто я такой. Как я спасся — ведает один только благостный И Чжень, покровитель всех путешественников! Я увидел с берега ваш корабль и поплыл что было сил.

Конан насторожился.

— Какого еще острова?

— Вон того, добрый господин.

Костлявый палец старика указывал куда-то в стену каюты. Конан вышел на палубу и посмотрел в том направлении, куда тыкал загадочный старше.

В той стороне и в самом деле был остров! Мутная глыба его сгустком тумана висела над водою. Но до него была добрая тысяча полетов стрелы. Как же стариk проплыл такое расстояние, да еще после шторма, обессиленный и наверняка больной?

Видно, этот вопрос он, задумавшись, задал вслух, потому что рядом с ним раздался успокаивающий тенорок Амаля:

— Чего только не свершишь во спасение собственной жизни, досточтимый воин! Моя матушка во время пожара вынесла на себе сундук со своим приданым, будучи семнадцати лет от роду. А назад его втаскивали пятеро дюжих слуг!

При других обстоятельствах Конан, вероятно, от души посмеялся бы, представив, как волочет на себе из горящего дома хрупкая девица огромный сундук, опасаясь, что без него ее никто не возьмет в жены. Но сейчас он лишь сильнее нахмурился.

— Может, и так, почтенный Амаль, может, и так. А может, и иначе. Сагратиус говорит, что во вчерашней буре не обошлось без колдовства, а у него нюх на подобные штуки...

Купец привычно всплеснул короткими ручками.

— Колдовство! Да что ты говоришь такое, Конан! Разве похож этот несчастный умирающий на колдуна? Разве колдуны — такие? — В представлении Амаля колдун должен был непременно иметь шитый звездами халат, островерхий, увитый чалмой, звездный же колпак, а также не плавать в море после кораблекрушения, а сидеть у подножия трона какого-нибудь великого владыки, способного по заслугам оценить мудрость и искусность оного колдуна. — И даже если не обошлось вчера, как ты говоришь, без колдовства, то этот кхитаец скорее жертва, чем причина бури! Ну, в самом деле, не считаешь же ты колдунами нас только потому, что мы тоже здесь оказались именно вчера!

В этом доводе был свой смысл, и Конану волей-неволей пришлось признать, что стариk тут, скорее всего, ни при чем.

Амаль тоже разглядывал остров. Ветер гнал галеру прямо на него, и скалистые, поросшие редким лесом берега были видны все яснее.

— Колдовской этот остров или нет, а нам не повредит подойти к нему и постоять денек в бухте, — заявил караван-бashi. — У нас порвана половина оснастки и в борту пробита дыра — вчера ее завалили мешками с шерстью, но воды набралось порядком, да и заделать ее следовало бы. Пойду-ка спрошу у того старика, где нам лучше подойти к берегу, чтобы не разделить судьбу того корабля, на котором приплыл он!

Конан кивнул, по-прежнему глядя на остров. Он все еще разглядывал словно из ниоткуда наплывающие серые скалы с колониями бесчисленных птиц, когда на палубу выскочил Амаль. Седые его волосы на непокрытой голове только что не стояли дыбом.

— Стариk исчез! — крикнул он.

— А ну, всем на весла, живо! — взревел Конан, кидаясь к кормчим. — Юзуф, Мирад! Поворачивайте живее! Поворачивайте, не то мы все нынче будем ужинать на Серых

Равнинах!

Кормчие недоуменно взглянули на хозяина, но тот только замахал руками — слушайтесь, мол. А Конан уже мчался на нижнюю палубу.

— Всем на весла! Шевелитесь, отродья Нергала! Барабанщики, полный ритм!

Галера начала медленно разворачиваться против ветра. Весла плеснули по воде, скользнув вниз порванный парус...

В этот миг вода за бортом закипела и что-то снизу тяжко ударило в днище судна. Послышался оглушительный треск, галера выскочила из воды, словно снизу ей дала пинка нога подводного исполина. Едва она, взлетев на несколько локтей, снова плюхнулась в воду, как удар повторился. На этот раз он пришелся по рулевому веслу. И киль, и весло разлетелись в щепы, а тех, кто его держал, смыло за борт накатившей волной. Люди кинулись за веревками, чтобы вытащить товарищей, но тут новый удар обрушился на корму. Никто толком не успел разобрать, что же это было, как двое матросов уже лежали на палубе с размозженными черепами.

— Чудовище! Чудовище! — закричало сразу несколько голосов, и словно в ответ на эти крики над порушенной кормой поднялась гигантская драконья голова — в чешуе цвета бирюзы, с белыми разветвленными рогами и клыками в руку толщиной. Глаза дракона полыхали желтым янтарным огнем, из ноздрей вырывался дым. Чудовище разинуло пасть и дохнуло.

Парус вспыхнул, словно был сделан не из прочного холста, а из китайской рисовой бумаги. Струя огня прошлась по палубе, и те, кто попал в нее, упали на доски бесформенными обугленными головешками.

— Митра Пресветлый, — выдохнул у Конана за плечом Сагратиус. Вынув из-за пояса топор, он опробовал его лезвие большим пальцем и с сомнением посмотрел на толстые пластины бирюзовой чешуи, сплошь покрывающей гибкое тело чудовища.

Киммериец молча вынул из-за плеч оба меча и пригнулся в стойке. Ему надо было выждать нового удара.

Он полагал, что дракон будет продолжать крошить галеру там, где начал, но ошибся. Огромная когтистая лапа вынырнула из воды и вонзилась в палубу сбоку от него. Конан рубанул по ней на выдохе, но закаленный, с одного удара рассекавший полный доспех аквилонского рыцаря меч отскочил от бирюзового панциря, как мяч от стены.

Рядом на лапу опустилась секира Сагратиуса — и едва не вывернула ему руки, отлетев так же, как и мечи Конана. За бортом послышалось что-то очень похожее на смех, и они снова увидели голову чудовища — точь-в-точь такую, как у драконов на стене в гавани Пайтала, только раз в пять больше.

Конан еще раз взмахнул мечом. Но, как ни был он быстр, дракон оказался быстрее. Киммериец метил ему в глаз: в последний миг чудище успело отшатнуться, и острый как бритва меч срезал ему под корень правый ус.

Дракон взвыл и рванулся прочь с такой силой, что едва не перевернул галеру. Сагратиус упал и кубарем покатился по палубе. Конан, триумфально воздев оба меча, крикнул:

— Кром! Выходи, червяк, выходи, отрыжка Нергала, и я побрею тебя и с другой стороны!

— Ко-онан! Кинда-а!

Киммериец обернулся. Сагратиус, прокатившись до левого борта, свалился и повис, выпустив секиру. Судно кренилось все больше, Мейл ревел, как раненый бык. Кинда, схватив его за обе руки, пытался удержать друга, но ему это почему-то не удавалось.

Ринувшись к ним, Конан увидел почему. Ноги аквилонца обвивал хвост в лазурно-голубой чешуе. Он тянул Мейла вниз, тянул вместе с галерой. Кинда пыхтел, но все еще держал его.

Конан, уже убедившийся, что сквозь бирюзовые пластины до проклятого ящера не добраться, ткнул острием клинка туда, где проглядывала желтая незащищенная мякоть брюха. Раздался рев, стократно превосходящий рев гиганта-аквилонца. Хвост, не выпуская ног Мейла, дернулся вниз, увлекая под воду и Сагратиуса, и Кинду.

Издав звериное рычание, мало уступавшее в ярости реву раненого чудовища, Конан, зажав в зубах кинжал, нырнул с единственным желанием: добраться до глотки этой твари.

Он проплыл под водой вдоль чудовищного, свившегося в кольца огромного тела, и, найдя меж сходившихся на груди ящера желтоватых пластин щель толщиной не более пальца, вонзил в нее кинжал по самую рукоять. Тотчас мимо его лица, едва не зацепив его когтями, пронеслась бирюзовая трехпалая лапа.

Пальцы, гибкие и подвижные, сомкнулись на кинжале и выдернули его одним движением лапы. Вода окрасилась кровью. Конан, метнувшись вслед за кинжалом, брошенным драконом вниз, подхватил его и вынырнул на поверхность, чтобы глотнуть немного воздуха.

Галера пылала. Одним бортом она почти лежала на воде, медленно погружаясь. На ней горело все, что только могло гореть: снасти, мачта, кормовые надстройки.

В воде метались обезумевшие от ужаса люди. Раненый дракон в слепой ярости раздавал удары направо и налево. Ударом тяжелой лапы он оглушал свои жертвы, одновременно утаскивая их под воду.

— Эй, ты! — хриплым, сорванным голосом окликнул его Конан. — Безмозглый желтопузый червяк! Обернись и посмотри на того, кто воткнул тебе эту штуку под ребра!

Он понимал уже, что битва проиграна, что обезумевшая тварь никому не даст уйти живым, и теперь киммериец твердо решил продать свою жизнь как можно дороже.

Дракон словно дожидался его окрика. Развернувшись на голос, он быстро поплыл к киммерийцу. Конан, не дожидаясь, пока ему опалят струей пламени голову, нырнул и поплыл ему навстречу.

Они схватились у самой галеры. Конан метил чудовищу в глаз; доплыv до борта тонущего судна, он перекувырнулся в воде, оттолкнувшись ногами как мог сильнее. Вытянув руку с кинжалом, он рванулся к дракону, словно гигантская стрела, выпущенная из арбалета.

Но дракон, который мог остановить его одним ударом лапы, почему-то вместо этого отшатнулся, снова подставив Конану живот. «Ну, уж нет, — стиснув зубы, подумал киммериец. — Мне нужна твоя глотка, приятель, и я до нее доберусь!»

Как раз в этот миг дракон, разворачиваясь, неловко повернулся, и Конан, вытянув руку, схватил его за ухо.

Чудовище замотало головой, стараясь сбросить неожиданного всадника, но киммериец, подтянувшись, сжал ему шею коленями, как сжимал бока лошадей, намереваясь пустить их в галоп. Он уже нащупывал подходящее место среди бирюзовой брони, как вдруг когтистая лапа железной хваткой взяла его за горло.

Конан захрипел, силясь вырваться. Дракон в ответ на это лишь чуть крепче сжал пальцы. Перед глазами у Конана потемнело, в ушах поднялся раздирающий барабанные перепонки оглушительный звон — и больше он ничего не помнил.

ГЛАВА 5

Подземный лабиринт

Он ухмылялся так, что были видны все до последнего острые, белые зубы. Раина очень присмирила после дня, проведенного в одиночестве и темноте, и поэтому сейчас, еще не зная причин такому веселому настроению, она на всякий случай попятилась назад.

— Вот, — сказал он, стряхивая со спины свой груз. — Я принес тебе игрушку.

Девушка задохнулась и в ужасе прижала ладони к щекам. Перед ней, простертное на камнях, лежало нагое тело. Видно, ее мучитель выловил его из воды, потому что с волос утопленника, длинных и черных, текло, а кожа, когда-то бронзовая от загара, теперь имела тот синеватый оттенок, какой появляется и у живых, если они слишком долго пробудут в холодной воде.

Раина взглянула на улыбающегося хозяина. Он был явно доволен собой.

— Не ожидала? — хохотнул он. — Ну, ты рада?

— Ты... — наконец выдавила она сквозь слезы. — Ты смеешься надо мной, да?

Он нахмурился: вместо ожидаемой благодарности его снова встретили слезами. Это начинало его раздражать.

— Чем ты снова недовольна? Кто, как не ты, накануне жаловалась мне, что уже сотни лет не видела ни одного человеческого лица? Чем он плох тебе? Смотри, какой красавец!

Принесенный им человек вряд ли мог считаться красавцем. Во всяком случае, его лицо не отличалось ни правильностью, ни изяществом черт. Созерцание трупа было не самым большим удовольствием на свете, но Раина и в самом деле столько лет не видела никого из теперь недоступного ей внешнего мира, что невольно подалась вперед, рассматривая мертвеца.

Это был мужчина в возрасте полного расцвета, то есть лет тридцати — тридцати пяти. Его большое, могучее тело покрывали старые рубцы, тонкими полосками белевшие на синеватой коже. Широкие скулы, глубоко посаженные глаза и маленькие, прижатые к голове уши говорили о варваре-северянине, но темный загар свидетельствовал о том, что последние годы он провел под щедрыми лучами южного солнца. Была в его налитом силой теле какая-то своя, дикая красота большого хищника, но сейчас, истерзанное волнами, безвольно лежавшее на каменном полу, с запрокинувшейся черноволосой головой, оно являло жалкое и печальное зрелище.

Раина, всхлипывая, склонилась над лежащим. И тут он застонал и пошевельнулся.

С истошным визгом девушка отскочила как можно дальше от ожившего покойника. Тот лежал неподвижно, и Раина уже подумала было, что ей почудилось. Она оглянулась на хозяина — тот беззвучно хохотал, сотрясаясь всем своим огромным телом.

— Боишься, что укусит? Не бойся, он еще не скоро сможет кусаться. Клянусь собственной скорлупой, мне здорово пришлось потрудиться, чтобы одновременно оставить ему жизнь и лишить возможности кусаться! Этот безумец даже ранил меня, вернее, решил, что ранил. Но ты ведь знаешь, моя дорогая, что воткнуть мне кинжал в живот вовсе не означает убить, ведь правда?

Раина съежилась. Она знала. Когда-то давно, когда она лучше помнила, как выглядит блеск росы на листве в ранних лучах солнца, она с отчаянья попыталась убить своего

тюремщика. Казалось, он спал так крепко! Она вонзила ему зингарский кинжал по самую рукоять в то место, где, по ее понятиям, у него должно было находиться сердце. И завизжала в ужасе, когда услышала его смех. Он потешался над ней, притворяясь спящим. Что ему было с той царапины все равно, что ей ободрать локоть о камни — конечно, неприятно и кровь течет, но вовсе не смертельно. После этого случая он смеялся над ней три дня, а она потеряла всякую надежду когда-нибудь избавиться от него.

И вот опять он смеется — над ней и над всею людской глупостью. То, что в ее глазах было подвигом, достойным баллады, для него не стоило и выеденного яйца.

— Ты просто зверь, — тихо сказала Раина.

— Ну, — игриво сказал он, — все-таки не совсем. По крайней мере, не обычный зверь, не так ли? Ладно, теперь я вас оставлю. Вот здесь еда. Смотри не забудь поужинать. А, вот еще что. — Он подтолкнул к ней маленький, окованный металлом сундучок. — Это я тоже стащил с галеры. Тут всякие мази, притирания и прочая чушь. Возись в свое удовольствие. Но учти — этот человек склонен чуть что хвататься за нож. Его кинжал и мечи я утопил, но здесь, в сокровищнице, найдется довольно острых безделушек, которыми он перережет тебе горло, если ты не придешься ему по вкусу.

Снова хохотнув, он ушел.

Раина взяла в руки светящийся шар и поставила его в изголовье своей постели. Затем, подхватив утопленника под мышки, рывками принялась перетаскивать его на перины. Это отняло у нее уйму времени и сил, так что под конец она совсем запыхалась.

Передохнув, девушка принялась копаться в принесенном сундучке. Среди множества банок, коробочек и свертков с порошками, применения которым она не знала, нашелся флакон с прозрачной, резко пахнущей жидкостью. Раина зубами выдернула пробку и, едва не прослезившись от невыносимого запаха, поднесла флакон к ноздрям незнакомца. Тот вдохнул глубже, застонал и повернул голову. Только теперь Раина заметила темно-багровые свежие отметины на его горле.

Она снова всхлипнула. Проклятое чудовище! Зная характер своего тюремщика, ей следовало притвориться равнодушной и презрительно молвить что-нибудь вроде: «Зачем ты приволок мне эту падаль? Ах, он еще и жив? Так забери и выкини его сейчас же, потому что он, конечно же, скоро издохнет и будет вонять, как стая стервятников!» Вот как следовало бы ей поступить, и тогда довольная ехидная улыбка на драконьей морде сменилась бы гримасой разочарования, он отволок бы этого несчастного к берегу, утопил бы в море и забыл про него. И снова был бы в ее власти.

Но она не смогла так поступить. Смутно сознавая, что косвенно была причиной гибели многих неосторожных мореплавателей, она не могла хладнокровно казнить еще одного несчастного. Она не знала, для кого это делала — для себя или для этого незнакомца, но ей вдруг безумно захотелось, чтобы он остался здесь и выжил... Чтобы открыл глаза, улыбнулся и сказал:

«Спасительница... любимая... как ты прекрасна!..»

И вот он остался — на горе ей или на счастье, она еще не знала.

Видя, что утопленник постепенно приходит в себя, Раина принялась растирать ему холодную грудь. Взгляд ее невольно скользил вдоль его плоского, с рельефными красивыми мышцами живота, к густой поросли, к... Тут она почувствовала, что волна желания стремительно поднимается в ней, а руки движутся уже не с силой, а лаская и поглаживая... Она так давно не видела настоящего мужчины, что готова была оседлать его тотчас же, не

дожидаешься, пока он придет в себя.

Он вдруг шевельнулся, какой-то хриплый звук вырвался из его горла.

— Дракон... — еле внятно прохрипел он. — Дракон.

— Разве я похожа на дракона? — проворковала Раина, по-прежнему глядя на него. Ее пальцы уже приближались к заветному месту, голос звучал тихо и нежно. — Открой глаза и взгляни на меня. Разве я похожа на дракона?

Он открыл глаза и сел, даже не заметив прикосновений ее ласкающих рук. Глаза у него были синие. Сейчас, правда, их синий цвет был несколько мутноват, но все равно, они были прекрасны. Раина начала понимать, почему ее хозяин назвал свою добычу «красавцем» — пожалуй, теперь, рассмотрев его как следует, она готова была признать, что он просто бог.

— Что ты уставилась на меня, женщина? — недовольно поинтересовался он, уловив ее обожающий взгляд. — Кто ты такая? И откуда здесь взялась?

Тут он, наконец, огляделся. Магический шар разгонял тьму едва ли на три шага вокруг. Но все же, по гулкому эху, по мерцанию вдали новых и новых золотых груд можно было определить, что этот зал — гигантская пещера, потолок и стены которой уходят в недостижимую высоту.

— Откуда здесь взялась ты и откуда здесь взялся я? — повторил он.

Голос его уже звучал не так хрипло. Был он низок, глубок и звенел, и показался Раине музыкой садов Митры после множества лет, в которые она слышала одну только негромкую, словно шелест мертвых листьев, речь ее тюремщика. Голос этого человека звучал, как фанфары, и чувствовалось, что он привык говорить громко и повелительно, а не шептать ехидно, подкравшись из-за угла, как это любил проделывать хозяин ее подземного дворца.

— Я не взялась, я здесь живу, — ответила Раина. Как ответить на его второй вопрос, она еще не знала, но он сам подсказал ей:

— Так это ты, малышка, выволокла меня из воды?

Она, очень довольная тем, что выпуталась из щекотливого положения, поспешила кивнуть. Он оглядел ее хрупкую фигурку, тонкие руки и узкие плечи — и недоверчиво усмехнулся:

— Еще одна девушка на выданье с сундуком приданого, э? Ладно, положим, я тебе верю. Как тебя зовут?

— Раина, — ответила она, склонив к плечу золотоволосую головку.

— Раина, — повторил он, словно пробуя на вкус ее имя. Глаза его затуманились, словно он вспоминал кого-то с таким же именем. Подтверждая эту догадку, он пробормотал: — Та была черноволосая и темноглазая и уехала в Боссон, как я ни уговаривал ее остаться... — Он встряхнулся, отгоняя видение. — Ну, а я — Конан, Конан-киммериец. Ты и в самом деле здесь живешь? Что это за место?

— Остров, — ответила она. — Вернее, пещеры на острове. Мы с тобой сейчас в самом сердце подземного лабиринта. Оглянись-ка, — добавила она с лукавой улыбкой. — Это все — мое.

Чуть прищурив синие глаза, он снова огляделся, теперь уже внимательнее.

Она ожидала если не выкриков восторга и изумления, то хотя бы расширившихся глаз. Ибо повсюду в пещере были навалены груды сокровищ. Золотые аквилонские и немедийские кубки соседствовали здесь с нефритовыми и ametистовыми статуэтками из Китая. Изящные, отяжененные золотом и каменьями зингарские рапиры лежали вместе с огирскими тонкими кольчугами и туранскими изогнутыми саблями. Украшения всех стран,

от асирийских гривен до вендинских уборов придворных танцовщиц, которые, как известно, должны быть брошены в украшениях в воду и запросить о помощи, не в силах выплыть сами, иначе наряд считается неполным; просто россыпи камней, некоторые величиной с человеческую голову; стигийские золотые скрижали с темными письменами — и монеты, монеты, монеты...

С головами богов и чудовищ, с профилями владык прошлого и настоящего, с надписями, лавровыми ветвями, лилиями или трилистниками — в зависимости от того, в какой стране и при каком властелине чеканили их неизвестные мастера... Все это было свалено без разбора и счета в гигантские кучи, на самую маленькую из которых можно было купить любое королевство или княжество Хайбории.

Но Раина так и не дождалась даже удивленного восклицания. Равнодушным, как ей показалось, взглядом синеглазый гигант обвел все эти несметные сокровища и обернулся к ней с вопросом, никак не относящимся к ее гордому и несколько преувеличеному заявлению, что все это — ее собственность.

— А где тут выход?

— Выход? — не поняла Раина. — Куда?

— Да куда угодно, лишь бы вон из этой вонючей дыры! К чему мне все эти побрякушки — я хочу есть! Или у тебя в этих грудах припрятан хороший кусок оленины? Если да, то давай его сюда, и поживее!

Раина мелодично рассмеялась и поставила перед ним корзину со снедью, принесенную драконом. Роясь в ней, он отдал новое распоряжение:

— Найди мне какую-нибудь тряпку и хороший ремень. Лучше два.

— Зачем, Конан? — спросила Раина, любуясь им. — Ты хочешь связать меня?

— Я хочу сотворить себе некоторое подобие одежды, — не без ехидства ответил киммериец с набитым ртом. — Что ты делаешь?

Раина подошла к нему, скользнула пальцами по плечам, прижалась к бронзовой спине.

— Тебе не нужна одежда, милый, — шепотом сказала она, — если тебе холодно, я согрею тебя.

— Женщина, дай мне спокойно поесть, — последовал на это единственный ответ. И сказано это было довольно-таки мрачным тоном.

Девушка обиделась и, надув губки, села в стороне. Но минуту спустя ей пришло в голову, что она, быть может, действительно не права — все мужчины устроены одинаково: сначала желудок, потом то, что ниже, и уж в последнюю очередь — голова. Глупо приставать к мужчине, если он голоден. Поэтому Раина утихомирилась, уперла локотки в колени, подбородок положила на руки и стала смотреть, как он ест. Пусть ест. Он никуда он не денется — ни сегодня, ни завтра, ни ближайшую тысячу лет.

Конан же, запивая холодную жареную утку и белый хлеб кисловатым домашним вином, какое делали повсюду на южных отрогах гор Жемчужных Отмелей, думал о том, что, кажется, попал в переплет. Груды золота и удивили, и обрадовали его — но лишь в первый миг. Девчонка же, назвавшаяся их хозяйкой, явно что-то недоговаривала. Быть может, тот демон в бирюзовой чешуе — ее слуга, и приволок его сюда по ее повелению? Но она совсем не была похожа на женщин, повелевающих демонами... И где же выход из этой утробы Нергала?

— Послушай, Раина, ты что, ведьма? — спросил он, чтобы узнать ответ хотя бы на один вопрос.

— Конечно же, нет! — ответила девушка. — Почему ты решил?

— Откуда же тогда взялся дракон?

Он уже покончил с птицей, хлебом и вином и, вытерев о волосы жирные пальцы, начал обходить сокровищницу, подыскивая себе одежду. Наконец он нашел туранскую шаль Раины и два пояса. Не успела девушка и глазом моргнуть, как шаль была порвана на два неравных куска. Из одного, поуже, Конан сделал себе нечто вроде набедренной повязки, затянув на талии кожаный ремень и продержав под него концы лоскута, а другим обернул бедра, закрепив вторым ремнем — из наборных золотых пластин с яшмовыми и нефритовыми вставками. Все вместе это походило на облачение какого-нибудь вендинского князя, и киммериец проворчал, оглядывая себя: «Павлинний наряд! И ни одной пары сапог!»

— Так откуда же взялся дракон? — повторил он, закончив облачение. — Если ты не ведьма, то кто его вызвал?

— Ну-ну, — замялась Раина, — он, видишь ли...

— Тоже здесь живет, — закончил за нее голос из глубины пещеры, и на свет выполз дракон — огромное бирюзовое чудовище длиной не менее десяти копий. Об этом, впрочем, судить было трудно, потому что тело его находилось в непрестанном движении: даже оставаясь на месте, он перетекал из одного положения в другое, свивая и развивая кольца и петли.

Заслышиав этот голос, Конан не глядя протянул руку к ближайшей груде и вытащил что подвернулось — большой анкас из слоновой кости со стальным наконечником, в котором слились копье и крюк. Озадаченный тем, куда он попал и кто такая сидящая здесь девчонка, он на время забыл о том, как он попал в пещеры. Но, увидев треугольную тупорылую морду, вспомнил, как кричал Сагратиус, раздираемый надвое, как горела галера и тонули люди. Взвесив в руках анкас, киммериец сказал сквозь зубы:

— Так он у тебя еще и разговаривает, этот ублюдок Сета? А на каком базаре ты его купила?

— Аргх! — рявкнул дракон. Из пасти его вырвалось пламя. Подойдя ближе, он вкрадчиво спросил у Раины: — У тебя? Это значит, я тут у тебя, а не ты у меня? И что ты еще успела ему наговорить? Быть может, что все эти сокровища — твои?

Ей не следовало забывать, что, где бы ни находился ее тюремщик, он слышит каждое ее слово. Она так хотела покрасоваться перед мужчиной, ошеломить, ослепить его, что из ее светловолосой головы вылетело все остальное. И теперь ей не миновать расплаты. Когда дракон начинал говорить таким тоном, как сейчас — тихо и вкрадчиво, даже ласково, это означало, что он очень зол.

Взвизгнув, Раина кинулась за спину киммерийцу. Дракон шагнул ближе, и Конан выставил вперед анкас.

— Давай, отрыжка Нергала, подходи. И я выколю тебе оба глаза, клянусь Сагратиусом и Киндой, которых ты убил! Ну, подходи!

Дракон лег, обернув ноги хвостом.

— Сагратиус и Кинда. Видимо, это были твои друзья? Там, на галере? — Конан только крепче стиснул зубы, отчего шевельнулись тени у него под скулами, и дракон продолжал, тихо и покаянно: — Прости, я не знал. Но теперь уже ничего не поделаешь, правда? Я в самом деле сожалею, Конан. Ни против тебя, ни против твоих — как их — Сагратиуса и Кинды я ничего не имею. Если тебя это утешит, возьми себе что-нибудь из моих вещей вместо выкупа — у асиров это, кажется, называется вирой. После выплаты виры

прекращаются все счеты, не так ли? Этот пояс на тебе и анкас в руках достаточно ценные, чтобы выкупить десять, а то и пятнадцать жизней.

Голос его звучал мягко и тихо, словно журчала вода или шелестели осенние листья. Конан глубоко вдохнул, раздувая ноздри, но анкаса из рук не выпустил.

— Что тебе от меня надо, голубая лягушка? — грубо спросил он.

— Ничего, — ответил дракон самым мирным тоном. — Совершенно ничего.

— Тогда зачем ты приволок меня сюда? И где твой хозяин, обманом проникший на наш корабль? Тот старик-кхитаец...

— Тот кхитаец — это тоже я, — весело ответил дракон голосом вытащенного из воды старика. Он сделал какое-то неуловимое движение — то ли встал, то ли очень быстро перекувырнулся через голову, — и перед Конаном предстал мокрый дрожащий человек с тонкой бородкой и сетью мельчайших морщин на смуглом лице.

— Ах ты мерзкая жаба... — пробормотал Конан и ринулся на него.

В следующий миг он не мог пошевельнуть ни рукой, ни ногой, стиснутый кольцами драконьего тела. Чудовище сжало объятия чуть сильнее — и киммериец услышал, как затрещали его кости.

— Я же сказал тебе: я ничего не имею против тебя, и ты против меня теперь, надеюсь, тоже. Если ты будешь вести себя гадко, мне придется убить тебя. Ты понял меня?

— Да, — прохрипел Конан. — Пус-сти...

Дракон разжал кольца, и киммериец плашмя упал на камни. Знакомство состоялось.

— Все, что от тебя здесь нужно, тебе скажет вот эта юная, — дракон хихикнул, — девица. Когда я похищал тебя, меня заботило одно лишь ее благосостояние. Она пожаловалась, что истосковалась по людям, и я подобрал ей пару по своему разумению. Развитесь, дети мои.

Заявив это, дракон повернулся, чтобы уйти. Конан, забывшись, схватил с пола гигантский изумруд и что есть силы метнул в голову чудищу. Изумруд отскочил от чешуи и, упав, покатился по полу.

— Ты только напрасно тратишь силы, Конан, — безмятежно отозвался дракон. — С этой стороны я неуязвим. А если бы камень раскололся, было бы жаль. Ты, может быть, об этом не знаешь, но на него на любом невольничем рынке можно купить три десятка таких бронзовокожих красавцев, как ты.

И насмешник удалился. Конан в бессильной ярости пнул золотой аквилонский доспех, зазвеневший, как гонг в кхитайском храме, и обернулся к Раине.

— Так я здесь все-таки из-за тебя? Из-за тебя он потопил галеру с моими друзьями, полную отличного товара и людей? Четыре десятка человек — на дно! Да ты не стоишь и медной серьги из уха Сагратиуса! Будьте вы оба прокляты — и ты, и твой рогатый хозяин!

Раина, сжавшись в комочек, смотрела на него полными слез глазами.

— Я ни о чем его не просила! — выкрикнула она. — Ни о чем, клянусь солнцеликим Митрой и благой Иштар! Я говорила ему тысячи раз, что это плохо — топить проходящие корабли, что им до него нет никакого дела, но разве он меня послушает? Что я для него — игрушка, забава! Он придумал новую игру — и принес тебя. Но я ни о чем его не просила!

— Откуда же он тогда знает мое имя? — уже тоном ниже, но все еще подозрительно спросил киммериец.

— Ты сам его только что назвал! А у него прекрасный слух, он слышит, как ветер шевелится в своей берлоге...

— Ладно, — сказал Конан. — Не можешь же ты врать постоянно...

На этот раз девчонка, похоже, говорила правду. Так, значит, эта пятнистая чешуйчатая мокрица приволокла его сюда себе на потеху! Посмотрим еще, кто будет смеяться! Как бы ящерице плакать не пришлось...

Убедившись, что дракона не берет ни добрая сталь, ни увесистый булыжник, Конан понял, что сражаться с ящером придется хитростью. Чего он ждет от киммерийца? Бунта или немедленного овладения Раиной. Ну, так ему не будет ни того, ни другого. Хотя насчет Раины... Время покажет. Сейчас же надо было выбраться из этих пещер наружу.

— Так где здесь выход? — повторил он.

— Из этого зала — вон там, — махнула рукой Раина. — А наверх — не знаю. Здесь целый лабиринт. Он принес меня сюда спящую и с тех пор выпустил наверх только один раз — несколько дней назад. Но я была с завязанными глазами. Поняла только, что это очень далеко. Сам он знает тут каждый коридор.

— Уж разумеется, — проворчал Конан. — Вставай. Пошли.

— Куда?

— Искать выход. Как-то же надо выбираться отсюда. Чем скорее мы начнем, тем скорее выйдем.

— Но... зачем нам наверх? — не поняла Раина. — Что мы там будем делать?

Конан посмотрел на нее как на помешанную.

— Займемся друг другом, — как мог язвительнее заявил он. Но девушка не услышала насмешки. Личико ее просветлело, она захлопала в ладоши.

— В самом деле? Тогда надо взять остатки еды и где-то у меня тут был кувшин с водой...

Она засуетилась, собираясь. Конан смотрел на нее во все глаза.

— Женщина, — вымолвил он, наконец. — Ты что, лишилась рассудка? Ты не хочешь уйти отсюда, уйти навсегда?

— Хочу, — ответила Раина несколько растерянно. — Только куда? Это же остров. Здесь вокруг — открытое море. Куда нам бежать? И как? Я не умею плавать.

— Здесь вокруг не открытое море, а острова, — терпеливо возразил Конан. — Из каких ты краев, детка? Ты не знаешь, что из обломков всегда можно собрать плот?

— Я из Аквилонии, — отрезала Раина, обидевшись. — И никогда не плавала на плотах. И уж тем более понятия не имею, что здесь за люди и что за земли. — Она помолчала, глядя, как он роется в грудах, пытаясь подобрать себе оружие, и добавила: — Но если ты хочешь бежать, нужно сначала хотя бы усыпить дракона. Хотя я не уверена, что он не слушает нас сейчас и не посмеивается про себя.

— Чтоб ему подавиться собственным хвостом! — проворчал киммериец. В кучах были одни никчемные золотые доспехи или парадное оружие с никудышной сталью и полным отсутствием баланса. Конан решил оставить себе анкас — из всего, что он пока нашел здесь, эта вещь казалась ему наиболее полезной. — И как ты собираешься его усыплять?

— Колыбельной, — решительно ответила Раина и взялась за арфу.

Она провела рукой по струнам — те отзовались тихим мелодичным эхом — и негромко запела:

У ночной тишины

Есть мягкие-мягкие лапы.

С моря приходит она —
И дождь забывает плакать.
У ночной тишины
Есть голос нежно-медовый.
Тихо поет она —
И густеет сумрак лиловый.

Краем глаза Конан видел, что из мрака коридора выползла бирюзовая тень и теперь тихонько подбирается поближе. Оказывается, дракон был неравнодушен к музыке!

А Раина, словно не замечая его, пела, и голос ее звучал необычайно нежно:

У ночной тишины
Есть сетка из тонких волокон.
Ей она ловит сны
И выпускает в окна.
У ночной тишины
Есть красный петух рассвета.
Из перьев его поутру
Зарю раздувает ветер...

Она вдруг замолчала и подняла голову.

— Ну что же ты, — прошептал дракон. — Ты никогда не пела мне этой песни. Пой еще.

— Я ее только что выдумала и еще не знаю, что дальше, — ответила Раина. — Но я пела ее не тебе.

— А мне все равно, — ответил дракон, хотя было видно, что он и огорчен, и обижен. — Пой еще. Пожалуйста.

Раина скривила гримаску, но запела — на этот раз какую-то немедийскую балладу. А Конан смотрел на нее и думал, что не ошибся: хозяйкой в этих подземельях была действительно она. Бирюзовый зверь всецело подчинялся ее капризам, ублажал ее, как мог — ведь не зря же в этой сокровищнице ни одной стоящей вещи, а сплошные побрякушки? На какой-то миг ему даже стало жаль дракона, но тут он снова вспомнил, как выл Сагратиус — и стиснул зубы. Ладно, он не тронет эту тварь, тем более что и тронуть-то как следует он ее не может. Но и сидеть здесь на забаву его девчонке тоже не будет. Захочет сама — пойдет с ним. Не захочет — невелика потеря.

Раина неслышными шагами подкралась к нему и молча указала на дракона. Тот спал, сжав веки и раздувая ноздри. В них, словно угольки под золой, дремало пламя, отчего казалось, что нос дракона светится изнутри.

Конан кивнул и девушка ткнула пальчиком в сторону светящегося шара. Киммериец сунул его в корзину с остатками снеди и двумя бутылями воды. Пятаясь, почти на цыпочках, они вышли из сокровищницы.

— А что теперь? — спросила Раина по-прежнему шепотом.

Киммериец втянул воздух. Чутье варвара говорило ему, что идти надо вдоль струи сквозняка, и, чтобы лучше ее чувствовать, он послюнил палец и намазал нос. Раина, глядя на его приготовления, прыснула, зажав рот ладошкой.

— Пошли, — сказал Конан, глядя на нее совсем не так восторженно, как она на него.

И они пошли. Первые несколько залов Раина шла молча, но скоро не выдержала и принялась жаловаться. Она никогда не ходила в пещерах так далеко сама и уж тем более никогда не пытаясь выбраться наверх. Ей было страшно, и она скулила, как брошенный матерью борзой щенок, когда он пытается идти на расплюзвающихся длинных ногах и дрожит и подвывает на каждом неуверенном шагу.

Чтобы хоть как-то пресечь эти жалобы, потому что окрики заставляли ее замолчать лишь на очень короткое время, Конан спросил ее, откуда именно из Аквилонии она родом. Девушка оживилась и принялась рассказывать:

— Я родилась в маленьком городке близ огирской границы. Ничего примечательного в нашем захолустье не было: овцы, свиньи да виноград. Одной моей подружке повезло: она приглянулась проезжавшей у нас знатной даме, и та взяла ее в услужение и увезла в сам Истарил, к королевскому двору. Потом Мирата приезжала однажды к родным и рассказывала, как хороша столица, какие там дома в два и даже три этажа, какие дворцы и сады. По ее словам, выходило, что Истарил — просто обитель Митры на земле...

— Погоди-ка, — оборвал ее Конан. — Какой еще Истарил? Тот, что двести лет назад сравняли с землей пикты?

— Да нет, Истарил, столица!

— Ты что-то путаешь, девочка. Столица Аквилонии — Тарантия.

Райна возмущенно тряхнула волосами:

— Какая Тарантия! Я даже имени такого не знаю. В конце концов, кто там родился и вырос, ты или я? Не спорь, а лучше слушай. Ты же хотел знать, как я попала на этот остров? Ну вот. Однажды, когда урожай был особенно хороший, отец вздумал съездить с молодым вином на базар в Ианту, столицу Офира. Ее-то ты знаешь? — Конан утвердительно кивнул, и девушка продолжала: — Ну вот. И я напросилась с ним. Мне тогда было пятнадцать лет, и я слышала самой большой непоседой в округе.

Я его долго уламывала. Но, в конце концов, уговорила. И мы поехали. Самого путешествия я почти не помню. Но Ианту помню отлично. Никогда в жизни я не видела столько красивых домов разом! Отец оставил меня на повозке, а сам пошел разыскивать кого-то, кто распределял места на базаре.

И вот я, разряженная по нашим деревенским понятиям в пух и прах, сидела на бочках с вином и глазела по сторонам. И вдруг ко мне подходит жрец в белых одеждах. «Не хочешь ли взглянуть на самый прекрасный в мире храм, красавица?» — спрашивает он меня. «Конечно, хочу, — отвечаю я, — но я не могу с вами идти, потому что отец запретил мне уходить из дома с чужими людьми». — «Ты боишься, что я сделаю с тобой что-нибудь дурное? — говорит он самым медовым голосом. — Не бойся, я ведь служитель бога. А служитель бога не может причинить зла ни одному из его творений». Словом, он меня уговорил...

— Помолчи-ка, — сказал вдруг Конан. Они стояли у развилки, от которой шло сразу три коридора — вниз, наверх и прямо. Варвар шумно втягивал воздух, пытаясь определить, который из трех выбрать. — В центральном слишком тепло, — пробормотал он. — Значит, он ведет вниз. В правом воздух застоявшийся, хоть он и уходит выше. Значит, мы идем налево. Клянусь Кромом, я найду выход! Должен найти! Я должен теперь дойти до края мира и выпить за Сагратиуса бутылку самого лучшего вина, как он собирался!

Вспомнив Сагратиуса, Конан вспомнил и Кинду, а вместе с ними — дракона, мирно спавшего в самом центре лабиринта. «Будь ты проклят, желтопузая лягушка, — пробормотал киммериец. — Ничего, я с тобой еще поквитаюсь!»

Он двинулся вперед, и Раина продолжила с того места, на котором ее прервали:

— Он меня уговорил, и я пошла. Мы пришли в храм — и меня сделали невестой бога. Даже не спросили, какой я веры. А когда меня разыскал отец, ему дали сто золотых — и он обо мне и думать забыл. Ну, долго я там не задержалась. Был там один мальчишка на побегушках — младший жрец. Ему все это тоже опротивело, но он боялся. Я его соблазнила, и мы бежали. Правда, в Кофе на нас напали разбойники, и его убили... но я-то осталась жива!

«Хорошо сказано, — подумал Конан. — Эй, киммериец, а не пытаются ли сейчас с тобой проделать то же самое? Может быть, она все-таки ведьма?» Но никакого ощущения реальной власти над Призрачным миром от Раины не исходило.

— Ну вот, его убили, а меня продали богатому шемиту из Асгалуна. У него я пробыла три года, пока меня не увидел на морской прогулке король Шема, Традрикес...

— Король всего Шема? — уточнил Конан и, получил ответ:

— Ну, конечно. У них же единое государство, хотя некоторые города и пытаются объявить себя независимыми от короны.

Выслушав эту ахинею, киммериец окончательно уверился, что девчонка в пещерах тронулась умом. Единый правитель Шема, надо же! Да он сам когда-то чуть не стал царем одного из городов и, сколько себя помнил, города шемитов всегда воевали меж собой, потому что у каждого был свой правитель, своя армия и свой закон.

— Традрикес увидел меня и влюбился с первого взгляда. Он выкупил меня у прежнего хозяина и сделал первой женой в своем гареме. И вот однажды, во время паломничества к Острову Идолов, на наш корабль напали. Мой повелитель был убит, галера захвачена, а меня присвоил капитан пиратов. Он заставлял меня петь ему с утра до ночи, прямо как этот, — она кивнула назад, в ту сторону, где по ее предположениям спал дракон. На самом деле они уже три или четыре раза свернули, так что дракон находился теперь справа от них, а не позади.

— А как тебя заполучил он? — спросил Конан, предпочитая, чтобы она была занята рассказом, а не жалобами о том, что у нее болят ноги, что она голодна и смертельно устала — и так далее. Этого всего киммериец уже наслушался.

— Так же, как и тебя. Однажды галера попала в шторм, и нас унесло далеко от берега. Десять дней мы болтались едва живые между небом и землей, а на одиннадцатый нас увидел он. Услышал, как я пою — хозяин думал, что моя молитва поможет буре утихнуть, и принуждал меня петь еще и еще, хотя я совсем охрипла и замерзла — так вот, он услышал, как я пою, протаранил галеру, всех утопил, а меня отвез на берег. Он может превращаться в человека, когда захочет — ты видел сам. Правда, ненадолго, но этого и не требовалось. В первом же городе мы купили мне новую одежду и вернулись к морю. Он не отпускал меня ни на шаг. И принес от Вендии сюда — за одну ночь. Он очень быстро плавает.

Тот, о ком они говорили, по-прежнему лежал в сокровищнице. Сквозь сон он слышал, как эти двое плутают в его лабиринте — и лишь усмехался в усы. Пусть. Он как следует выспится, а потом принесет им поесть. Ни один смертный не в силах отыскать дорогу наверх из его подземного дворца. Пусть Раина побегает. Опыт с мужчиной уже дал свои плоды: сегодня он услышал первую новую песню за последние пятьдесят лет...

А Конан и Раина поднимались все выше. Уже дважды они останавливались, чтобы поесть — и теперь в корзине лежал только светящийся шар. Девушка устала, сбила себе ноги о камни и порвала платье. Но Конан упорно тащил ее за собой. Он чувствовал, что выход где-

то близко.

Они вышли к новой большой лестнице — третьей по счету за сегодняшний день, — и на нижней ее ступеньке Раина села и отказалось идти дальше.

— Я есть хочу! — капризно заявила она в десятый или в пятнадцатый раз. — И пить! Зачем я только пошла с тобой!

— Ты можешь как-нибудь погасить этот шар? — спросил Конан вместо ответа. Ведь не быть же, в конце концов, сумасшедшую.

— Но мы же тогда останемся в темноте, — испуганно сказала она.

— Не останемся. Смотри, сверху идет свет. Мы увидим его лучше, если ты загасишь шар.

— Его можно просто оставить, тогда он погаснет сам. Пусть лежит. Я только корзину заберу — тут есть пустой кувшин.

Лестница оказалась крутой и длинной. Но сверху действительно пробивался свет, и торопясь выйти к нему, они бежали по ступеням, не чувствуя усталости. Лестница заканчивалась небольшой площадкой и дверью, едва приоткрытой. Конан надавил на нее плечом — и они вышли наружу.

Был уже поздний вечер, солнце садилось за горные вершины. Они вышли не к морю, а в долину, вылезая прямо из склона горы.

Спуск вниз по козьей тропе не отнял у них много времени. Еще солнце не вовсе скрылось за деревьями, когда они, найдя среди зарослей ивняка маленький родник, уже плескались и брызгали друг на друга водой, как дети. Напившись, Конан растянулся на мягкой траве и закрыл глаза. В этот миг он был совершенно счастлив.

— Конан, — позвала его Раина, подкрадываясь. — Синеглазый мой варвар... Посмотри на меня. Хороша ли я?

Она скинула одежду и стояла в ручье нагая, с разметавшимися по плечам золотыми волосами. Глаза ее горели кошачьим огнем.

— Хороша, — признал Конан немного хриплым голосом. — Иди сюда. Я обещал тебе кое что...

Мурлыча и изгинаясь, она подобралась к нему и раскинулась на траве. Она отдавалась ему яростно, со всею страстью изголодавшейся женщины. Жажда ее была сильна, и утолила она ее далеко не сразу, но все же первая запросила пощады.

Солнце село, в долину выползли холодные тени. Конан высвободился из ее объятий и склонился над ручьем — напиться и ополоснуть лицо.

— А хорошо бы так все и осталось, — вдруг мечтательно произнесла Раина. — Навсегда.

— Как?

— А вот так — долина, ручей, ты и я. Оба бессмертные, оба вечно счастливые...

Конан на это только фыркнул. Не в первый раз он оказывался на острове с прекрасной женщиной и не в первый раз выслушивал нечто подобное. Прекрасная Дайома, колдунья, повелительница волшебного острова, тоже желала оставить у себя Конана навсегда. Она была почти богиней, ей подчинялись стихии и звери, но наибольшего мастерства достигла она в сотворении иллюзий. Она и возлюбленного варвара пыталась удержать у себя при помощи сладких грез: каждую ночь во сне на ее острове он видел себя могучим властелином, завоевателем множества стран, чуть ли не повелителем всей Вселенной.

Но это были только сны. Единственное, что его удерживало хоть сколько-нибудь на том острове, это сама хозяйка. Вот была женщина, знающая толк в любовных утехах и играх! Но

и ее он оставил, несмотря на посулы исполнения самых сокровенных желаний — все в тех же снах, разумеется. А эта хозяйка острова предлагала ему бессмертие. «Вечность на острове вместе с девицей, настроение у которой меняется, как небо осенью, — подумал Конан, — Ну и тоска!» Ему вдруг почему-то снова стало жаль дракона — ведь именно такая судьба ожидала бирюзового любителя музыки.

— Всем бы вам одного и того же, — проворчал киммериец. — Осесть где-нибудь и зарасти тиной. Это не по мне.

Раина привстала на локтях и зашептала страстно и убедительно:

— Но послушай, ведь здесь бы ты и вправду стал бессмертен. Он может тебе это дать. В твоем распоряжении была бы вечность — и я. Пока я ему пою, он сделает для меня все, что я пожелаю.

— Да ты с ума сошла, — искренне удивился Конан, — Клянусь Кромом! Вечность на необитаемом острове! Да хуже этого ничего и придумать невозможно!

Раина обиделась. Лицо ее приняло капризно-надменное выражение.

— Этот остров обитаем, — высокомерно сказала она. — На нем живу я. Я здесь хозяйка. Если я велю, мой дракон разорвет тебя в куски.

Киммериец медленно встал в полный рост и выпрямился.

— Зови, — сказал он очень тихо.

Она взглянула в его горящие бешеным синим огнем глаза и испугалась. Ведь она же просто пощупила...

— Конан...

— Ну? — рявкнул он с бешенством. — Что же ты? Зови!

Он стоял перед ней: мужчина, только что ласкавший ее так страстно. Теперь он был исполнен такой ненависти, что она почти зримо повисла меж ними застывшим в воздухе темным сгустком. На глаза Раине навернулись слезы.

— Прости меня, — прошептала она.

Он стоял все так же неподвижно, лишь раздувающиеся ноздри говорили о том, как он зол. Раина всхлипнула. От ее надменности не осталось и следа.

— Конан, — тихонько позвала она, — Конан, мне холодно... Пожалуйста, Конан.

Киммериец взглянул на нее — заплаканную, дрожащую — и медленно выдохнул. Какой бы она ни была, ее сделали такой одиночество и дракон, и это была не вина ее, а беда. Конан лег рядом с ней и прижал девушку к своему боку. Она зарылась ему под мышку и умиротворенно вздохнула.

— Понимаешь, мне тут все время холодно... — пробормотала она жалобно. — Всегда холодно.

— Спи, — цыкнул на нее Конан. — Ты хотела спать. Завтра мы придумаем, как отсюда выбраться. Если Юлдуз не ошибся, мы выберемся. Двоих я уже нашел и разделил. А раз так, то я должен, в конце концов, вернуться на запад. И ты вернешься вместе со мной.

Ответом ему служило тихое посапывание — Раина спала. Конан закрыл глаза и велел себе заснуть. Завтра будет новый день. Пусть он настанет поскорее.

Раина, как ткнулась в него, так и не пошевелилась за ночь. А Конан спал беспокойно. Снилась ему та самая поляна у родника, на которой они лежали, и они сами, лежащие на траве. Снилось ему, что он не спит, а лежит с закрытыми глазами и что веки у него постепенно становятся прозрачными, так что он может видеть сквозь них, не открывая глаз. И сквозь них увидел он луну, полную и золотую, спускающуюся с небес на землю. Она

разбухала, пока не стала огромной, заполнив весь горизонт и заслонив ночное небо. Свет ее был так ярок, что трава на поляне сделалась молочно-белой, белыми стали деревья и листва на них, лишь черные, как зрачок драконьего глаза, тени шевелились под деревьями живыми злобными тварями и тихо шипели что-то угрожающее.

Луна совсем села в траву, и поток света вдруг начал изменяться, густеть, обретать форму. Теперь это был уже не свет, а огромная лестница, уходящая в самое сердце луны. Раина вдруг застонала, зашевелилась и поднялась. Конан попытался было удержать ее, но она словно просочилась сквозь его пальцы. Только теперь он увидел, что перед ним не живая девушка, а бесплотный светящийся призрак, сквозь который, как в дымке, видны стволы деревьев и черные тени на траве.

— Прощай, — прошептала Раина, протягивая к нему руки. Он силился подняться, но не мог, словно был прикован. — Мне пора. Прощай...

Ее тоненькая фигурка уплывала вдоль сияющей лестницы все дальше, все выше, пока, наконец, не слилась с луной. Последний раз донеслось до Конана шелестящее «Прощай...». Веки его снова стали темными, словно кто-то закрыл ему глаза ладонью.

И тут, словно гром среди ясного неба, над ним раздался вопль, полный отчаянья и ярости одновременно:

— Что ты наделал?!

Конан открыл глаза.

Солнце, стоявшее уже довольно высоко, приятно согревало кожу. Только левому боку почему-то по-прежнему было холодно. Конан шевельнулся — с него посыпалась какая-то труха, кости... Человеческий череп! Киммериец вскочил как ошпаренный.

В траве, рассыпавшийся от его прыжка, лежал иссохший скелет. Старые кости были даже не желты, а ослепительно-белы, словно пролежали здесь, открытые всем ветрам и дождям, не один десяток лет. На покатившемся с плеча Конана черепе еще видны были остатки длинных седых волос. А вокруг киммерийца, выписывая круги по поляне, голубым смерчем метался дракон и стонал, взрывая когтями дерн:

— Что же, что же ты наделал!

Конана словно приморозило к месту: он, наконец, понял. Скелет был тем, что осталось от Раины. Ночной морок был не сном, а явью. Луна, добравшись, наконец, до жительницы пещер, где не было ни времени, ни смерти, позвала ее, и девушка ушла на зов. А тело ее высохло и рассыпалось прахом за одну-единственную ночь.

ГЛАВА 6

Соглашение

Дракон метался по поляне, сминая и вырывая с корнем столетние ивы и молодую поросль, его хвост и когти оставляли во влажной земле глубокие борозды.

— Что же, о что же ты наделал!

Конан еле увернулся от увесистого кома земли, вырванного яростными ударами хвоста. Голубые ноздри дракона горели красным, из пасти вырывались язычки пламени.

— Я наложил нерушимые чары, разбить их мог только лунный свет, и я держал ее под землей, она жила здесь как принцесса во дворце, у нее было все, даже бессмертие, во тут приходишь ты — и все летит Нергалу в пасть!

— Вот тут ты ошибаешься, ящерица!

Опешив в первый миг от пробуждения в объятиях скелета, Конан почти не слышал воплей дракона. Мысль его лихорадочно работала. Значит, эта малышка прожила здесь столько лет, что, оставайся она подвластна времени, один лишь ее скелет давно бы рассыхался под солнцем и морскими ветрами, а, быть может, не осталась бы уже и скелета, и лишь трава, выросшая на ее прахе, помнила бы о ней...

Теперь он понимал, почему Раина так странно говорила о городах-государствах Шема и почему считала развалины столицей Аквилонии, а о Тарантии не слыхала вовсе. Видно, когда она еще жила в отчим доме, Тарантия была таким же захолустьем, как ее родной городок.

Сколько же сотен лет назад похитил ее дракон с шемитской галеры?

Сколько сотен лет они тут провели бок о бок, ссорясь и мирясь без конца?

Чего же стоили непробиваемый панцирь, огромные когти, полная зубов пасть и струи огня, сжигающие человека в единый миг, если все это никак не помогало избавиться от докучливой и капризной спутницы? Или у ящера был зарок: не убивать женщин?

В таком случае в этом союзе жертвой скорее был дракон, а не Раина. Конан припомнил, что говорил ему Юлдуз в своем «Месте Силы»: «Белое может оказаться черным, а черное — белым, если приглядеться к нему хорошенько. Жаба — некрасива, но таит в голове лунный камень...» Дракон, хоть и был красив, вполне уподоблялся жабе: его лунным камнем была страсть к музыке. В Раине он видел источник этого сокровища, и он хранил его, как умел, добывая ему пищу и развлекая, а источник-то оказался на деле отравлен...

И сейчас, обезумев от горя, бирюзовый ящер осыпал проклятиями киммерийца — точь-в-точь так же, как осыпал его проклятиями Конан, хороня своих друзей. В этом была некая высшая справедливость: теперь они, по крайней мере, были квиты.

Но в отличие от дракона киммериец не чувствовал за собой вины, поскольку не знал, что Раина заколдована, хотя ему все же было не по себе. Поэтому он сидел на траве, сцепив пальцы, и старался не вслушиваться в горестные вопли, думая над тем, как же отсюда выбраться. Но когда это зубастое чучело взялось выписывать вокруг него петли и ворить, что он один во всем виноват, Конан разозлился. Он вскочил на ноги и крикнул, нацелив указательный палец прямо в золотой бешеный глаз:

— Вот тут ты ошибаешься, ящерица! Я не пришел сюда, это ты приволок меня! Ты пытаешься играть с людьми в кости, называешь шестерку двойкой, но никому об этом не

говоришь! А когда тебе за это дают по твоему бирюзовому носу, ты начинаешь скулить и хныкать! Девчонка, конечно, была болтливая и вздорная, но это ты ее такой сделал. Вот на себя и кричи.

Дракон, широко раздувая огненные ноздри, смотрел прямо в глаза киммерийцу. Тот не отвел взгляда, и какое-то время две пары глаз — льдисто-синих и янтарно-золотых смотрели друг в друга, и в эти мгновения казалось, что синие глаза могут испепелить обладателя золотых с не меньшей легкостью, чем дракон — галеру.

Неожиданно ящер отвел взгляд, сел на собственный хвост и тихо сказал:

— Ты дурак. Я тоже, но ты — больший. Если хочешь, теперь мы квиты. Я забрал самое дорогое, что было у тебя — твоих друзей, ты в ответ уничтожил не только единственную мою радость, но и саму мою жизнь. Можешь взять себе столько камней из моих сокровищ, сколько унесешь — и убирайся на все четыре стороны. Я не желаю перед смертью лицезреть твою гнусную физиономию.

Поскольку Конан, пораженный этой сменой настроения, все так же стоял перед ним, сведя брови, дракон повторил, но уже громче:

— Ты слышал? Убирайся! Здесь не так уж далеко до соседнего острова, если плыть прямо на юг. Бери, что хочешь, и оставь меня в покое.

— Перед смертью? — задумчиво повторил Конан. — Ты что же, решил подохнуть, желтопузый червяк? Из-за Раины?

Ощущение неловкости усилилось: теперь Конан чувствовал, что все-таки виноват перед этим несуральным зверем. Он не хотел ему смерти, — по крайней мере, такой никчемной. Раз уж всеблагой Митра допускает, чтобы подобные твари жили под Его Оком, то ни ему, Конану, ни кому другому не дозволено вершить суд над последним из них. А дракон, судя по всему, был последний. Не зря же он, боясь людей, топил все суда, проходящие мимо. Не выбери ящера его в подарок Раине, он отправил бы киммерийца на дно вместе со всеми остальными. С тем же успехом он мог выбрать Сагратиуса или Кинду, и тогда Конан кормил бы сейчас рыб в компании турецев.

В конце концов, Кинда с Сагратиусом знали, на что шли. Киммериец не лгал Юлдузу, когда сказал, что пытался их отговорить. Услыхав от князя: «Ты потеряешь двоих...», он сразу понял, о каких двоих шла речь, и действительно пытался отговорить друзей от похода прямиком на Серые Равнины.

Но оба заявили: «Будь, что будет» — и пошли с ним. И разве не пытался Конан обмануть судьбу — до самого последнего мгновения? А дракон даже не подозревал, что сам ищет себе погибели, когда из всей команды выбирал именно Конана. Ну ладно, девчонка и так прожила, наверно, втрое дольше, чем ей было отпущено. Но этот-то с чего решил подохнуть? С тоски, что ли?

В какой-то миг у него промелькнула мысль, что старый ящер был влюблена в девушку, но он тут же отверг ее, как ни с чем не сообразную.

— Да! Из-за Раины! — резко ответил дракон и лег, положив голову на лапы. Казалось, он готов расплакаться. — Из-за Раины, вынь из тебя душу Темный Призрак!

Конан фыркнул.

— Нашел из-за кого! Как ты с ней тут выжил столько лет! Мне и дня хватило за глаза. На твоем месте я бы давно сбежал. Или съел бы ее. Или ты для того и берег девчонку?

Дракон вздохнул — так, что редкая трава, оставшаяся после его буйства, испуганно легла ниц.

— С ней было очень тяжело, — признал он. — Ее капризы были бесконечны. Она могла вывести из себя даже устрицу, не то что дракона, клянусь Первым Яйцом! Но я терпел все это. Без нее я теперь умру, потому что не смогу заснуть.

— Не сможешь заснуть? Без девчонки? — не поверил Конан.

— Не без девчонки, без музыки, — пояснил дракон с новым душераздирающим вздохом. — Я не могу заснуть без музыки. Мне нужно очень мало, чтобы выпасть — два или три дня за луну. Ты в самом деле думаешь, что я просто так терпел все ее фокусы?

Конан начинал понимать.

— А теперь ее нет, и ты не можешь спать, — медленно выговорил он.

— Да! — снова вскинул дракон. — Поэтому самое большее через двадцать — двадцать пять дней я взбешусь и сдохну! Не ты же мне тут будешь распевать немедийские баллады!

— Ты мог бы предупредить меня, — сдержанно сказал Конан. Дракон был окончательно развенчен в его глазах. Он был смешон и жалок теперь и менее всего походил на непобедимого, могучего зверя, каким его увидел Конан в море во время нападения. Оказывается, у него были забавные, почти человеческие слабости, он был уязвим в своих нерушимых бирюзовых доспехах не менее, чем любое смертное существо, которому нужно просто-напросто время от времени есть и спать.

— Вы только послушайте этого человека! Предупредить! — Было полное ощущение, что дракон вот-вот всплеснет руками. — Предупредить, боги мои! Да как мне могло прийти в голову, что ты разыщешь выход из этого лабиринта! Да еще в кромешной тьме! Я думал, на такое способны только кошки Императрицы Утанамаро!

— Погоди, не вопи, — поморщился Конан. — А что ты делал, когда у тебя еще не было Раины?

— Ну что-что, — проворчал дракон, успокаиваясь. — Плавал к островам и слушал, как поют колыбельные детям. У меня очень хороший слух. Иногда мне везло: на берег приходила какая-нибудь девушка и начинала расчесывать волосы, напевая. Они могут делать это часами. И я спал на мелководье. Но это было очень опасно.

— Чем? Ты боишься людей?

Дракон скосил на него мрачный золотой глаз и ответил не без ехидства:

— А вот этого я тебе не скажу, хотя уверен, что именно тебе это не под силу. У меня есть один секрет, но тебе его знать не обязательно. Довольно того, что его все еще помнят другие.

— Держи при себе свои секреты, — отмахнулся Конан. Он сейчас думал о другом. — Что ты делал, когда на островах еще не жили люди? Ты ведь старше всей Хайбории, правда? Сколько тебе лет?

Дракон задумался.

— Не помню, — честно признался он. — У меня начисто отшибло память во время Великой Катастрофы. Но когда я пришел сюда, здесь уже жили люди — не те, что живут сейчас, но какая мне разница?

— Так что ты делал до того, как пришел сюда? Как ты спал? Ведь как-то ты спал, разжив до сих пор?

— Гм, до того? До того я жил на родине всех драконов, а там не нужно музыки, чтобы спать. Понимаешь, — тут он снова вздохнул, — мы, драконы, очень уязвимы. Не так, как вы, люди, но уязвимы. Поэтому они не могут просто взять и заснуть там, где может быть опасно. А вблизи людей всегда опасно. На нашей же родине нам не грозит ничего, и там мы можем

спать когда хотим и как хотим.

— Вот и плыви на свою родину! Уж как-нибудь доплынешь, я думаю!

Ответом на эти простые слова служил громоподобный рев. Дракон встал на дыбы и снова полоснул хвостом по ивам, едва не задев киммерийца.

— Ты что, смеешься надо мной, козлиные твои мозги? Я же сказал тебе, что забыл почти все, что было до Катастрофы! Я даже не знаю, цел ли этот остров, не говоря уже о том, в какой стороне света его искать!

Конан задумался.

Сейчас он и в самом деле мог сделать то, что предложил ему дракон: взять кошель безделушек и уйти. Сколотив из каких-нибудь обломков плот, он без труда доберется до ближайшего острова и оттуда продолжит свой путь. Но вот куда?

Выходя из Тай Чанры, Конан собирался идти как можно дальше на восток, где, по словам Юлдуза, ждало его Нечто. Похоже, вот оно, это нечто, взрывает дерн и убивается по своей бессмертной певице, как будто она была последняя на всем белом свете. Значит, не просто так пришел сюда Конан и «разъединил двоих», как и было предсказано. Теперь он, видимо, должен двоих объединить, и, чувствуя за собой все же некоторую вину, он даже не отказался бы это сделать, но как? Не может же он привести на остров на аркане новую девчонку, это слишком бы смахивало на работорговлю!

— Послушай, а почему бы тебе не плавать время от времени к островам, как раньше?

Дракон уже успокоился. Он снова лег на землю, уткнув большой нос в лапы. Похоже, он собрался помирать прямо на этом месте.

— Не хочу, — глухо ответил он. — Надоело. Чем я хуже вас всех, что мне постоянно надо прятаться и трястись за свою шкуру? Самый последний разбойник среди вас живет и то лучше, чем я. Мне надо было сгинуть в Катастрофе, как всем моим сородичам. Нет уж. Как видно, зажился я на свете.

Конан посмотрел на небо — день обещал быть теплым и ясным. Самое время в путь. Вот только куда?

С одной стороны, ему не хотелось тратить время на странствия в компании с гигантским ящером, не видя пока что ни конца этим странствиям, ни даже направления. А с другой — в компании с кем только он ни странствовал! Чем тот же Шапшум-людоед лучше дракона? Скошенный лоб, остроконечные, поросшие волосом уши, расплющенный нос над толстыми губами, клыки размером в палец и чудовищные челюсти... Да еще и рост в три человеческих!

Однако они славно повеселились тогда вгроем в Файоне, древней стигийской твердыне: человек Конан, кутруб Шапшум и дух Риорды, Небесной Секиры. Всех троих заточили в ней в разное время стигийцы — Небесную Секиру то ли две, то ли тысячу лет назад, Шапшума — две луны, Конан же не пробыл в Файонской темнице и двух дней. Он, как видно, оказался последним недостающим звеном, чтобы светлые боги смогли, наконец, увидеть, как рушатся древние стены оплота Сета, Змея Вечной Ночи...

Ибо Риорда рубил камень с тою же легкостью, с какой нож режет масло, и вгроем они почти сравняли крепость с землей, добираясь до подвалов с сокровищами. Да, вот это было оружие! Великий кователь Гидалла знал свое дело! С такой бы секирой оказался тогда на галере, — и проклятую ящерицу не спасла бы никакая броня!

Конан покосился на дракона. Тот лежал неподвижно, все так же уткнув морду в лапы. Может, таинственный материк, где все еще живут потомки древних атлантов, дети кузнеца

Гидаллы, где лежит на белом алтаре в форме большой чаши-колыбели Рана Риорда, — может, это и есть тот остров?

— Эй, — позвал Конан и пихнул дракона в бок. — А люди на том твоем острове были?

— Были, — не сразу ответил дракон, скосив на киммерийца печальный золотой глаз. Он шумно вздохнул и мечтательно добавил: — Мой отец возил самого Императора на своей спине.

Потомки Говорящих с Драконами приплыли когда-то в земли нынешнего Кхитая, но когда разразилась Катастрофа и часть Лемурийского архипелага ушла под воду, лемурийцы бежали в Кхитай и вскоре вытеснили их. Они уплыли на прародину и с тех пор ни разу не встречал я кхарийцев — ни в море, ни на суше.

— Значит, не то, — пробормотал Конан. — А жаль! Не то бы я знал, куда тебе плыть... Ну, вот что. Вставай, каменная туша, нечего тебе здесь валяться! Слыхал, что говорю?

«Каменная туша» повернула к нему голову. На морде дракона явственно читалось изумление.

— Ты не похож на жаждущего смерти в струе пламени, Конан из Киммерии, — медленно и раздельно произнес он. — Что же заставляет тебя разговаривать со мною таким тоном?

— А вот что: я все равно собирался дойти до Края Мира, а теперь, когда ты убил Сагратиуса и Кинду, на меня, клянусь виноградниками Барахских островов, перешел их обет распить там бутыль самого лучшего вина. Есть на свете место, где помнят, как выглядел мир до того, как море затопило многие земли. И я знаю, где это место. Рорта предсказывал мне, что я побываю еще раз на том берегу, где стоит его алтарь — вот я и побываю.

— И я знаю это место — оно в Вендии, — проворчал дракон. — Что с того? Как я приду к жрецам, если на пороге храма неминуемо превращусь в дракона?

— Твое место ближе, чем мое, — сказал Конан. — Какой еще храм в Вендии?

— Храм Рудры Трехликого. Он стоит над городом Итешвара на острове Ланка. Это древний и суровый бог, древнее Митры и Сета. Но ему нет дела до людских свершений, он проводит вечность в божественной медитации, и лишь когда смещается Равновесие в этом мире и младшие боги бегут к нему за помощью и советом, он покидает свою обитель на вершине Кайласы, самой высокой горы из всех вершин Ги Ме Ли.

Но к жрецам своим он милостив, хотя внимает просьбе только после большого поста. Если бы я мог упросить их возвзвать к Рудре и спросить, где ныне находится мой остров... Но не могу же я вот так прийти к ним! Любые чары спадут на пороге храма Рудры. Люди кинутся на меня с оружием, и мне придется уйти.

Конан слушал и дивился: о боге по имени Рудра он услыхал впервые, хотя был в Вендии и даже едва не побывал на Ланке — небольшом острове у самого кончика вечно выставленного в море языка Вендийского полуострова. Видно, это и в самом деле древний бог, раз о нем помнят лишь в одном-единственном городе!

— Ну, а как насчет меня? — спросил он, когда дракон умолк.

— Что насчет тебя?

— Я могу войти в этот храм и упросить жрецов?

— Это может любой человек, у которого найдется драгоценный камень величиной с твой кулак, — ехидно ответил дракон. — Ибо именно такова цена жрецов за подобную услугу. А что тебе необходимо от Рудры?

— Твой остров, чешуйчатая жаба! — разозлился Конан. — Ты что, не слышишь меня,

что ли? Раз туда не можешь войти и спросить ты, почему бы не пойти мне?

Дракон вздохнул и снова ткнулся носом в лапы, потеряв, по-видимому, всякий интерес к киммерийцу.

— Я тебе уже сказал: иди и возьми в моей сокровищнице все, что унесешь, только оставь меня в покое, — устало сказал он. — Совсем не нужно хитрить и изворачиваться.

Конан разозлился окончательно. Подняв с травы анкас, прихваченный из пещер, он как следует ткнул им дракона под ребра. Тот подскочил, словно слон, наступивший на крысу.

— Даешь ты мне покой или нет, смертный? — взревел он во весь голос. — Если ты тотчас не уберешься...

— Будешь ты слушать меня или нет? — взревел в ответ киммериец. Голос его ненамного уступал драконьему. — Ты тут вконец рехнулся со своей девицей! Забери тебя Нергал с твоими камнями! Хочешь тут подохнуть — дохни! Упрашивать я тебя буду, что ли?

Дракон сел и недоуменно помотал головой.

— Ты... ты что, в самом деле поможешь мне? Или тебе что-то от меня нужно? — очень тихо спросил он.

— Конечно, нужно! — отозвался киммериец. — Я спрошу для тебя этого бога, а ты отвезешь меня поближе к Аргосу или Зингаре — Раина говорила, что ты можешь за день доплыть отсюда до Вендии. А потом плыви на свой остров. Ну как, идет?

Дракон явно колебался. Одна гримаса на его рогатой морде сменяла другую, в нем словно боролись два начала. То это было недоверие, и тогда он становился похож на древнего и хитрого старца, знающего цену людям и их обещанием, то — надежда, и тогда весь его вид напоминал щенка, которого позвал гулять хозяин. Конан с изумлением следил за этой сменой масок, а дракон, разрываемый надвое самыми противоречивыми чувствами, начал тихонько раскачиваться, не в силах принять решение.

— Обучен ли ты игре на флейте, смертный? — спросил он вдруг.

— Еще чего! — фыркнул Конан. — Ищи себе другую Раину!

Видно, это был ответ, перевесивший одну из чаш, потому что дракон вдруг весело подпрыгнул на всех четырех лапах и заявил:

— Ладно, я тебе верю! За день я, конечно, не доплыну, но за три или четыре — весьма вероятно. Если на пятый день мы выясним, где находится мой остров, то я отнесу тебя к Зингаре еще за три дня, а потом у меня будет дней девять или даже десять, прежде чем я начну действительно уставать...

— Как это — четыре дня до Вендии, и всего три — до Зингары? — удивился Конан. — Чтобы обогнуть Черные Королевства...

— А нам не придется огибать их. По земле я передвигаюсь так же быстро, как и по воде.

— Тогда зачем нам непременно плыть до Вендии, огибая Уттару и Камбью? К тому же, если ты можешь питаться сырой рыбешкой в дороге, то я предпочел бы кусок мяса, причем не подмоченного соленой водичкой!

— Водой безопаснее, — сдержанно объяснил дракон. — Мы можем запасти тебе вдоволь мяса в дорогу. Мне еды вовсе не нужно: я охочусь раз в год. А на Уттарийском полуострове показываться на глаза людям я бы все-таки не хотел.

— Ты же можешь превратиться в человека? Тот стариk, которого мы вытащили из воды, был не призрак, а из плоти и крови. Если ты, конечно, не обманул меня.

— Превратиться-то я могу... Но вот не знаю, надолго ли. Последний раз я ходил в человечьей шкуре полдня, и это было очень, очень давно... — задумчиво протянул дракон. —

К тому же меня может опознать любой мало-мальски сведущий маг.

— Об этом можешь не беспокоиться: за последнюю тысячу лет сведущих магов почти не осталось, — рассмеялся Конан. — Ладно, пойдем, там видно будет. Не так уж ты безобиден — даже для сведущего мага. Да и мне не так-то просто голову снести... Ну, что ты застыл? Иди, добывай свой камень величиной с кулак да денег на дорогу — и пошли.

Дракон нервно облизнулся.

— Прямо сейчас?

— Ну конечно, чего время-то зря тянуть?

— Тогда иди со мной. У человека пальцы проворнее — особенно если дело касается золотых монет. Садись. — Видя, что киммериец колеблется, дракон передразнил его: — Ну, что ты застыл?

Конан вскарабкался по подставленной ему бирюзовой лапе и уселся на шею дракону с таким видом, будто бы всю жизнь ездил верхом на говорящих ящерах.

— Держись! — сказал дракон, и они помчались.

Чудовище не хвасталось, когда говорило, что передвигается по суше столь же быстро, как и по воде — а как он проворен в море, киммериец уже имел случай увидеть. Так же, как и в воде, голова его вертикально и неподвижно стояла на тонкой длинной шее, в то время как тело стремительно струилось по земле, извиваясь по-змеиному. Лапы дракон плотно прижал к бокам и теперь напоминал огромного удава — только с пастью, полной тигриных зубов и чешуей голубого цвета. Шурша по камням, она издавала тихий звон, словно по земле волокли большую кольчугу, и Конан подумал, что это все-таки не настоящая бирюза, а какие-то ороговевшие пластины вроде чешуи у обычных рыб, только очень твердые и большие.

Тем временем дракон дополз до озера и велел всаднику:

— Теперь слезай и держись за мою гриву. И задержи дыхание, сколько сможешь. Я постараюсь быстро.

И нырнул, увлекая за собой киммерийца. Ледяная вода ожгла Конану разгоряченную на солнце кожу, железными тисками охватила бешено колотящееся сердце. Но ни как следует замерзнуть, ни захлебнуться он не успел: бирюзовой молнией проскочил дракон подводный коридор и вынырнул во тьме из черной воды. Конан перевел дыхание и встряхнулся.

— Залезай обратно, — велел дракон. — Да смотри, не разбей себе голову — здесь кое-где очень низкие потолки.

— Надо было запастись парочкой факелов, — проворчал киммериец, на что дракон отозвался:

— Потерпи до сокровищницы. Там у меня заготовлены шары впрок.

Дракон несся по туннелям и пещерам одному ему известной дорогой, а киммериец, восседая на мощной гибкой шее, размышлял о том, как в одночасье может повернуться судьба: еще вчера вечером он был уверен, что при новой встрече разорвет этому ящеру пасть, раз уж его, как демона, не берет добрая сталь.

А сегодня он едет на ящере верхом, более того, собирается помочь ему отыскать затерянный в океане остров. Поистине только с ним могли быть возможны такие превращения! Впрочем, дракон тоже заставлял задуматься: в нем каким-то образом уживались крайняя кровожадность и добродушие, злое ехидство и детская беспомощность. Судя по всему, он был безразличен к людям и их заботам, а потому не ценил человеческие жизни. Но убивал не из злобы, а по стечению обстоятельств.

В сокровищнице дракон зажег свои шары, осветив все три зала, и принялся шарить в

кучах, приговаривая: «Я же помню, что-то такое здесь было... Не то, не то... Ага, вот он!»

Конан обернулся на его триумфальный вопль. В чешуйчатой лапе был зажат кожаный мешочек, в котором, судя по выпуклостям, лежало что-то круглое и граненое. Киммериец подошел ближе и помог развязать тесемки. В мешочке оказался сапфир, синий, как глаза варвара, огромный и ясный. Границы его были безупречны, и живой огонь горел в его небесной глубине. Дракон сощурил на Конана золотой глаз.

— Как, подойдет?

— Тебе виднее, — с деланным безразличием пожал плечами киммериец. Но не выдержал и признался: — Хотя жалко, конечно. За какие деньги его можно было бы продать в Аренджуне!

— Здесь хватит на то, чтобы купить всю Замору, со всеми ее городами и жуликами, — усмехнулся дракон. — Но все отсюда не смогут унести даже я. Поэтому разыщи тут пару шкатулок и возьми вон тот мешок. Сейчас мы сделаем запасец на дорогу.

И он зачерпнул лапой из ближайшей кучи.

— Э нет, так не пойдет, — заявил Конан. — Да будет тебе известно, я в молодости слыл королем этих самых шадизарских жуликов, а потому знаю, что вот это мы, например, продадим только в столице Кхитая. — Он ткнул в огромный рубин среди горсти монет и камней поменьше. — Да и не пристало двум скромным путникам таскать с собой подобные камни — мы же не ювелиры и не... А кстати, за кого мы будем себя выдавать? — поинтересовался вдруг киммериец. Из груды золота и камней он вытащил два ларца — один красного дерева, другой — черепаховый, с золотыми накладками, и принялся наполнять их монетами и камнями, выбирая те, что были помельче.

— Вот этот еще положи. Это лунный камень, он ценится в Камбее. О том же, какие сказки мы будем рассказывать прохожим, думай сам. Я не знаю людей. Во всяком случае, не с этой стороны.

— А ну-ка, кувырнись.

Дракон послушно переметнулся через голову, и перед Конаном снова предстал седой старик. Киммериец, хмурясь, разглядывал его. У старика — совсем не выглядевшего немощным и тощим, — были желтые драконьи глаза.

— А придумать себе одежду получше этой рваной рубахи ты можешь?

— Мне все равно, — отозвался дракон и вмиг оброс полным парадным одеянием кхитайского нобиля. Теперь желтые зрачки смотрелись вполне на месте — лукавые узкие глаза опытного царедворца.

— Так и оставайся! — одобрил Конан. — Ты — ученый, путешествуешь для... ну, скажем, для составления полной карты той же Камбуи — с городами, народами и прочим. А я тебя охраняю. Ты верхом ездить можешь?

— Когда я — человек, ничто человеческое мне не чуждо, — усмехнулся дракон. — Я даже есть начиняю хотеть. Потому-то и не люблю подолгу бывать в человечьей шкуре. В ней только колдовать хорошо.

— Ничего, потерпишь. — Конан уже закрыл шкатулки и сложил их вместе с сапфиром в большой кожаный мешок. — Это все или тебе здесь нужно еще что-то?

Дракон — пока еще в личине старика — усмехнулся краем тонкогубого рта:

— Не более чем тебе.

Конан хмыкнул: не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять такой намек. Конечно, дракону было жаль расставаться с накопленным добром. Но жизнь и свобода ему, судя по

всему, были дороже. Что ж, в этом их с варварами вкусы вполне совпадали.

— Мог бы, унес бы все, — заявил киммериец. — А раз не могу, значит, и брать нечего.

На это старик крутанулся на пятке и снова стал драконом.

— Тогда влезай и пошли отсюда. Заклинать клад я не буду — пусть найдет кто найдет. Здесь все это скрашивало одиночество и помогало держать в узде Раину, а дома мне ничего подобного уже не понадобится.

Опасаясь размочить дерево одного из ларцов, наверх они выбирались, минуя озеро. Тем более, что на этот раз им надо было выйти не в долине, а на морском берегу.

Здесь дракон вошел в воду и поплыл. Лемурийское море он знал вдоль и поперек. Конан предложил плыть прямо к Кхитаю, там в первом же городе раздобыть ему подобающую одежду и лошадей — и уже под видом ученого и его слуги продвигаться к Камбуе.

Ящер сказал, что путь до Кхитая займет весь остаток дня, но, как ни был киммериец голоден, он предпочел не заходить на острова. Быть может, думал он, им повезет, и они наткнутся по дороге на какое-нибудь судно, которое подвезет их до побережья.

Им повезло. Вернее, повезло Конану, поскольку дракон вовсе не считал удачей встречу с этим двухмачтовым плоскодонным судном — то ли барком, то ли галерой. Еще в первое свое странствие в водах Лемурийского моря Конан определил такие посудины как «сундуки с веслами». Суденышко неспешно плыло в сторону Кхитая, когда двое путешественников начали нагонять его. Посовещавшись, они решили разыграть старый драконов трюк «кораблекрушение» — вернее, ящер, ворча, уступил настоянию варвара.

Превратившись в человека, он живо наколдовал какой-то корявый плот — он приплыл к ним с востока с такой скоростью, словно его толкали носами дельфины. Конан и дракон взобрались на него и принялись размахивать руками и подпрыгивать. Наконец, когда киммериец уже думал, что затея не удалась, их заметили с корабля. Судно замедлило ход, развернулось и пошло им навстречу.

Вытащенный на палубу, дракон, вернее, старик-кхитаец, угрюмо молчал, и на вопрос «Кто вы такие?» отвечать пришлось киммерийцу. Тот решил придерживаться какой-нибудь одной истории — чтобы не запутаться.

— Я — Конан, с далекого севера. Я сопровождал вот этого достойного человека, мудрейшего Ши Чхана, в его странствии к Жемчужным Отмелям. Но несколько дней назад буря разбила наш корабль о скалы неизвестного острова, до которого отсюда полдня ходу на вон том плоте. Все, кроме нас, погибли. Я же, помня о благе своего хозяина, вытащил его, полумертвого, на берег. Несколько дней провели мы на том острове, затем связали из обломков нашей шхуны плот и поплыли наудачу. Ко всему этому прибавлю, что если вы довезете нас до берега, мы вам заплатим, сколько сможем. Денег у нас немного, ибо остался лишь мешочек серебра, который на был мне, но ведь и хлопот с нами будет не много, не так ли, о достойнейший?

Слова эти, равно как и горсть серебра, были обращены к капитану, коренастому и немолодому кхитайцу. Выслушав рассказ Конана, он принял монеты и обратил взгляд на «мудрейшего Ши Чхана». Тот важно кивнул. Несмотря на то, что одет он был все в ту же рваную рубаху — Конан решил, что для потерпевшего кораблекрушение сойдет и это, — капитан низко поклонился ему, сложив ладони, и проводил спасенных в свою каюту. Там им предоставили горячую похлебку и рис с поджаренной рыбой, а также сухую одежду.

Влезая на плот, Конан оставил на бедрах лишь повязку из шали Раины, решив, что золотой наборный пояс будет не слишком уместен на небогатых путешественниках. Кожаный

мешок, в котором были шкатулки, а теперь и пояс, выглядел достаточно потрепанно, чтобы не пробудить алчности даже в нищем. Поэтому, ни о чем не тревожась, он с наслаждением съел свою порцию, затем порцию дракона и завалился на постель. Именуемый Ши Чхан, хмурясь, неподвижно сидел за столом.

— Какие мысли гнетут тебя, о мудрейший? — поинтересовался Конан, подпихивая себе под голову еще одну подушку. — Тебе не пришелся по нраву шкипер? Или вся посудина?

— Ты рассказал им достаточно, чтобы они в ответ что-нибудь сказали тебе, — ворчливо отозвался дракон. — Однако они этого не сделали. Они не сказали нам, куда плывут, хотя я знаю, что плывут они к Нинбо, небольшому порту недалеко от границы с Камбуей — я слышал, как хозяин переговаривался с кормчим. А еще я слышал, что они восхищенно цокали языками, обсуждая твои огромные руки и ноги.

Конан встал и выглянул за дверь, но никого за нею не увидел. Похоже, Раина не преувеличивала, когда говорила об остром служе дракона. Вернувшись в каюту, киммериец стащил с постели одеяло и пару подушек, улегся на полу и заявил:

— Тебе, о мудрейший, лучше лечь там — на случай, если кто-нибудь войдет. А что до восхищенного цоканья, то это мне не впервые. Привыкай, в этой стране карликов ты будешь его слышать частенько.

Дракон проворчал что-то неразборчивое, но все же влез на постель, как посоветовал Конан. Видно, ему и впрямь было неуютно в человечьем теле. Во всяком случае, разговаривать он был не расположен.

Обильная еда после голодного дня с несколькими купаниями подействовала на киммерийца усыпляюще. Судно плавно покачивалось на волнах, снаружи темнело. Конан завернулся в одеяло и уснул, как убитый.

Проснулся он от прикосновения стали к горлу.

Открыв глаза, он увидел, что связан по рукам и ногам, а над ним, размахивая ножами, стоит не менее восьми матросов из команды. За окном было темно, каюта освещалась одной лишь масляной лампой.

— Говори, большой кусок мяса, куда подевался твой хозяин с мешком? — вопросил один из матросов. Он сидел на корточках, приставив нож к горлу киммерийца. Голос у него был тонкий, как у евнуха из турецкого гарема. — У старого Ли хороший глаз! В вашем мешке была дырка, а сквозь дырку просвечивало золото! Говори, не то расстанешься с жизнью!

Дракон удрали, тотчас понял Конан. Проклятая тварь! А как скулил и ныл, как убивался — умру, мол!.. Только зачем ему это понадобилось? Если он хотел расправиться с Конаном, мог бы сделать это сразу, а не колдовать корабль с пятью десятками мерзавцев!

Но как же он крепко спал, если они сумели подкрасться и связать его так, что он не почуял! Не иначе в похлебку была подмешана какая-то отрава — голова у Конана раскалывалась на части, как после хорошей попойки.

— А ну, убери нож, Ли! — раздался новый голос, и матросы расступились, пропуская старшего. — Ты сам упустил старика! А этого оставь, он хорошо спал. Как он мог слышать, куда спрятался старик, если ты намешал им полные миски своего зелья? А мешок его я давно прибрал сам.

Ли, недовольно ворча, убрал нож и выпрямился.

— Как ты скажешь, господин. Но тогда на что годится этот северянин? — спросил он, глядя в пол. — Что решил хозяин?

Старший тонко усмехнулся. Был он молод, тонок в кости, с отечным, нездоровым лицом.

Поверх обычных для мореходов этих мест штанов и рубашки навыпуск у него была надета расшитая шелком накидка. Сын хозяина, догадался Конан и тут же получил подтверждение своей догадке:

— Отец продаст его в Вендини, за него дадут большие деньги, он ведь такой огромный. А вместе с ним продадут и тебя, Ли. В следующий раз ты будешь проворнее и не упустишь пленника с казной — если, конечно, он для тебя будет, этот следующий раз.

Седая голова Ли склонилась еще ниже:

— Да, господин, — только и сказал он.

— А этого несите в трюм, да смотрите, чтобы не порвал ошейник и цепь. А еще лучше, закуйте в два ошейника, — распорядился юноша и вышел.

Конан зарычал от бессильной ярости. Так вот что приготовил ему дракон! Продажу на невольничьем рынке! «Ну, погоди, мерзкая ящерица, — думал киммериец. — Клянусь бородой Крома, я еще доберусь до твоего горла!» Сейчас его, обмотанного веревками, поднимут и потащат в трюм, как муравья дохлую гусеницу, и весь путь до Вендини он просидит в ошейнике в вони и грязи... Ну уж нет, Вендини он дожидаться не будет. Не будь он Конан, если не измыслил способ порвать цепи и для начала проделать хорошую дыру в днище этого плавучего сундука...

Судя по всему, не у него одного было такое желание, потому что снизу вдруг раздался треск и скрежет, а судно содрогнулось от тяжкого удара. Матросы, спорившие, как удобнее ухватить Конана, чтобы тащить вниз, повалились на пол бесформенной кучей. Один из них упал прямо на связанного киммерийца, и тот ухватил его пальцами за то место между ног, где бугрилась тонкая ткань штанов.

Кхитаец заверещал от ужаса и боли, а Конан, пока остальные матросы поднимались на ноги и высказывали на палубу разобраться, что происходит, прошептал ему в самое ухо:

— Режь веревки, отрыжка Нергала! Режь, не то навсегда лишишься потомства, кхитайский ублюдок!

Матрос поспешно вытащил нож и принялся перепиливать веревку. Это было нелегким делом, поскольку киммериец и недодумал отпускать его. Если бы кто-нибудь глянул на них сейчас со стороны, то решил бы, что кхитаец вздумал сам себя кастрировать.

— Живее, живее, — торопил его Конан. — Да не отрежь себе что-нибудь ненароком...

Второй удар, еще сокрушительнее первого, сотряс судно. Сидевший верхом на Конане взвыл от боли и рухнул на пол, потеряв сознание — его подбросило вверх, а киммериец, не ожидавший нового удара, не успел расцепить пальцы. Но веревка была почти перепилена, и пленник освободил руки одним рывком, одновременно стряхнув с себя бесчувственное тело. В несколько взмахов ножа он покончил и с веревками на ногах. Но встать не успел.

«Сундук» снова тряхнуло, треск досок послышался совсем рядом. Пол в каюте разверзся, словно земля под ногами у грешника, и в пробитой дыре показался голубой чешуйчатый нос.

— Ты здесь, киммериец? — услышал Конан снизу знакомый рев. — Ты жив? От тебя хорошо пахнет! Это запах смерти, но не твой! Выбирайся, пока я не разбил здесь все в щепы!

— Кром! — рявкнул Конан и схватил первое, что попалось в руку — длинное копье, украшенное пышным конским хвостом. Взмахнув им, как королевским штандартом, он выскоцил на палубу.

Здесь царила неразбериха. Кто-то метался, пытаясь затушить горящие снасти, кто-то

лежал лицом ниц, причитая и молясь, и отовсюду слышался крик:

— Ци-гум! Ци-гум!

Что означает это слово, Конан знал очень хорошо. Этот самый ци-гум как раз разбивал корму яростными ударами хвоста. Значит, дракон не бежал, а просто отошел в сторонку, чтобы сменить обличье! Да, конечно, подумал Конан, превратись он в каюте, он не только проломил бы крышу, но и раздавил собой киммерийца!

Проткнув кого-то метнувшегося ему наперерез, Конан ринулся к каюте хозяина. Мальчишка сказал, что прибрал мешок к рукам, значит, он должен быть где-то здесь...

Мешок, с вывороченным содержимым, лежал на столе, рядом с опрокинувшейся лампой. Видно, хозяева занимались подсчетом добычи. Конан при свете пожара на палубе сгреб все обратно в шкатулки, проверил, на месте ли заветный сапфир, и затянул веревку. Он уже хотел уходить, когда в каюту с резким и высоким криком влетел шкипер. От прежней его вежливой улыбки не осталось и следа, окровавленное лицо было искажено гримасой боли и ярости. Увидев освободившегося пленника, он кинулся к нему с мечом, но был тут же пригвожден к стене собственной каюты. Выдергивать копье Конан не стал: он уже слышал треск досок и поспешил выбраться наружу. Едва он выскочил из двери, новый удар чешуйчатого хвоста размозжил хозяину злосчастной посудины голову.

— Хэй-эй! — крикнул Конан, вздергивая вверх мешок. — Добро у меня!

— Прыгай! — ответил ему снизу дракон, и Конан прыгнул.

Судно, уже полное воды, заваливалось на правый борт. Не успел киммериец отплыть от него и на половину броска копья, как струя пламени, вырвавшаяся из глотки дракона, охватила тонущий корабль, превратив его в гигантский факел. Все, кто еще оставался жив на нем, были сожжены на месте.

Дракон огляделся и подплыл к Конану. Пламя отражалось в черной воде, затмевая свет еще полной луны и звезд. По рисунку созвездий киммериец определил, что время уже к рассвету.

— Забирайся мне на шею, — сказал дракон, посмеиваясь. — Это ненадежнее, чем плавающий сундук с веслами! Забирайся и поплыли. Берег близко.

Берег был и в самом деле близко. Не успело небо посереть, как впереди показались огни какой-то большой гавани.

— Это — Нинбо, довольно большой порт. Там мы завтра сможем купить все, что ты хотел, — пояснил дракон и свернулся в сторону.

На сушу он выбрался в небольшой бухточке, где впадала в море быстрая и неглубокая речка. Здесь дракон устроился на мелководье, а Конан набрал сухих водорослей и веток, а также нашарил по прибрежным валунам десяток-другой крупных моллюсков.

— А ну-ка, плюнь мне в эту кучу, приятель, — велел киммериец, когда сложил траву и ветки в насконо сооруженном очаге прямо на песке. — Да не так, как в ту посудину, а тихонько.

Дракон повернулся голову и фыркнул. Две или три искры упали в очаг, трава занялась, и Конан, терпеливо подкладывая огню ветку за веткой, разжег, наконец, настоящий костер. После этого он разложил на песке позаимствованную у разбойников одежду, а когда прогорела первая зора, сунул в нее моллюсков.

— Как ты можешь это есть, — проворчал дракон, с отвращением глядя на его приготовления. — Хуже жуков! Почему бы тебе не питаться еще кузнецами и ласточкиными гнездами, как это делают местные жители?

— Когда хочешь есть, сожрешь любую гадость, — резонно возразил Конан. Створки раковин раскрывались в горячей золе с треском лопающихся почек. — А эти хоть соленые. У каждого свои слабости. Вот у тебя, например, слабость жечь корабли. Спору нет, на этом были одни мерзавцы, их следовало проучить. Но почему же всех до единого и вместе с кораблем? Это у тебя обычай такой — никого не оставлять в живых?

Дракон криво усмехнулся. В его желтых зрачках отражалось пляшущее пламя.

— Можешь считать, что обычай. А на самом деле — просто необходимость. Никто из живущих у берегов Лемурийского моря не должен остаться в живых, если единожды меня видел.

— Почему? То есть я понимаю, ты боишься, что на тебя начнут охоту и сюда потянутся сотни рыцарей, готовых принести твою голову какой-нибудь прекрасной принцессе. Но тебя же не берет никакая сталь и плаваешь ты, как дельфин. Чего тебе бояться?

Моллюски были уже готовы. Дракон, чуть прищурив глаза, смотрел, как Конан палочкой вытаскивает их из костра и раскладывает на песке — стыть. Пошевелив ноздрями, он втянул в себя воздух, запоминая запах, и чихнул.

— Пф! Ну и вонь! Странный у тебя вкус, право. Но ты прав: каждому свое. Тебе — сталь или яд, а мне — флейту.

— Что значит: тебе — флейту? Тебя можно убить бамбуковой палочкой с десятком дырочек?

Дракон пошевельнулся, отчего волна с шипением набежала на берег, едва не залив костер Конана.

— Поклянись, что никому не скажешь! — изрек, наконец, ящер, и киммериец удивленно поднял брови. — В конце концов, раз мы теперь странствуем вместе, тебе нужно знать, чего опасаться. Ну, поклянись!

— Клянусь именем бога своего, Крома, Владыки Могильных Курганов, который примет меня и будет судить после смерти, — торжественно проговорил Конан, положив на бок ладонь правой руки — туда, где, по его представлениям, находилась печень, средоточие всех жизненных сил. — Так чего мне нужно опасаться?

— Человека с флейтой. Услышав эту музыку — если только она не смешивается с чем-нибудь более грубым, — я перестаю принадлежать себе. Я пойду за этим человеком на край света и сделаю все, что он прикажет. Меня так однажды уже поймали. Это было давно, больше тысячи лет назад, но если хоть где-нибудь в Китае осталась легенда о том, как управлять драконом... — Он покачал головой и добавил со вздохом: — Единственное средство — одним ухом лечь на землю, а второе заткнуть хвостом. Но не всегда успеваешь.

Глядя на его унылую морду, Конан невольно представил себе этого огромного зверя в такой нелепой позе — и расхохотался.

— Да уж, страшное оружие! Но ведь даже если тебя поймают и уведут на край света, то все равно не смогут с тобой ничего сделать! Разве что усыпят.

— «Ничего»! — возмущенно передразнил его дракон. — Ничего! По-твоему, пятьдесят лет в золотой клетке — это ничего? Ладно, Сет с ней, с клеткой, но ведь они еще и заставляли меня воевать! Ты сокрушаешься, что я потопил тот корабль, а я тебе на это могу сказать, что все потопленные мною корабли — это капля в том море крови, что я пролил за эти пятьдесят лет. Я убивал, убивал и убивал, не зная ни отдыха, ни покоя. Император распустил армию, потому что достаточно было вывести на поле битвы меня — и битва могла считаться выигранной. Ты полагаешь, приятно быть игрушкой в чужих руках? Да еще в таких

кровожадных?

На это Конан мог возразить, что дракон и сам был не прочь заполучить себе как можно больше интересных игрушек — ту же Раину, например, — но промолчал. Так вот почему дракон спрашивал, не обучен ли Конан игре на флейте! Пятьдесят лет в клетке и выходить только на бои! Да, раз такое испробовав, станешь осторожен. Конан сам не раз попадался в такую клетку: был он гладиатором и в Халоге, столице Гипербореи, и в Хаббе. Он знал, что такое однообразие дней за решеткой, знал и чувство ненависти к самому себе, с которым выходишь на арену выпустить кому-нибудь кишкы на потеху публике.

Как видно, дракон умел слышать и настроения, потому что вдруг вылез из воды, встряхнулся и потянулся, как огромная кошка. Свившись в огромное кольцо вокруг костра, он лег на песок и сказал ворчливо:

— Ложись-ка поспи. До открытия лавок на базаре еще далеко. Спи, а я посторожу тебя. Завтра нам многое еще нужно сделать, прежде чем отправляться через всю Камбую к Вендиjsкому морю.

ГЛАВА 7

Город обезьян

Нинбо оказался вполне сносным городом, не слишком большим, но оживленным и веселым. В гавани его межстовесельных торговых судов сновали сотни вертких джонок, маленьких лодочек с косыми желтыми или оранжевыми парусами, шумный торг шел прямо у причалов.

Здесь сходились караванные пути и моря, и суши, а потому большую часть города занимал базар. Он начинался сразу у порта, а кончался чуть ли не у самых городских ворот, отмечающих три большие дороги: южную, в Камбую, северную, к столице Кхитая, и западную — вглубь полуострова, через Камбую и Уттару, к Вендийскому морю. Центр базара отмечала большая площадь, где за невысокими стенами из фарфоровых кирпичей, крытыми красной деревянной галереей, возвышался дом, а вернее — дворец градоправителя.

От площади, расходясь лучами, шли бесконечные торговые ряды: один только шелковый ряд тянулся на два полета стрелы, немногим уступал ему ювелирный, оружейный, фарфоровый, обувной и другие ряды, что же до скотного двора и конской площади, то на них искусный зодчий мог бы возвести по небольшому дворцу. На всем этом пространстве клубилась, кипела и теснилась многоголосая и разноязычная толпа. Конану и его спутнику то и дело приходилось прятываться боком.

«Нин-бо-дао» по-кхитайски означало «перекресток», и город полностью соответствовал своему наименованию. На его базаре можно было встретить вендийца с пряностями или массивными украшениями из золота и драгоценных камней такой величины и чистоты, что блеск их был виден за два квартала; были здесь и туранцы с коврами, радующими взор сложным и искусственным рисунком, с драгоценными шальми и полосатыми тканями, не льняными и не шелковыми, но столь тонкими, что весь кусок можно было прорвать в золотое кольцо.

Иранистанцы привозили сюда лошадей: тонконогих, нервно вздрагивающих и прядущих ушами жеребцов с злобным взглядом и еще более злобным норовом, и изящных, серых в яблоко кобыл, грациозно склоняющихся длинные шеи. Но более всего, конечно, было здесь торговцев из Кхитая и Камбуи, а Жемчужный Сад, как гордо именовались восемь лавок, стоящие особняком в Ювелирном ряду, считался по праву достопримечательностью всего побережья. Сюда свозились не только жемчуг и кораллы с Отмелей, но и прочие диковинки моря, вроде засушенной рыбы-ежа или Слез Земли, как называли здесь янтарь, редкий в этих краях и потому ценившийся не менее жемчуга.

Многоопытный посетитель базаров и торговых рядов, Конан с восхищением и любопытством пробирался среди палаток, лавок, а то и просто плетеных циновок с разложенным на них добром. Дракон, сохраняя на лице замкнутое и высокомерное выражение, следовал за ним.

Киммериец начал со штанов и сапог, и то, и другое купив у туранцев, ибо за все свои странствия, пожалуй, только в Зингаре покупал сапоги лучше самаррских. Здесь в таких, на невысоком каблуке, с чуть загнутым носком, с мягким, обтягивающим ногу голенищем, красовалась вся городская стража. За сапогами и штанами последовала рубаха и кожаная куртка с проклепанными медными бляхами плечами — самая большая, какая нашлась у

изумленного торговца.

Но, как ни искал Конан, во всем оружейном ряду не нашлось ни одной кольчуги или панциря, кроме двух или трех вендинских — но те оказались малы на огромную фигуру варвара. Зато нашелся меч: прямой, длинный, из голубой кхитайской стали, которая, как известно, рубит железо с той же легкостью, что обычный топор — дерево.

Конан не поспешил и отдал за меч половину того золота, что было у них с собой, услышав при этом за спиной презрительное фырканье дракона.

— Зачем тебе меч, да еще за такие деньги? — негромко спросил мнимый старец, когда они отошли от лавки. — Я убью троих, пока ты будешь замахиваться.

— Во-первых, многомудрый мой Ши Чхан, я не привык в своих странствиях дожидаться, пока кто-то поубивает за меня всех моих врагов, — усмехаясь, ответил Конан. — Во-вторых, этот меч сохранит нас от лишних расспросов и неприятностей со стороны тех, кто не ведает об истинном твоем обличье. В-третьих, бирюзовая шкура, не позже чем через десять дней я намерен избавиться от твоего общества — и кто тогда защитит меня на дорогах, а?

— Разве что, в-третьих, — проворчал дракон в ответ на эту отповедь. — Я, знаешь ли, тоже не в восторге от твоей физиономии. Десять дней, пожалуй, даже многовато. Куда тебе угодно теперь?

— Нам осталась только пара лошадей и запас еды. Что ты морщишься?

Дракон, как предписывала роль ученого старца, семенил рядом с огромным киммерийцем, сунув в просторные рукава маленькие ладони. Облик его был неотличим от человеческого, и лишь по ярко-желтым глазам можно было догадаться, что он — оборотень. И все же, когда он кривил рот или усмехался, Конан постоянно ловил себя на мысли, что дракон не разжимает губ, боясь, как бы все не увидели его огромных, в два пальца, острых клыков.

— Лошади нам не нужны — куда мы их потом денем? А деньги могут понадобиться. Поэтому будь благоразумен, не входи в лишние расходы. Да будет тебе известно, в Кхитае очень многие ученые предпочитают передвигаться пешком, так что подозрений мы не вызовем. А как только выберемся из города, пойдем моим способом. Так будет гораздо быстрее.

Спорить тут было не о чем, и Конан кивнул, соглашаясь.

К полудню все приготовления были закончены. Чтобы пополнить запас мелких монет, они продали в одной из ювелирных лавок несколько камней — немного проиграв в цене, зато получив за серебром.

Затем киммериец совершил опустошительный набег на несколько трактиров, и, когда они выходили из городских ворот на Удашскую дорогу, на правом плече Конана висел объемистый мешок со снедью и оплетенными фарфоровыми кувшинами с вином. Вина было гораздо меньше, чем еды: кхитайские домашние вина не отличались ни разнообразием, ни букетом, а потому, как ни печалила Конана эта замена, на дорогах Кхитая и Камбуи он предпочитал родниковую воду.

Но среди небрежно сунутых под хлеб, вяленое мясо и сущеные фрукты кувшинов таилась, словно золотой среди тусклых медяков, бутыль толстого желтого стекла, заботливо укутанная Конаном в кусок расшитой золотыми драконами парчи. В бутыль было красное, как кровь из вен, густое, как мед, драгоценное барахское вино. За эту бутыль киммериец отдал еще один камень и поклялся себе именами Кинды и Сагратиуса забыть о ней до самого конца пути — даже если этот путь будет пролегать через раскаленные пески и сожженные

солнцем желтые степи.

* * *

Пройдя по дороге достаточно, чтобы миновать все селения, ютившиеся поближе к оживленному порту, ученый и его телохранитель свернули через поля к джунглям. Едва деревья скрыли их от посторонних глаз, ученый снова превратился в дракона — и с наслаждением потянулся, словно ему было тесно в человеческом облике:

— А-ха! Ну, время уже позднее, так что ешь, сколько тебе там надо, и садись на меня. Мы помчимся быстрее ветра и до ночи успеем сильно сократить путь к морю.

— Вот ближе к ночи я и поем, — отозвался киммериец. Вкус острого жаркого, приправленного вендинскими специями, еще был памятен его языку, а желудок приятно тяжелили те горы снеди и озера выпивки, которыми он запасся впрок в трактирах Нинбо. Пока дракон разминал затекшие лапы, Конан, наглотавшийся за день дорожной пыли, неспешно опустошил один из кувшинов в своем мешке. После чего объявил, что готов двигаться дальше.

— Ну, так влезай! — весело сказал дракон, подставляя ему шипастый локоть. — Да не вырви мне всей гривы, как в тот раз, когда нырял за мной в озеро!

«Гривой» он гордо именовал пучок длинных, жестких, как конские, темно-синих волос, росших полоской меж его острых ушей. За нее и в самом деле было очень удобно держаться, пропустив в пальцах и намотав на руку. Конан уселся меж огромных лопаток, испытывая большое искушение пришпорить своего «жеребца». Но дракон сквозь свою броню не почувствовал бы, наверное, и настоящих шпор, не то что пяток сапог.

Убедившись, что наездник сидит твердо, дракон фыркнул, тряхнул головой, как заправский конь, и зазмеился по земле, заполняя своим гибким телом каждую впадину, выбирая самый ровный и короткий путь меж камней и деревьев. Он несся вперед почти бесшумно, лишь шуршала, разлетаясь, прошлогодняя жухлая листва да слышался иногда приглушенный хруст ветки, ломающейся под его тяжестью.

Восседая на мощной шее своего змееподобного скакуна, Конан вдруг заинтересовался:

— Послушай, бирюзовая ящерица, а имя-то у тебя есть? Мое тебе называть не пришлось, а о твоем я позабыл спросить.

— Это очень похоже на вас, людей — забывать о самом главном, — насмешливо ответил дракон, чуть повернув назад чешуйчатую голову. — Но здесь мне сказать тебе нечего, для тебя у меня нет имени, только прозвище: Аридоси. Ты можешь звать меня Аридо, если тебе нравится.

— Аридо? — переспросил Конан со смехом. Слово было не совсем кхитайским, но близким по звучанию. — «Муравьиный путь»? Ты не похож на муравья, клянусь Кромом!

— Если ты будешь колотить меня пятками и хохотать, как безумец на площади, я ничего тебе не буду рассказывать, — насупившись, проворчал дракон, и Конан, заинтересованный, принял вид внимательного слушателя. Делать ему в пути было решительно нечего, так пусть чешуйчатая тварь рассказывает сказки — глядишь, и время пройдет незаметно.

А дракон погрузился в воспоминания.

— Знаешь ли ты, как продержнуть нить в камень, просверленный к центру с трех сторон? Очень просто: намазать одно из отверстий медом, привязать к муравью нитку ипустить его у другого отверстия. Мой остров расположен на вознесенной над морем скале, большом рифе, которому уже много тысяч лет. Море и время изъели его, расточив камень, искрошив более мягкие породы. И потому под моим островом находится гигантский лабиринт пещер, запутанный и сложный. Местами он заполнен водой, местами похож на тот, в котором я жил с Райней. Из него есть множество выходов в озера, имеющие глубочайший сток...

— Вроде того, в котором ты меня выкупал? — уточнил киммериец.

— Да, но не перебивай меня. И вот, раз в десять лет в весенний праздник Полной луны, Сын Неба устраивал Большие Состязания драконов. Мы боролись друг с другом и с лучшими воинами — в шутку, разумеется, — мы ныряли, кто глубже, и взлетали, кто выше...

— Так ты умеешь летать! — взревел Конан. — Что же ты молчал! Во имя каких тогда потрохов Нергала мы...

— Не перебивай меня! — рявкнул дракон. Из пасти его вырвалось пламя и опалило низко растущие ветви, проплывавшие у них над головой. — Я не умею летать. Я умею плавать. А те, кто умеет летать, в свою очередь, не выносят воды. Ты что, разглядел у меня пару крыльев? Если бы я умел летать... — Он вздохнул. Потом встряхнулся и, поскольку всадник больше не донимал его своими глупыми людскими вопросами, продолжал рассказывать:

— Самые ловкие из нас, водяных драконов, состязались вот в чем: мы становились на одном берегу острова и ныряли вниз, к лабиринту. Каждому, как муравью, был дан клубок бечевки. А концы бечевок держали в руках прекрасные девицы, специально избранные для этой почетной обязанности. Мы неслись по переходам лабиринта и разматывали клубки. Иногда по правилам игры надо было вынырнуть в каком-нибудь определенном озере, а иногда — с другой стороны острова. Когда мы добирались до земли, остаток клубка отрезался. Выигрывал не тот, кто приходил самым первым, — хотя это тоже учитывалось, — а тот, у кого оставался самый большой клубок.

Дракон замолчал, на этот раз явно чего-то ожидая от своего слушателя, и Конан, посмеиваясь про себя его детскому тщеславию, спросил:

— И у кого же обычно оставался самый большой клубок?

— У меня, — с гордостью ответил дракон. — Потому меня и прозвали — Аридоси. А настоящее мое имя было Голубая Жемчужина, Сияющая в Тонкой Щели Створок Устрицы — как оно звучит на самом деле, я тебе не скажу, не хочу. Но по имени меня называл только Император, и то, когда сильно сердился.

— Голубая Сияющая... тьфу, язык вывихнешь, — рассмеялся киммериец. — Уж лучше я буду звать тебя Аридо. И часто на тебя сердился Император?

— Не слишком. Не чаще раза в год, — ухмыльнулся дракон. — Не знаю, как сейчас, а до Катастрофы нас было много, больше, чем дней в году. Если бы он сердился слишком часто на каждого из нас, он потратил бы половину жизни только на то, чтобы произносить наши имена. Хотя чему равна половина от Вечности? Наверное, тоже вечности. Но император был добр. Мы часто проказничали, пока были только-только из скорлупы, но знали меру, ибо каждый из нас приходил в ужас от мысли, что может навлечь на себя гнев Повелителя Драконов.

Конан задумчиво слушал плавную, завораживающую, словно медлительные воды большой реки, речь дракона и вспоминал когда-то слышанную им от Юлдуза легенду об

острове, где обитает маг-император, который ездит на драконе и живет тысячу лет. Уж не с родины ли его дракона приплывают в Кхитай раз в столетие таинственные корабли, о которых многие слышали, но никто не видел? Если так, то остров этот должен быть где-то еще восточнее Лемурийского архипелага.

— Странно, очень странно, клянусь Кромом! — пробормотал киммериец.

— Что тебе странно, смертный? — весело поинтересовался дракон.

— Как же так, ты помнишь, почему тебя прозвали Аридоси, помнишь драконы состязания, помнишь вашего Императора, — перечислил Конан. — И при всем этом не помнишь, где находится твой остров?

Он полагал, что дракон рассердится и примется ворчать, брызжа огненной слюной, но вместо этого ящер лишь чуть склонил голову, немного умерив свой стремительный бег.

— Не помню, — сказал он со вздохом. — Совсем не помню. Но иногда всплывают картины, отрывочные и яркие, словно сны. Так бывает, если крепко расшибешься — а меня тогда ударило о берег даже слишком крепко! Волна была такой мощи, что я не смог ни выплыть, ни уйти на дно, меня протащило и швырнуло о камни, земля взорвалась огнем, вздыбившись, словно норовистый конь... Сам удар я помню. А вот откуда плыл — с востока или с запада, а может, с юга — не могу вспомнить. — Дракон вздохнул. — Помню только, что очень, очень-очень издалека, — заключил он.

Что ж, подумал Конан, по словам Юлдуза, тот остров тоже лежит где-то за кругами мира.

— Похоже, мне и впрямь суждено дойти до самого края земли, — пробормотал киммериец. Дракон, занятый своими воспоминаниями, никак не ответил на его слова — быть может, не рассыпал.

Какое-то время они ехали молча, каждый занятый собственными мыслями. Вокруг сплошной зеленой стеной вставали джунгли, одинаковые на все стороны света, — как ориентировался в них дракон, не глядя на небо, не останавливаясь, оставалось загадкой. Иногда он делал большие петли, огибая овраг или хижины углежогов, но каждый раз неизменно возвращался к прежнему направлению. Об этом можно было судить по солнцу, внезапно выскочившему из-за деревьев к концу дня. Стволы редели, становились моложе и тоньше, неохватные сосны-гиганты, увитые плющом и лианами от самых корней, пропали вовсе. Меж стволов мелькнула синяя искра, и вскоре дракон со своим всадником оказался на берегу огромного озера.

— Здесь мы и заночуем, — предложил Аридо. — Тебе же нужно спать, правда? А я с наслаждением выкуплюсь. Надо же было нацеплять на себя столько грязи и сухой листвы за такое короткое время!

Солнце село, и в лесу быстро темнело. Вода в озере становилась белой, от него потянуло ветерком. Конан разжег костер и принял сооружать себе ужин, а дракон, забравшись на дальний высокий обрыв, из которого, как клубки змей, торчали корни растущих над ним сосен, плюхнулся в озеро, подняв водяной столб чуть ли не до неба. Он резвился, ловил себя за хвост, подныривал под огромные плоские листья и выскачивал с ними на голове, подражая уттарийским сановникам в их круглых соломенных шляпах с колокольцами. В этом огромном звере каким-то образом уживались старик и младенец, и было забавно наблюдать, как один сменяет в нем другого. Сейчас он был воплощением радости бытия, но Конан хорошо помнил, как ловко этот «малыш» расправляет с галерами. Все-таки это был дракон, а дракон опасен даже в самом благодушном настроении.

Наконец, вволю наплескавшись и распугав всю рыбу на несколько дней вперед, дракон вылез на берег, встряхиваясь, как собака. С его чешуи вода не стекала, а скатывалась крупными круглыми каплями, как скатывается она с жирного оперения утки, оставляя птицу сухой. Конан сидел, свесив с коленей перепачканные в золе руки — жалея запасы, он выловил в тростнике забившегося туда с перепуту огромного карпа и испек на угольях.

— Большое озеро, — сказал Конан, глядя на необъятную бледно-синюю даль. Озеро и в самом деле было большим, дальний его берег с темнеющим лесом был едва виден. — Где это мы?

— Это озеро Дунтинху, — пояснил дракон. — Вон там, — он мотнул головой на север, — в него по краю впадает Чандзян, самая большая река Кхитая. Завтра мы пойдем по ней вверх, она выведет нас к Семиречью — семи ущельям в южных отрогах Ги Ме Ля, по которым текут в долины семь рек Кхитая, Уттары и Камбуи. Там же делает большую петлю Бхарама, река Вендии. Ее долиной мы спустимся к морю, а там уже до Ланки будет не больше дня пути.

По сведениям Конана, озеро Дунтинху, Большая-Вода-В-Сердце-Страны, лежало в трех днях пути от побережья. Он покосился на дракона: этот скакун и впрямь быстро перемещался и по воде, и по суще! Глядишь, к исходу третьего дня они и в самом деле будут в Вендии!

Дракон меж тем зевнул во всю пасть, потянулся, дергая лапами, и улегся, свернувшись в клубочек. Конан доел свою рыбу и тоже лег.

Утром, едва рассвело, Аридо уже нетерпеливо тормошил его: известно ведь, что для бодрствующего ночь вдесятеро длиннее. К тому же, забыв на своем острове, что такое настоящий лес, дракон немного опьянел оточных запахов и шорохов и с утра пребывал в веселом, чтобы не сказать буйном, настроении.

Поев, Конан вновь взгромоздился на своего «коня» и вновь, как и вчера, мимо него понеслась стена деревьев. Вскоре дракон вышел к большой реке, стремительно несшейся в узкой долине, и направился вверх по течению.

Когда солнце перевалило за полдень, местность начала постепенно подниматься. На короткий отдых они остановились уже в настоящем горном ущелье с узкой полоской зелени вдоль реки и отвесными бурными скалистыми склонами. Дальнейшее продвижение по берегу было почти невозможно, и дракон поплыл вверх по течению. Чтобы не заморозить Конана в быстром горном потоке, он держал шею высоко над водой, но все же к вечеру Конан был мокрым с ног до головы от брызг и мелкой водяной пыли.

Заночевали они над большим водопадом, на гребне утеса. Вверх пришлось карабкаться козьей тропой, и к концу подъема оба путешественника изрядно устали, выпачкались и исцарапались. Добравшись наконец до вершины, дракон в изнеможении повалился на землю.

— Я же не ящерица, — простонал он, разглядывая израненные подушечки лап — на них чешуя была тонкой, гибкой и мелкой, как у рыбы. — Я не умею карабкаться по скалам, они меня не выдерживают!

— Живы — и ладно, — проворчал Конан. Подъем измотал и его. — Не хнычь, не то я вспомню Раину.

Аридо обиженно засопел, но жаловаться перестал. Не успело сесть солнце, как он уже, забыв об обиде, слазил в какие-то щели и приволок груду бурелома, нанесенного водой и застрявшего в скалах. Сучья были сырьими, но дракон все равно исхитрился поджечь их.

Ночью поднялся ветер. Он летел от заснеженных вершин Крыши Мира, и ему не было

никакого дела до двух путников, оказавшихся на горном хребте, открытом всем ветрам. Очнувшись от тяжелого, вязкого сна, Конан обнаружил, что Аридо пристроился к нему почти вплотную, заслоняя своей тушей от северного ветра. Но едва киммериец открыл глаза, дракон вскочил на ноги, словно боялся сознаться в том, что ему есть до кого-то дело. Конан хмыкнул, но промолчал.

Торопясь как можно скорее оставить холодные утесы, они тотчас собрались и двинулись в путь. Дракон струился по камням, словно бирюзовая река, выбирая иногда такие склоны, по которым не отважились бы скакать даже козы. Одну за другой миновали они семь горных рек, стиснутых каменными складками, и скоро снова очутились в цветущих долинах. Сбегая с гор, Бхарама разливалась широким потоком, словно вздыхала свободнее на просторах равнин, и Аридо, не таясь, плыл прямо по течению. Разлив после летних дождей едва начал спадать, и с середины реки оба берега казались лишь дымной кромкой где-то вдали. Даже если бы кто-нибудь и разглядел с берега черную голову варвара, то уж дракон сливался с водой не хуже хамелеона.

В устье Бхарамы разливалась на несколько широких и мелких рукавов с мутной, зеленоватой цветущей водой. Дракон чихал и отплевывался, бранясь на всех языках Хайбории, живых и мертвых. Наконец дельта осталась позади, и Аридо с ликующим воплем ринулся в океан.

В море, чья вода, как известно, держит даже самого никудышного пловца, дракон вздохнул с облегчением. Плыл он, как не плавают и двухсотвесельные галеры — быстро, ровно и легко. Конан только диву давался, глядя, как бирюзовая грудь ожившей рострой разрезает воду, даже не покачиваясь на волнах. Аридо несся, как выпущенная стрела, и только птицы с резкими и изумленными криками разлетались от него во все стороны.

Проходя наискось от устья Бхарамы к краю полуострова, Аридо забрал слишком сильно к западу, и потому берег показался раньше, чем он рассчитывал. Увлекшись своей морской прогулкой, он с ходу налетел на какую-то углу лодочонку с дремлющим в ней рыбаком — она сидела в воде так низко, что ни Конан, ни дракон не заметили ее.

Рыбак, увидав прямо перед собой гигантского чешуйчатого ящера с пастью, полной зубов, с криком кувырнулся из лодки, выронив снасти. Лодочка, и так чудом державшаяся на воде, разлетелась в щепы, столкнувшись с бронированной грудью дракона. Тот уже занес лапу, чтобы утопить человека, но Конан пребольно дернул его за ухо, рявкнув:

— Не смей!

— Почему? — удивился дракон.

— Он не сделал тебе ничего дурного!

— Но он расскажет другим!

Конан в ответ на это намотал на кулак синюю гриву, заставив дракона высоко задрать голову, и прошипел:

— А ну, давай на берег, желтопузый выродок!

Ответом ему был рев, исполненный злобы и боли. Дракон помчался к берегу с такой скоростью, что, казалось, не плыл, а летел над водой. Выбрав укромную лагуну, единственными обитателями которой были степенные морские черепахи, птицы и обезьяны, он выскоцил из моря, как пробка из бочки. Киммериец, не дожидаясь, пока его сбросят, соскочил на землю и в два прыжка оказался на расстоянии, недосягаемом для огромных когтей разъяренного чудовища.

— Козявка! — ревел дракон. — Ты смеешь мне указывать! Ты будешь говорить мне, что

мне делать и чего не делать! Да я жив до сих пор только потому, что убивал каждого, кто видел меня хоть краем глаза!

— Ну, так убей и меня, если сможешь, гнилая колода! — рявкнул в ответ Конан, не менее разъяренный. — Ну, чего ты ждешь! Убей, и дело с концом! И жарься дальше на солнышке на своем поганом острове!

— Да я могу пришибить тебя одним ударом лапы, так что голова твоя станет похожа на сырную лепешку!

— Ну так бей, что ты стоишь!

Дракон замолчал, затем сел и нервно слготнул.

— Что тебе было в том старике? — спросил он уже спокойнее. — Он твой друг, или родич, или родич родича?

— Он просто живое существо, такое же, как ты или я, — ответил Конан, тоже снижая голос. — Он не пытался напасть на нас, он едва не обмочился от страха. Зачем тебе его жизнь?

Аридо нервно облизнулся и переступил лапами.

— Да-а, тебе-то хорошо рассуждать, — протянул он. Теперь его голос напоминал голос обиженного ребенка. — Тебя-то не держали пятьдесят лет в золотой клетке...

— В золотой — нет, а в простых клетках я насидался! — ответил Конан. — Если этот старик начнет рассказывать, то скажет, что видал морское чудовище с рыбым хвостом, тремя головами, девятью рогами и вот такими плавниками. — Конан показал, какими. — За это его две луны будут поить бесплатно во всех тавернах, и к концу второй луны голов и хвостов будет втрое больше. Никто из его рассказа не узнает, что он видел дракона. Если кого тебе и надо опасаться, то колдунов и книжников, а не подслеповатых рыбаков! И потом, мы ведь, кажется, ищем твой остров? Через десять дней ты будешь дома — и какое теперь тебе дело, узнает о тебе кто-нибудь или нет?

Дракон задумался. С последним доводом спорить не приходилось.

— Ладно, предположим, ты прав, — сказал он. — Но это все равно не повод хватать меня за волосы и кричать мне в ухо.

Конан незаметно перевел дух. Поле битвы осталось за ним. Следовало немедленно укрепить свои позиции.

— Вот что, каменная шкура, — заявил он, все еще стоя поодаль. — Если ты идешь со мной, брось убивать всех направо и налево. Иначе мы с тобой расстанемся на этом самом месте.

Аридо взглянул на спутника с мрачной иронией.

— Я что, должен принести клятву не проливать невинной крови? — поинтересовался он.

— Можешь мне это просто пообещать, — великодушно разрешил Конан с широкой ухмылкой.

Дракон какое-то время сопел, переминаясь с лапы на лапу. Наконец, явно с большой неохотой, выдавил:

— Ну, обещаю. — И тут же добавил: — Только и ты мне тогда пообещай, что не будешь больше грозить бросить меня. Это нечестно, мы договорились.

— Не брошу, не брошу, — проворчал Конан.

У дракона был вид малыша, который уличил товарища по играм в каком-то жульничестве и теперь готов расплакаться от обиды и несправедливости. Услыхав это «не

брошу», Аридо повеселел и подставил киммерийцу локоть. Мир был восстановлен.

— Ну, где там твоя Ланка? — спросил Конан, взбираясь ящеру на спину.

— Немного южнее. К вечеру будем, — заверил его Аридо и вошел в воду.

На закате впереди и в самом деле показался обещанный остров. Путешественники высадились недалеко от гавани, привели себя в соответствие выдуманной истории и зашагали по широкой мощеной дороге к городу, носившему то же название, что и остров.

Ланка, осколок Вендинского полуострова, отнесенный в море, на две трети была необитаема. Вся жизнь острова сосредоточилась в единственном городе, соединенном наезженными дорогами с несколькими большими гаванями. Насколько глухи и непроходимы были леса ее южного и восточного побережья, обращенного к океану, настолько оживление, суполока и разноголосье царили вокруг пристаней, на дорогах и в самом городе. Но так было прежде. Теперь причалы пустовали, а меж каменных плит на дорогах пробивалась трава. Если бы Конан и Аридо — вернее, почтенный Ши Чхан — шли от одной из гаваней, они бы непременно насторожились, не услышав обычного гомона и не увидев пестрой толпы. У городских стен же, как всегда, сновали туда-сюда повозки, запряженные терпеливыми быками, на них покрикивали погонщики; в большие Западные Ворота вливался и выливался пестрый поток. Но ни одного верхового видно не было.

Приближаясь к воротам, Конан все пристальнее вглядывался, щуря глаза. Еще издали суетящиеся люди показались ему какими-то странными, сероватыми, что ли. И чем ближе он подходил к городу, тем больше убеждался в том, что спит и видит кошмарный сон. Наконец он встал на дороге как вкопанный и недоумевающе помотал головой.

— Все голозадые прихвостни Нергала, что здесь такое происходит?

В разноцветных одеждах, с высокими чалмами на головах, с посохами, корзинами, с повозками, груженными добром или пустыми, у ворот копошились обезьяны. Большие обезьяны в рост человека, с длинными хвостами и темными лапками и мордочками. Выглядело это так, словно огромное стадо обезьян вдруг вздумало поиграть в людей, нарядилось в людские одежды и занялось повседневными людскими делами.

— Вырви Нергал мне печеньку! Ты что-нибудь понимаешь, Аридо? — обернулся Конан к своему спутнику.

Дракон сощурил золотые глаза, повел плечами и спрятал в рукавах маленькие ладони.

— Понимаю, — с важностью ответил он. Преображаясь в человека, он отменно играл свою роль мудрого и немного высокомерного старца. — В этом я понимаю больше, чем многие. Колдовство. Это — люди, жители Ланки. Видно, на город наложил проклятие какой-нибудь могущественный маг... Хотя я не чувствую поблизости ни одного стоящего мага, разве что двух-трех шарлатанов, — добавил он и лукаво заметил: — А они славно выглядят в этих пушистых серых шкурках!

Путешественники подошли уже достаточно близко, чтобы их заметила толпа у ворот. Люди-обезьяны, до того занятые каждый своим делом, как по команде обернулись на вновь прибывших. Гомон стих. В полном молчании Конан и дракон подошли к воротам. Толпа зашевелилась, расступаясь, очищая им дорогу, словно каким-нибудь вельможам.

— О жители сказочной Ланки, какое горе постигло вас? — вопросил киммериец. — Только что я слышал людскую речь, но не вижу ни одного человеческого лица!

— У нас больше нет наших лиц, чужестранец, — ответил ему старый сморщеный обезьян, и по толпе вслед его словам эхом прокатился горестный ропот. — Ступай к дому городских Старейшин, там ты узнаешь все, что захочешь знать. Не удивляйся, что мы

встретили вас так неподобающее славе Веселой и Богатой Ланки. Вот уже три луны, как ни один корабль не пристал в наших гаванях — люди боятся, что проклятие перекинется и на них. Вы — наши первые гости с начала весны.

— Я вижу, утратив облик, вы не утратили разум, — заметил Конан. — Мы прибыли на Ланку, чтобы почтить великого Рудру и испросить его милости. Мы не боимся проклятия. Поэтому укажите нам дорогу к вашему храму, добрые люди, а с городскими Старейшинами мы побеседуем в другой раз.

Старик печально покачал мохнатой головой. Шерсть на нем, в отличие от обезьян помоложе, имела молочно-белый цвет.

— Службы в храме прекращены. Жрецы не осмеливаются предстать перед алтарем Всемилостивого Рудры в таком непотребном обличье. Но вы найдете их в большом доме при храме и, быть может, они вам что-нибудь посоветуют.

Конан нахмурился: он не ожидал такого поворота событий.

— Идем, почтенный Ши Чхая, — обратился он к своему спутнику. — Проведаем местных жрецов. Быть может, мы и так узнаем от них то, что нам надо.

Храм высился над городом, видимый со всех сторон. Его купол, сплошь покрытый резьбой, изображающей деяния небожителей, напоминал перевернутый колокол. Пробираясь к нему кривыми и петляющими улочками, двое путников постоянно ловили на себе жадные взгляды. На них глазели отовсюду и все — прохожие на улицах, женщины в больших паланкинах, носильщики этих паланкинов, дети в окнах домов, служанки из-за дверных занавесей. Конан заметил, что на улицах почти нет женщин — если и появлялась какая-нибудь, то по самые глаза закутанная в покрывало.

И так передвигались только самые бедные жительницы проклятого города, большинство же, если им надо было выйти из дома, пряталось за плотными занавесками носилок.

Ланка, хоть и слыла сказочно богатым городом, была слишком мала, чтобы иметь собственное войско и считаться независимым государством. Но дэви Жазмина, прекрасная повелительница Вендии, не имела в Ланке постоянного наместника. На острове велся самый богатый промысел жемчуга и самоцветов, поэтому город пользовался некоторыми привилегиями.

По закону здесь правили жрецы-брахманы, но между ними и горожанами еще существовал совет Старейшин, в который входили потомки самых знатных местных кшатрийских родов. Старейшины не занимались ни торговлей, ни землей, ни мастерскими, но могли владеть и тем, и другим, и третьим, нанимая или покупая для этого людей низших каст.

В их веденье были дороги, увеселения, городская стража и сбор пошлин. И храм, и дом совета Старейшин находились на центральной площади города, отделенные от шумного базара полосой садов с фонтанами и бассейнами, ибо, как известно, созерцание зелени и воды способствует душевному покою, равно необходимому как при управлении городом, так и при общении с богом.

На пороге храмового дома чужестранцев встретил служка в красной чалме и красной же набедренной повязке.

Сзади в повязке была проделана большая дыра для хвоста. Служка проводил их во внутренние покои и, пропищав: «Верховный Брахман Прамурти сейчас выйдет к вам», — оставил одних, закрыв за собою низкие двустворчатые двери.

Конан разглядывал настенные фрески, когда в зал вошел Верховный Брахман. Увы, ни

белые одежды, ни остроносые туфли не могли скрыть его обезьянного облика, отчего старец, несомненно, сильно страдал. Однако держался он со всем приличествующим его сану достоинством.

Гости расселись на больших полосатых подушках, жрецу принесли кальян. Позади него пристроилась симпатичная обезьянка — то ли мальчик, то ли девочка, — с огромным опахалом из павлиньих перьев.

Конан изложил брахману цель их визита: прибыли, мол, из Кхитая, наслышанные о чудесном храме, и желаем问问ь бога о неведомой земле, неизвестной ни одному смертному. Хозяин кивал белой чалмой, жадно затягиваясь своим кальяном.

— Приветствую вас в нашем несчастном городе, чужеземцы, — проговорил он между двумя затяжками. — Весть о вашем прибытии облетела весь город, ведь вы — первые приезжие за много дней. Мы оставлены всеми, торговля и ремесла чахнут, дела наши в большом упадке... Стражники у ворот уже доложили мне, что вы прибыли сюда испросить милости Рудры, нашего грозного и милосердного бога.

Но храм наш заброшен, благовония погасли, масло в лампах сгорело, и некому войти в храм, чтобы вознести моление грозному Рудре... Видно, мы прогневали святого человека, что живет в глухой чащне и питается одной прошлогодней травой...

— Ну, на таких харчах прогневаться немудрено, — пробормотал Конан. — А скажи, почтенный Прамурти, почему вы решили, что это — его работа?

— Больше в наших краях нет могущественных магов, — отвечал брахман. — Только он один, святой подвижник и аскет, проводящий дни свои в истязании плоти и изучении древних магических трактатов.

Нам не раз доводилось убеждаться, что мощь его велика. Однажды мальчишки, зашедшие слишком далеко от дома, потревожили его покой, и он в гневе сделал так, что всю дорогу до родных вслед за шутниками скакали жабы и ползли змеи и исчезли только после того, как их родители принесли обильные жертвы Рудре...

— Нет, — покачал головой дракон. — В ваших землях нет магов. Быть может, святой подвижник давно оставил ваш остров? Давно ли на вас лежит это проклятие?

— С начала весны, господин мой, — ответил брахман, и его обезьяня мордочка сморщилась, как будто он собирался заплакать. Но тут Прамурти вспомнил, что гости прибыли из Кхитая, страны могущественных колдунов. — Господин говорит так уверенно... Быть может, он и сам волшебник?

— Я не волшебник, — тонко улыбнулся Ши Чхал. — Но у меня есть одна волшебная вещь. — Он сделал знак Конану, и тот, уже догадавшись, о чем идет речь, вытащил из мешка кошелек с сапфиром. Дракон извлек его на свет, и улыбка его на мгновение стала чуть шире: он увидел, каким огнем загорелись темные глаза брахмана.

— Этот камень, — говорил дракон, — обладает свойством мутнеть, если вблизи него в трех днях пути есть хотя бы один могущественный маг. Как видишь, господин мой, он светел, словно летнее небо. Мы собирались оставить его на алтаре милостивого Рудры, но, как видно, не судьба, — Дракон полагал сыграть на жадности жреца. Но на сморщенном лице брахмана так явственно пропустило отчаянье, что стало ясно: он не лжет. Будь это в его власти, он бы сей же час побежал умолять Рудру о чем угодно, лишь бы сияющий сапфир остался у него. Конан и дракон переглянулись.

— Ну, вот что, — решительно сказал киммериец. — В какой стороне живет ваш великий отшельник?

Утром следующего дня дракон, принявший для удобства свой истинный облик, увереннонес Конана сквозь лес. Солнце уже начинало клониться к западу, когда наконец в самой чаще, у небольшого чистого родника он остановился и замер, принююхиваясь.

— Вон его хижина, — прошептал Аридо, указывая головой на маленький домик с настеленной как попало соломенной крышей. Лачуга была еле видна над землей, издали ее можно было принять за кучу бурелома посреди поляны. — Только нет там никакого мага. Если хочешь, пойди и проверь. Зря мы во все это ввязались, только день потеряли.

Конан, на всякий случай вооружившись кинжалом, осторожно подкрался к ветхому пристанищу великого подвижника. Дракон бесшумно следовал за ним, дыша ему в ухо.

Еще с середины поляны они услышали горестные причитания. Кто-то в хижине бранил кого-то, понося провинившегося самыми обидными словами. Но голос принадлежал скорее мальчику, чем древнему старцу. Конан подошел ближе, замер у входа, а затем, быстрым пинком распахнув дверь, прыгнул внутрь.

Глазам его представилась странная картина.

В хижине, согнувшись над огромной книгой, сидел юноша-вендиец. Обычный юноша, смуглокожий и невысокий. Лица его не было видно, но поза выражала самое крайнее отчаянье: обхватив голову руками, он раскачивался всем телом взад-вперед, приговаривая:

— Ты неуч, ты бездарь, ты навозная лепешка на пшеничном поле! Ты не можешь даже превратить сливки в масло, куда тебе соблазнять юных девушек!

Помимо той книги, что лежала у него на коленях, повсюду на полу, столе и стульях громоздилось еще не меньше десятка книг такого же устрашающего размера, а в распахнутом зеве сундука, наполовину вросшего в землю, видны были сотни и сотни свитков самой разной степени древности.

— Ничтожество! Варвар! Недотепа!

— Вот тут я с тобой не согласен, парень, — заявил Конан, подходя поближе. — «Варвар» вовсе не то же самое, что «ничтожество» или «недотепа». Выбирай слова, когда впишишь о своей беспомощности.

Юноша вздрогнул от неожиданности, но быстро оправился.

— Вон, несчастный! — сказал он дрожащим голосом, поднимаясь и поспешно захлопывая книгу. — Поди вон, пока я не превратил тебя в мокрицу! Если я захочу...

— То вряд ли это у тебя получится, — закончил за него Конан. — Клянусь Кромом, парень, если ты хочешь, чтобы тебя считали великим магом, зачем впишишь на весь лес о том, что у тебя ничего не выходит?

— Ты все слышал... — с унынием сказал волшебник. Он вдруг поднял книгу над головой и швырнул на пол, так что вверх взметнулось облачко пыли. — Да! У меня ничего не выходит! Но это вовсе не значит, что я позволю первому встречному над собой потешаться!

Но тут он увидел мощные руки киммерийца и рукоять меча, торчащую из-за левого плеча, — и сразу забормотал извинения. Сам он был худ, тщедущен, безоружен и почти раздет, если не считать серой от грязи набедренной повязки. Конан хохотнул и присел на

край стола — ни один из находившихся в хижине табуретов не выдержал бы его веса.

— Если я и потешаюсь, малыши, — сказал он примирительным тоном, — то не над тобой, а над теми олухами, что бегают по городу с обезьяними хвостами и думают, что здесь сидит могущественнейший маг из всех, какие попирали когда-либо эту землю!

— Пусть бегают! — воинственно заявил вендиец. — Они у меня еще не так побегают!

— Чем же это насолил тебе целый город? — поинтересовался Аридо, просовывая в дверь свою голову. Хижина была так нала и низка, что нос дракона оказался прямо перед лицом горе-волшебника.

Увидев перед собою такое страшилище, да еще с дружеской улыбкой на морде, юноша из смуглого стал землисто-серым и как подкошенный повалился Конану в ноги:

— Магараджа! Владыка! Я не знал, что эти книги оставлены святым старцем тебе! Не губи меня! Я буду тебе рабом на всю жизнь!

— Люди! — презрительно фыркнул дракон и вылез из дверного проема, едва не своротив притолоку. — Во всей красе! Да это просто мелкий воришак!

— Встань, парень, — сказал Конан, хмурясь. — Не люблю, когда валяются в ногах. Теперь отвечай и говори мне всю правду, иначе мой демон разорвет тебя на куски: как ты здесь оказался и за что превратил в обезьян весь город?

Юноша, опасливо косясь на дверь, поднялся с колен. Голос его дрожал.

— Я... я пришел сюда. Давно, еще в начале зимы. Мне было нечего есть... Меня выгнал хозяин. Это жестокий и несправедливый человек, владыка! — Видя, что Конан пока не собирается произносить заклинаний или как-нибудь по-иному наказывать ослушника, он говорил все смелее и увереннее. — Меня зовут Джамла, владыка. Десять лет назад Рамдаса, мой хозяин, купил меня на невольничьем рынке. Он оставил меня при своей гончарной мастерской, там был нужен мальчишка для поручений, а я был с детства обучен этому ремеслу и приглянулся мастеру. Он выучил меня всему, что знал сам, и мы работали наравне. Хозяин пообещал мне свободу, если я сделаю такой кувшин, в котором в зной вода оставалась бы холодной, а в стужу — теплой. И я сделал такой кувшин. Он объявил, что отпускает меня, и я остался мастером при его мастерской. Я нажил состояние, обзавелся домом. И подумал: будет хорошо, если хозяин мастерской отдаст за младшего мастера свою младшую дочь — ведь старшая замужем за старшим. Я надел лучшие одежды и пришел к нему со сватами, а он...

— Заявил, что его дочери не нужен бывший раб, велел дать тебе пятьдесят палок и выгнал из города, — кивая, закончил Конан.

Гончар был изумлен.

— Да-а, — сказал он, глядя на киммерийца широко раскрытыми глазами. — Неужели это правда, владыка, что могущественные колдуны могут видеть все прошлое и будущее человека, едва посмотрят ему в глаза?

За стеной раздалось новое презрительное фырканье. Конан сказал со всевозможной строгостью в голосе, едва сдерживая смех:

— Продолжай. Что же ты сделал, когда он тебя выгнал из города? Рамдас ведь один из городских старейшин, не так ли?

— Да, владыка! Он творит беззаконие когда вздумается и держит в руках всю Гончарную Слободу! Никто не смеет ему слова сказать! А я... что ж, судья отобрал у меня кров — «за надругательство над добрым именем», как он сказал. И я пошел куда глаза глядят. Потом начались дожди... Я оказался здесь. Добрый старец приютил меня. За эту зиму он выучил

меня грамоте и счету. Но в конце зимы вдруг жестоко заболел и умер. Я проплакал над ним три дня, а потом похоронил у ручья. От его могилы ночами исходит свет, и я хожу туда иногда...

— Ну а обезьяны?

Юноша опустил голову так низко, что черные пряди волос совсем скрыли лицо.

— Умирая, старец велел мне хранить источник и эти книги для того, кто когда-нибудь придет за ними, — сказал он еле слышно. — Как-то вечером мне было очень тоскливо, и я сел читать. И нашел книгу магических заклинаний...

— И от тоски превратил весь город в обезьянник, так, что ли? — нахмурился Конан.

— Не весь! Только родичей Рамдаса, того судьи, той мерзкой бабки-сводни, которая свидетельствовала против меня и...

Его оборвал громовой хохот. Конан смеялся, закинув голову, смеялся так, что тряслись стены убогой хижины и скрипел и шатался стол, на котором он сидел. За стеной ему вторил хохот дракона.

— Всех родичей, клянусь тринадцатью рогами Нергала! Да тут на острове всяк друг другу брат, кум или сват! — приговаривал киммериец, смеясь. — Ты, парень, либо святой, либо помешанный! Ну, а что ты ищешь теперь в этих книгах и свитках?

Юноша покраснел так густо, что это стало видно даже сквозь загар.

— Приворотное зелье, — пробормотал он, краснея еще больше. Конан от хохота едва не свалился под стол.

— Вот что, парень, — сказал он, отсмеявшись, — это дело ты брось. Давай расколдовывай город, а после этого я дам тебе денег и отпушу с миром. Ты купишь себе дом где-нибудь в другом месте, где никто не знает, что ты в детстве был рабом. Там и женишься. Ну? — Джамла мялся, и Конан пригрозил: — Не то смотри, я велю своему демону разорвать тебя на сотню маленьких Джамл!

Вендиец задрожал и снова бухнулся киммерийцу в ноги с воплем:

— Пощади, владыка! Я бы и рад их расколдовать, но не знаю, как! Я просто прочел заклинание из книги, а какое обратное, я не знаю! Их там тысячи!

— Аридо! — позвал Конан. — Иди сюда и попробуй разобраться в этих закорючках.

Джамла, полагая, что тут ему и конец, захрипел, моля о пощаде. Но каково же было изумление юноши, когда вместо чудовища в хижину вошел старый кхитаец в одеждах из расшитой парчи! А старик как ни в чем не бывало уселся за стол и принялся листать черную книгу, бормоча при этом:

— Этот отшельник был воистину святым! Скопить столько мудрости за одну человеческую жизнь! Забавно только, что он, видимо по незнанию, мешает все в кучу: лечебные мази, заговоры, проклятия... Это не то, это не то, «пять способов бессмертия», не то, «зимняя одежда, обогреваемая газами человеческого тела» — ого! Не то, не то... «Варение золота из ртути», чушь какая... Ага, вот это заклинание: «Превращение неугодного человека и всех его родичей до сотого колена в отвратительных хвостатых обезьян. Стань лицом к востоку»... Так, понятно, понятно. Очень простые чары. И разрушить их так же просто, как и навести. Иди-ка сюда, неумеха.

Джамла неуверенно приблизился. Кхитаец вручил ему книгу, повернул лицом к западу и велел:

— Читай заклинание, только с конца. Читай внимательно, не пропусти ни одной буквы! Идем, Конан, более нам здесь делать нечего. — С этими словами он встал и вышел из

хижины.

— Это тебе на свадьбу, — сказал Конан, высыпав на дощатый стол десять ярких рубинов. И вышел вслед за драконом.

Тот уже в нетерпении постукивал хвостом.

— Едем скорее. Этот юнец так напуган, что все сделает правильно. Если мы поторопимся, то еще успеем до заката в храм.

Устраиваясь поудобнее на его широкой спине, Конан слушал краем уха, как молодой звонкий голос старательно читает вслух бессмысленные, вывернутые наизнанку слова.

ГЛАВА 8

Старый знакомец

Конан с драконом решили не рассказывать в Ланке о своем визите к хижине отшельника — не следовало привлекать к себе слишком большого внимания. Когда они вернулись в город, то пожалели, что не остались ночевать в лесу: всюду горели огни, люди пели, смеялись, только что не ходили на головах от счастья. В конце концов киммериец, устав от раздраженного ворчания дракона, оставил его в комнате на постоялом дворе, а сам присоединился ко всеобщему ликованию. К исходу ночи он уже не помнил, скольких девок перетискал и сколько кувшинов выпил. Его едва хватило на то, чтобы с рассветом добраться до кровати и рухнуть на нее.

Едва он проспался — вернее, едва дракон счел, что он проспался, — они отправились в храмовый дом.

Верховный Брахман, избавившись от обезьяньего облика, оказался хитроглазым старичком с большим, изъеденным волчанкой носом. Киммериец вспомнил, что волки-оборотни, влезая в волчью шкуру, мигом излечиваются от всех болезней, даже смертельных. С этой точки зрения обезьяной Прамурти выглядел гораздо лучше — та, по крайней мере, была совершенно здорова.

— Вы принесли нам удачу, чужестранцы! — радостно возгласил он после обмена приветствиями. — Проклятие снято! Или вы и есть те, кого бы нам следовало благодарить, ведь вы, как я помню, собирались посетить отшельника?

Конан и дракон переглянулись, и мудрейший Ши Чхан с поклоном ответил:

— Мы никогда бы не осмелились без нужды тревожить покой святого человека. И посуди сам, мудрый Прамурти, как бы мы могли за один день успеть доехать до другого конца острова и к угру вернуться обратно? Лошадей у нас не было, а у вас в городе их, как я видел, вовсе не держат.

— Да, — покачал брахман головой в тяжелой чалме, — От лошадей нам пришлось избавиться. Ни одна лошадь не потерпит, чтобы на ней сидела верхом обезьяна... Тьфу, мерзость какая, да простит мне милостивый Рудра!

— Но теперь, почтеннейший, когда город ваш непостижимым и чудесным образом избавился от напасти, — продолжал Ши Чхан медовым голосом, — исполнишь ли ты нашу просьбу? Сапфир все еще при нас, и мы по-прежнему готовы преподнести его в дар грозному и милосердному богу.

— Разумеется, разумеется, с радостью и охотой! — воскликнул Прамурти, пожирая глазами камень, лежащий на ладони киммерийца. — Еще вчера вечером, когда проклятие спало, мы вошли в храм, заправили все светильники, зажгли курения и вознесли благодарственное моление Трехликуму... Если вам будет благоугодно передать нам камень сегодня же, мы сегодня же и начнем все приготовления, потребные к этому сложному обряду.

Чужестранцам было благоугодно, сияющий сапфир был торжественно возложен у подножия алтаря Рудры Трехликуго, а жрецы принялись готовиться к церемонии Воздания Хвалы.

Все три дня, что они готовились, соблюдая строжайший пост и размышляя над сокровенным таинством трех ипостасей грозного бога, Аридо пребывал в дурном

настроении. Первый раз за много лет он оставался в облике старика-кхитайца более трех суток подряд, ему было неудобно в человеческой оболочке, он ходил по комнате из угла в угол, словно по клетке. К тому же он начинал хотеть спать.

Наконец, на четвертый день, Конан был призван в храм, где ему возвестили ответ бога: острова драконов по-прежнему существуют, Великая Катастрофа не затронула их, воды Потопа не поглотили. Своими очертаниями схожие с огромным драконом, раскрывшим пасть и взмахнувшим хвостом, они лежат далеко во Внешнем океане. Чтобы попасть туда, нужно отплыть от южной гряды Жемчужных Отмелей, что в Лемурийском море, и плыть на восход солнца, выверяя курс каждое утро.

Услыхав радостную весть, дракон взбодрился и заторопил Конана с отъездом. Было понятно, что путь до заветных островов займет не один день, и потому путешественники решили, что они все-таки купят большую лодку с парусом. По расчетам дракона к концу шестого дня они должны были уже оказаться у его берегов.

Обе гавани Ланки имели судоверфи, и киммериец исходил их из конца в конец, выбирая себе лодку с той тщательностью, с какой иной вельможа выбирает на невольничьем рынке рабыню. Еще один день ушел на то, чтобы опробовать новое судно и наполнить его всем необходимым для дальнего путешествия.

Лодку назвали «Остров Дракона», в память об одиноком островке посреди Лемурийского моря, где изгнаник промучился столько долгих лет в тоске и одиночестве. «А как же Раина?» — ехидно поинтересовался на это Конан. «С Раиной я был одинок более, чем когда-либо, — серьезно ответил Аридо. — Если бы не ее дивный голос, я утопил бы девчонку на третий же день».

Когда все наконец было собрано и можно было трогаться в путь, Аридо высвистал подходящий ветер, он наполнил новый, еще ни разу не сбрызнутый пеной парус, и долгое странствие началось.

Справляясь с парусом и рулем дракон научился в первый же день. Хуже было другое: он постоянно норовил подогнать суденышко, и дважды чуть не перевернул его. Но к тому времени, как они, обогнув Уттарийский полуостров, вышли к Жемчужным Отмелям, Конан мог смело оставлять Аридо на ночь у руля. Это очень облегчило киммерийцу жизнь, потому что первые несколько дней путешествия он почти не спал.

Дракон тоже не спал, и это начинало на нем сказываться. Особенно это было заметно, когда он превращался обратно в дракона и плыл рядом с лодкой, иногда подталкивая ее. Бирюзовая чешуя словно поблекла, отросшие заново усы уныло повисли, глаза утратили блеск. Он купался все реже и реже, пока наконец не перестал вылезать из лодки совсем, часами неподвижно просиживая на корме в облике старого кхитайца, уставясь в море невидящими глазами.

Дни шли, а острова все не появлялись. Засыпая и просыпаясь, Конан видел одну и ту же картину: бескрайние синие волны и сгорбленная, нахохлившаяся фигурка на корме. То, что подходили к концу запасы еды, не слишком волновало киммерийца, море так и кишило всякой съедобной живностью, куда большей бедой было то, что кончалась пресная вода.

В мешке киммерийца, засунутом в самый дальний угол под скамью на корме, по-прежнему лежала бутыль драгоценного вина. Но, оглядывая большой ряд кувшинов, из которых только два оставались полными, Конан даже не вспоминал об этом лакомом кусочеке. Он еще не терял надежды рано или поздно оказаться на Краю Света.

На утро десятого дня пути Конан, проснувшись, увидел, что дракон совсем плох. Даже в

человечьем обличье он теперь выглядел так, словно его не один год морили голодом в стигийских подземельях. Он постарел, сгорбился и даже немного усох. Глаза его, в черных кругах опухших век, были мутны и бессмысленны. За рулем он, кажется, не следил вовсе.

Пройдя от носа до кормы, киммериец подобрал трех залетевших в лодку за ночь рыб и, ошкурив их и выпотрошив, высосал влагу. Есть ему не хотелось — по крайней мере, рыбу.

— Все бы сейчас отдал за хороший кусок мяса, — пробормотал Конан. Он поднял глаза, соображая время и погоду...

И увидел птицу. Большую черную птицу, похожую на баклана. Она кружила на узких, чуть согнутых крыльях, исполняя свой бесконечный ритуальный танец — вверх, к небу, и вниз, к морю, и снова вверх.

Сердце киммерийца бешено забилось. Эта птица не летела куда-то через океан, она охотилась. Это означало, что где-то впереди есть земля. Это мог быть даже не остров, а просто торчащая из моря скала, пригодная лишь для птичьих поселений. Но все же это была земля!

Приглядевшись, Конан различил на горизонте сероватое облако. Его белые, с розоватыми краями собратья, таявшие под лучами встающего солнца, бежали на восток дружной вереницей, а оно, единственное, стояло неподвижно. Конану уже приходилось видеть такие облака на море Вилайет. Это означало остров, и остров не маленький. Опомнившись от столбняка, киммериец принялся тормошить дракона.

— Эй, очнись! Очнись, бирюзовая шкура! Не твой ли остров виднеется вон там?

— Не мой, — равнодушно отозвался дракон, даже не пошевельнувшись. — Мой я почувствовал бы задолго до первых птиц. Нас, видимо, увлек край течения, который сносит корабли в Мертвое море. Я отсюдачу запах гнилых водорослей, значит, до его бурых зарослей день или два пути. А это — остров из близких к материку Му. Но теперь это все равно, потому что сегодня вечером я умру.

— Так что ж ты расселся, как статуя Рудры в божественной медитации? — разозлился Конан. — Правь туда, до вечера еще целый день!

Аридо поднял на него тусклые глаза:

— А что изменится за этот день? Даже если не зайдет солнце — а я сомневаюсь, что оно задержит ради меня свое шествие — я от этого не засну. Можно еще остановить время — но и я, и ты остановимся вместе с ним. Для меня выхода нет. Правь туда, если хочешь. Мне все равно.

По виду его каждый бы сказал то же самое. Не будь он так царствен в своем спокойном ожидании конца, киммериец дал бы ему хорошего пинка, чтобы не распускал сопли. Но какой смысл лупить по шее истукана? Только руки отобьешь.

— Вот заладил, — проворчал Конан. — А ну, пересядь. Если я наконец поем как следует, может, чего придумаю. Так что сотвори-ка нам ветер, если еще можешь.

На это дракон лишь еле заметно пожал плечами.

С запада потянуло ветром, тучи быстрее побежали по небу. Обвисший парус ожила и ударила Конана по руке вырвавшимся углом с вбитым железным кольцом. Киммериец наладил парус, поймал ветер и сел на руль, правя прямо на облако, все еще стоящее в небе.

Солнце поднималось все выше, облака начали редеть и вскоре исчезли совсем, исчезло и облако над островом. Конан правил теперь на бесчисленные стаи птиц, кружавшие в небе. Так плыли они до полудня, не переговариваясь и почти не шевелясь. Наконец дракон, сидевший на носу, резко обернулся. На лице его было написано беспокойство.

— Там люди, — сказал он. — Это может быть опасно. Что мы им скажем, если встретим?

— Правду, Нергал меня разбери! — процедил сквозь зубы киммериец. Он проклинал тот день и час, когда навязал себе это трусливое созданье. Надо же, быть таким магом и так бояться людей! Как будто все они только и мечтают, что завести себе собственного дракона, и день и ночь караулят у моря с флейтой наготове!

Впрочем, на этот раз дракону следовало опасаться не только флейты. Если остров принадлежит потомкам атлантов, детей рода Южного Ветра, то его защищает от непрошеных гостей Рорта, Небесная Секира. Перед ней не устоит даже шкура дракона, а дух древнего оружия может перенести своего властителя в единый миг на сотни дней пути... Но Конан надеялся, что если уж дойдет до драки, ему будет чем остановить Рорту.

Он на мгновение закрыл глаза и словно перенесся в вонючий каменный мешок стигийской крепости. Перед ним в воздухе парит огромная секира, а клекочущий голос духа звенит в голове: «Твоя кровь для меня — священна. Великий кователь наложил на меня заклятие служить потомкам Гидаллы, не предавая их, не оборачиваясь против них, попав в чужие руки...» Каким образом киммерийцы оказались родственны исчезнувшим атлантам, Конан так и не уяснил, но запомнил слова духа, чьи призрачные глаза горели синим неукротимым огнем его племени. Нет, Рорта не сможет убить его. А если ему дадут вставить хоть слово, может, и дракон останется жив и невредим.

— Мы скажем им правду, — повторил Конан. — Кроме того, что ты — дракон. Хотя от Рорты утаиться не выйдет... Ну, поглядим.

Аридо оказался прав: вскоре вода вокруг побурела от водорослей, правда, не таких густых и длинных, как те, в которые Конану уже доводилось попадать в этих водах. К тому же эти заполняли лишь воду, не вылезая наверх грязно-зелеными джунглями.

— Мертвое море... — проговорил киммериец, глядя на то, как птицы ловко вылавливают из бурых зарослей маленьких вертких рыбок. — Не такое уж оно и мертвое. Встряхнись, приятель, может, нас здесь ожидает горячий ужин и хорошенъкие девчонки!

Обычно Аридо хотя быsarкастически усмехался на такие слова, но сейчас даже не пошевельнулся. Похоже, ящер и в самом деле нынче собрался подыхать, подумал Конан. Ну уж нет, плавучее бревно, не для того я тащил тебя через все моря!

Ветер по-прежнему гнал лодку к острову. Водоросли хоть и задерживали ее движение, но остановить не могли. Наконец днище царапнуло о камни, лодка проплыла еще немного и стала.

— Пойдем, — сказал Конан и потянул дракона на берег. — Пойдем, хоть ноги разомнешь.

Аридо послушно поплелся за ним.

Взбежав на громоздящиеся одна на другую каменные глыбы, киммериец решил, что этот остров поднялся со дна в час Катастрофы, когда земля, в одном месте провалившись, здесь вдруг начала сталкивать гранитные пласти, как сталкивает река плывущие по ней льдины. Остров был невелик, настоящий птичий приют. Но на юге Конан разглядел за скалами зелень — то ли чахлые деревца, то ли кустарник, — и решил, что по крайней мере пресная вода тут должна быть, а значит, поплыли они к этому обломку утеса не напрасно.

К тому же так приятно было вновь ощутить под ногами твердую землю, а не бесконечно раскаивающуюся лодку! Увидеть, как летают над водой птицы — птицы, а не летучие рыбы. «Птицы! — осенило вдруг Конана. — Да ведь это же мясо!» У него не было лука, зато была с

собою пара метательных ножей, припасенная в Ланке. Птицы — большие, черные, и поменьше, схожие с обычными чайками, только с ярко-красным пятном на белом зобу — не обращали на него ни малейшего внимания. Похоже, они вообще первый раз в жизни видели человека, так что подобраться к ним не составит особого труда. Конан оглянулся на Аридо — тот сидел на камне, сам похожий на большую черную птицу. Киммериец вынул нож и начал подкрадываться к дремлющей стае. Он уже почти ощущал на языке вкус жареного мяса, как вдруг сзади раздались резкие гортанные выкрики и рев раненого Аридо.

— Дракон! Дракон под личиной человека! Рана Риорда заставил его открыться!

Забыв о мясе, Конан опрометью кинулся к берегу. Камни, вдоль которых он крался, заслонили от него море, не то он успел бы заметить два больших корабля, похожих на асирские ладьи — остроносые, на веслах, под широким квадратным парусом. Из кораблей, расплескивая сапогами воду, выпрыгивали воины в боевых доспехах, с обнаженными мечами. А на берегу, извиваясь, как червяк на крючке, выл от ужаса Аридо, в своем истинном чешуйчатом облике, пригвожденный к камню сверкающим полумесяцем Рана Риорды, Небесной Секиры.

— Дракон! — кричал предводитель атлантов. Он был высок и темноволос, плечи и грудь его защищал искусно выкованный доспех из светлого металла, похожего на серебро, из-под доспеха, закрывая живот и бедра, свисала кольчужная рубашка. Руки его были пусты, видно, он только что метнул Рорту, чтобы не дать чудовищу уйти. Громкими криками подгоняя товарищей, он карабкался на берег впереди всех, ему не терпелось добить раненого ящера.

— Погоди, приятель, — сказал ему Конан негромко.

Воин в светлых доспехах так и замер от неожиданности: только что перед ним был дракон, у которого в шее торчала его секира, и вдруг — р-раз! — дракона заслонил собой как из-под земли выскочивший незнакомец. И в руках неизвестный заступник держал священное оружие рода Южного Ветра!

— Погоди, не торопись, — повторил Конан. Он едва успел первым подскочить к секире и выдернуть ее из камня. Волшебный топор шутя разрубил бирюзовую броню Аридо, но зацепил только шкуру, пригвоздив к земле мощную шею. Дракону повезло, что он сильно похудел за последние дни, так что кожа, топорщась чешуей, свисала дряблыми складками, не то он на месте расстался бы с жизнью. Когда Конан вырвал из раны секибу, он тонко взвизгнул и отполз подальше. На камне, прорезанном Рортой, растеклась маленькая лужица крови. Лицо Конана побелело от ярости, это стало видно даже сквозь загар.

— Что тебе сделал мой зверь, что ты швыряешь в него чем попало? — крикнул он, угрожающе выставив перед собой секибу.

Древко волшебного топора грело руки, словно живое, вливая силу в его истомленное тело. Сейчас, снова с Рортой в руках, киммериец был готов схватиться с тысячным войском. Но Небесная Секира не поднимется против потомков Гидаллы, вспомнил он. Что ж, значит, она не поднимется и против него тоже! Конан распрямил плечи, вскинул голову и с вызовом посмотрел на нынешнего хозяина Рана Риорды, застывшего перед ним с выражением крайнего изумления на красивом смуглом лице.

Атлант был выше варвара на целую голову, но зато уже в плечах. Он смерил Конана долгим и пристальным взглядом, словно не зная еще, как поступить с незнакомцем, осмелившимся коснуться священного оружия его рода. Более того, угрожавшего ему с его же секибой в руках! Воин мысленно возвзвал к духу Рана Риорды, но не получил ответа.

Ее сияющий полумесяц был безмятежно-светел, словно на этот раз она предоставляла

двум своим хозяевам — прежнему и нынешнему — самим разбираться между собой. Атлант, изумленный и даже непуганый ее безразличием, продолжал молча созерцать киммерийца. Наконец он махнул рукой своим людям:

— Сюда, братья! В наших землях чужак!

— Такой ли уж я чужак вам? — спросил Конан на своем родном языке. — Если так, то попробуй снести мне голову своей секирой!

Брови гиганта сошлись на переносице.

— Ты говоришь, как мы, и в то же время как-то иначе, — сказал он наконец. — Кто ты такой? И почему называешь дракона с Потаенных Островов своим зверем?

Пока он задавал эти вопросы, воины с кораблей плотным кольцом окружили Конана и дракона, выставив вперед обнаженные мечи. Киммериец знал, что Рорта не прольет его крови, но вряд ли такой же заговор положен на все оружие атлантов! Ему нужно было как-то выйти живым из этого кольца и вывести живым дракона. Конан мельком взглянул на него: тот лежал на камнях бесформенной глыбой и тихо поскучивал. Стиснув зубы, Конан выбросил вперед и вверх руку с секирой, словно это был королевский штандарт:

— Ну! Рорта! Что же ты молчишь? Эти люди хотят знать, кто я такой!

Не из самой секиры, а откуда-то рядом послышался знакомый клекочущий смех. Замыкая собой треугольник, из жаркого марева, столбом стоящего над утесами, сгустился призрак в серебристом плаще. Он становился все плотнее, сквозь него уже едва виднелись серые камни. Смех зазвучал громче, и дух секиры сказал:

— Я же велел тебе, Раттера, никого не брать с собою, кроме твоей дочери и команды! Разве так встречают гостей и родичей?

Предводитель атлантов нахмурился: он явно не видел в пришельцах ни гостей, ни родичей. А призрак рассмеялся снова и объявил, уже глядя на Конана:

— Ты — Конан из Киммерии, далекий потомок Детей Гидаллы. Ты когда-то высвободил меня из темницы крепости Файон, а после мы с тобою и с еще одним приятелем разнесли эту крепость по камешку. Славное было время!

— А что было потом, Рорта? — спросил Конан, все еще сжимая теплое дерево секиры.

— А потом ты вез меня на край света и оставил покоиться в белой колыбели на вершинах туманных утесов, — отвечал дух. — И я лежал на алтаре, погруженный в грэзы о том, что скоро придет ко мне новый хранитель, которому я буду служить так же, как служил всем потомкам Гидаллы. И новый хранитель пришел! Вот он, перед тобой!

— Так ты и есть тот Конан? — недоверчиво вымолвил атлант, снова оглядывая киммерийца с головы до ног. — Но ты ничего не сказал мне! — обернулся он к духу. — Ты показал мне дракона и велел плыть к северным островам, а о Конане не было ни слова!

Дух снова рассмеялся. Конан заметил, что призрак, когда-то и лицом и фигурой походивший на него самого, теперь больше похож на своего нового хозяина: выше, уже в плечах, да и волосы посветлее. Но глаза Рорты не изменились — из-под капюшона по-прежнему горели неукротимым светом синие, как сапфиры, глаза.

— Иногда полезно не знать всего! — заявил дух. — Не беспокойся о своем драконе, Конан, я почти не задел его, только шкуру попортил. И мы привезли ему лекарство!

— Какое еще лекарство, — начал было атлант, но призрак повернулся к нему и велел:

— Пусть приведут твою дочь, Раттера, прекрасную Иор. Пусть споет она песню, тихую и нежную. И пусть уснет измученный странник, потому что он не спит уже много дней.

Раттера явно колебался. Он переводил взгляд с Конана на дракона, словно прикидывая,

могло ли доверять этим двоим. Сам он никогда не видел живого дракона, но у рода Южного Ветра было множество легенд об этих огромных и коварных тварях. Киммериец протянул ему секиру.

— Возьми. Тебе она больше пристала. И если и в самом деле есть на твоих кораблях девушка, умеющая петь, приведи ее. Потому что, клянусь Кромом, он умрет, если не заснет сегодня.

Атлант принял оружие и кивнул своим воинам. Круг распался, двое пошли к кораблям. Вскоре они вернулись, неся на сцепленных руках девочку лет пятнадцати. У нее были яркие синие глаза и черные косы до пят. Воины спустили ее на землю, и она пошла к отцу. Встав перед ним, Инор сначала вопросительно посмотрела на него, потом перевела взгляд на Конана — и тут же зарделась, вспыхнула щеками и прижалась к Раттеру. Видно, не сразу поняла, что чужой, подумал Конан. Значит и впрямь похож он на ушедших атлантов и в жилах его течет древняя кровь, крепкая, как старое вино, что с годами не киснет, а лишь набирает силу. Дракона темнокосая красавица, казалось, не заметила. Впрочем, сейчас, съежившись, неловко подвернув под себя голову и лапы, он походил больше на серо-голубой обломок скалы, невесть откуда принесенный на каменный остров.

— Спой нам, Инор, — мягко сказал Раттера, обняв ее за плечи.

Девушка послушно села, сложила руки на коленях и запела голосом чистым, как хрустальный колоколец:

Послушай, спою тебе песню одну:
Светлая дева жила в старину
Над озером среди гор.
Ясные звезды, с неба луну,
Звенящую горную тишину
Вплетала она в свой убор.

Инор пела, и тихое поскуливание дракона сменилось ровным сопением: он спал. Похоже, девушка и в самом деле не увидела в большом голубом камне живого существа, она просто пела, потому что ее об этом попросили — для отца и для синеглазого незнакомца.

* * *

— Десять дней назад, — рассказывал Раттера, — я увидел в секире огромного зверя. Он жег корабли и убивал людей. Я спросил Риорду: что означает это видение, но он только рассмеялся. А три дня назад он показал мне этого же зверя, плывущего в океане, и сказал, что он плывет сюда. «Что нужно сделать?» — спросил я. «Плыви к северным островам ему навстречу, — ответил мне он. — И не бери с собой никого, кроме Инор, твоей дочери». Я решил, что он снова смеется надо мной. В мое время с Потаенных Островов уже не приходили эти твари, но наш народ сохранил легенды о том, как полчища их обрушились на наши земли во время Катастрофы.

Когда песня закончилась, Раттера велел своим людям вернуться на корабли, а сам

остался с Конаном и драконом. Рорта тоже не торопился исчезать. Атлант и киммериец сидели на камнях, дракон сопел и чуть поскучивал во сне, как собака, дух секиры парил над ними голубоватым облачком.

— Ты уже второй раз говоришь: «Потаенные Острова», — заинтересовался Конан. — А знаешь ли ты, где они находятся?

— Конечно знаю, ибо неоднократно видел их издали, — ответил атлант, немного удивленный вопросом. — Но попасть на них невозможно, их охраняет сильнейшая магия, мне неподвластная.

— Этот — попадет, — заверил его Конан, кивнув на дракона. — Он только и мечтает, как бы поскорее очутиться дома. Я взялся его довезти, мы туда и плывли, да нас, видно, отнесло течением. Он может спать только там — или под чью-нибудь колыбельную. А из меня певец никудышный.

— Помнится, ты все же выиграл состязание певцов в Прадешхане, — ввернул призрак со смехом. — Или я что-то позабыл за прошедшие годы?

— Ну, — хмыкнул Конан, — то было просто. Если бы судил мужчина, мне бы ничего не досталось. Но судила женщина, а женщинам в мужчинах нравится не голос, а кое-что еще!.. Так далеко отсюда эти острова? И в какой стороне лежат?

— Отсюда — на северо-восток, — ответил Раттера. — Пять дней пути при хорошем ветре.

— Этот высится, так будет нам любой ветер. — Конан похлопал дракона по бирюзовому боку. Тот проворчал сквозь сон что-то бранное и снова затих. — А что за люди там живут?

— Доподлинно никто не знает, даже Рана Риорда. Говорят, что они живут тысячу лет, что каждый из них маг и постиг все премудрости земные и небесные. Я сам сведущ в магии, но проникнуть на их острова не могу, хоть и пытался не один раз. Говорят еще, что они такой же древний народ, переживший Катастрофу, как и мы. Еще говорят, что они ездят верхом на драконах и пашут на них землю, но это уже, конечно, сказки. Как можно впрячь дракона в колесницу или навьючить на него седло? Нет, драконы всегда были их воинством. Многие из них могут дышать огнем, превращая людей в головешки в единый миг, иные умеют прокапывать под землей огромные тоннели. Страшные твари! Я бы на твоем месте не слишком стремился попасть в те земли!

Призрак тем временем рассматривал свернувшегося в клубочек Аридо.

— Помнится, когда я последний раз встречался с одним из них, тот был гораздо крупнее, — проклекотал он. — Ты везешь домой самого последнего дракона, Конан. Если бы было иначе, я не задумываясь убил бы его. Но жители Нихон-но будут счастливы видеть его и уже больше никуда не отпустят. Поэтому плывите, куда плывли. Больше драконы не обрушатся ни на Туранский материк, ни на земли Му. Хотя... кто знает, что будет через тысячи тысяч лет? Так далеко я заглянуть не могу.

— Страна магов... — пробормотал Конан. — Что-то мне не слишком хочется туда плыть...

— Зачем же ты плывешь туда? Там и в самом деле опасно, клянусь Всемирным Равновесием! Твой дракон теперь и сам доберется до них, а мы дадим тебе и судно, и хорошую команду. Или Рана Риорда перенесет тебя туда, куда ты сам пожелаешь.

Предложение звучало заманчиво, и Конан покосился на спящего дракона — тот и в самом деле мог бы и один доплыть отсюда до своих островов! Еще неизвестно, как встретят

чужака жители загадочной земли, куда не могут пробиться даже корабли атлантов. Или вдруг Аридо потеряет голову от счастья и откажется везти напарника обратно? Но на вендинском берегу киммериец пообещал дракону не бросать его, а, как говорится, давши слово — держись, даже если давал его злейшему врагу.

— Нет, — покачал он головой, — не могу. Я потребовал у него, чтобы он больше не убивал без нужды, а в ответ пообещал, что не брошу его по дороге.

Он рассказал о том, как встретился с драконом, почему согласился искать с ним неизвестный остров («Три острова, — поправил Рана Риорда, — три острова в виде раскрывшего пасть дракона, и называют их Нихон-но, Земля-Среди-Морей»), как они поплыли в Вендию и узнали там, где же лежат эти самые острова, как вышли из гавани Ланки и как сбились с курса, хотя шли прямо на восход.

— Здесь из Вендейского моря, огибая Уттарийский полуостров, идет сильное течение, — пояснил Раттера. — Вы каждое утро выравнивали курс и потому задели его только краем, иначе вас снесло бы прямо в Мертвое море, Кладбище Кораблей, как мы его называем. Туда прибывает все суда, погибшие между нашими землями и Внешними островами.

— У нас почти кончилась вода, последний раз мы брали ее на островке к востоку от Последнего острова, — продолжал Конан. — Поэтому, увидев землю, я свернул сюда. По правде сказать, я уже отчаялся, думал, он так и издохнет у меня на руках.

Выслушав его рассказ, атлант какое-то время молчал, затем серьезно сказал:

— Если ты так настойчив в своем желании дойти до края мира, я не стану тебя больше отговаривать. Но, быть может, в наших силах что-нибудь сделать для тебя? Я исполню любую твою просьбу, Хранитель Рана Риорды. Ибо среди детей Гидаллы ты теперь известен именно под этим именем. Дух секиры поведал нам вашу историю, и, поверь, весь род Южного Ветра благодарит и благословляет тебя. Здесь, на этой удаленной от всех пределов земле, у нас нет двуногих врагов, но есть множество иных неразумных тварей, которые нападают на наши города, портят посевы и крадут детей.

Мы научились с ними справляться, не рассчитывая на волшебное оружие предков, но Рана Риорда — талисман, могущественный и древний. Когда установлен мир, выиграны все войны и развесаны по стенам доспехи, такие талисманы остаются защитниками и хранителями своего народа, даже если речь идет о мирных днях. Я думаю, каждый народ должен иметь свой талисман, который мог бы передаваться из поколения в поколение, вселяя веру в сердца, даря исцеление и покой в мире и силу — в битве...

— Ты прав, Раттера, — кивнул Конан. — Тогда я был моложе и думал иначе, а сейчас не оставил бы Рорту одному только себе. Если талисман призван охранять чей-то род, он должен принадлежать этому роду. Только сычи Сета копят в своих башнях талисманы для себя и никого больше. Ну, — тут он усмехнулся, — оттого-то, наверное, долго и живут.

— Если талисман сделан, чтобы защитить не одного, а многих, он не принесет счастья, запертый в сундуке мага, — покачал головой Раттера. — Иначе все земли давно бы уже оказались под властью одного бессмертного безумца... К счастью, это не так. Рано или поздно могущественный талисман зла приносит зло тому, кто его создал, а талисман добра — мир и и благополучие многим.

Рана Риорда, утраченная нашим родом, побывала в разных руках, долго томилась в плена у стигийцев, пролила потоки крови, но, лишь вновь попав в руки, для которых была откована, обрела всю мощь и силу настоящего талисмана. Я хотел бы, чтобы каждый мудрый и справедливый правитель Хайбории имел бы свой светлый талисман, оберегающий его

народ и сильный только в добрых руках. Такому королевству не страшны бы были все козни стигийцев и кхитайцев вместе взятых. Тогда, быть может, удалось бы сокрушить наконец жуткие обители мрака, откуда тьма расползается по всему миру...

Раттера замолчал, прикрыв глаза. Взгляд его был туманен и мечтателен. Конан, хмурясь, думал о том, что, если не считать Рорту, до сих пор ему не приходилось сталкиваться с талисманами власти, приносящими добро, зато не однажды добирался он до вершины темной башни, где сидел какой-нибудь иссохший от чернокнижия маг и колдовал себе кольцо или камень, или волшебный скипетр, суливший ему власть над всем миром. И сколько таких будет еще...

Их размышления оборвал резкий голос призрака:

— Потерпите, потомки Гидаллы, еще будет в Хайбории король, которому боги пошлют талисман невиданной силы. Он восстановит долгожданный порядок, и после веков тьмы придет к нам время света! Правда, не навсегда, ибо даже самые могущественные талисманы можно украдь, очернить или замуровать в древней крепости Файон. Но это будет, и будет очень скоро!

Я уже вижу могучего владыку на троне, правящего мудро и справедливо. В руке у него страшное оружие, света его бегут и жрецы Сета, и маги Красного Кольца, и приспешники Белого Квадрата. Он сравняет их твердыни с землей, он разметет по свету их тени, они будут бояться одного только звука его имени!

— Что-то у меня в последнее время начинает живот болеть от пророчеств, так меня ими перекормили, — недовольно проворчал Конан. — Все вы, провидцы, одинаковы: говорите загадками и намеками, никогда от вас не добьешься ничего путного.

— Скоро ты убедишься в том, что истинные пророчества не повисают в воздухе, а всегда исполняются в срок, — возразил ему на это Рана Риорда. Полумесяц секиры лежал на коленях у Раттеры, в его зеркальной поверхности на миг промелькнуло изображение высокого широкоплечего гиганта в черных доспехах, с сияющей короной на голове. На бедре у него был огромный меч с усыпанной камнями удачи и счастья рукоятью, в левой руке держал он огромный щит, а в правой, высоко поднятой над темноволосой головой, сжал нечто, от чего исходил ослепительный алый свет.

— Так будет, — сказал призрак, и глаза его сверкнули смехом. — И так будет очень скоро. Ну, раз тебе не нужны пророчества, то я сделал для тебя все что мог и большего сделать не могу. Твой дракон спит, когда он проснется, будет снова свеж и бодр. А пока он спит, ты...

— Ты будешь желанным гостем на моем корабле, — перебил его Раттера, вставая. — Я с радостью принял бы тебя в своем доме в Торанноре, но до наших гаваней отсюда два дня пути, вряд ли твой дракон проспит столько времени, чтобы ты смог побывать у нас в гостях по-настоящему. Но мы не уйдем, пока вы не двинетесь в дальнейший путь.

Конан снова подумал о хорошем куске мяса и слегким слюнотделением.

— Ты спрашивал, что ты можешь для меня сделать, Раттера... Достаточный ли запас вина на твоем корабле? — спросил он озабоченно. — Я не брал в рот ни капли с тех пор, как кончился последний кувшин, а было это шесть дней назад.

Атлант заново оглядел мощную фигуру киммерийца и не менее озабоченно покачал головой.

— Не знаю, не знаю, — задумчиво сказал он. — Кажется, у меня еще оставался бочонок — тот, что не влез ни на одну телегу, когда мы перевозили вино последнего урожая.

Небольшой такой бочонок... Примерно с меня ростом!

— А ну-ка, где он? — хищно поинтересовался Конан и вскочил на ноги. — Надо бы проверить, может, он гораздо меньшее, чем ты рассказываешь!

— Ну, — рассудительно ответил Раттера, шагая с ним по берегу к покачивающимся на мелкой волне кораблям. — Проверить это очень просто. Я выше тебя, и, значит, если ты поместишься в него с головой и еще останется место, я не соврал!

Киммериец расхохотался.

— А если он влезет в меня и еще останется место?

— Ну, тогда я скажу, что ты гораздо больше, чем кажешься на первый взгляд! — расхохотался в ответ предводитель атлантов.

ГЛАВА 9

Остров, где рождаются драконы

Три дня пути до заветного острова были исполнены мучительного бездействия для Конана и нетерпеливого ожидания для дракона.

Уподобившись гигантской черепахе, дракон день и ночь плыл на северо-восток. Панцирем ему служила лодка, для удобства освобожденная от таких излишеств, как мачта и парус. Аридо удерживал ее в изгибе сильного тела, извиваясь по-угриному только хвостом. Голова его гигантской рострой возвышалась над бушпритом, все вместе выглядело величественно и странно.

В лодке, словно младенец в колыбели или какая-нибудь знатная госпожа в открытых носилках, восседал Конан. Пожалуй, сравнение с младенцем было более близко к истине, потому что почти всю дорогу киммериец только и делал, что ел и спал.

И еды, и питья щедростью Раттеры у него было вдоволь, будь его воля, атлант набил бы лодку от носа до кормы всевозможными яствами и мехами с вином. Киммериец чувствовал себя гусем, которого аквилонские хозяйки откармливают к зимнему празднику Митры — подвешивают в кладовой, чтобы он не мог двигаться и не согнал накопленный жир, и насильно запихивают в клюв лущенные орехи.

Время от времени он уговаривал-таки дракона несколько умерить бег и дать ему выкупаться. Аридо и сам был не прочь просто порезвиться в теплой ласковой воде, подныривая под Конана и щекоча ему бока длинными усами. Плескаться и дурачиться он мог бесконечно.

Пока они плыли, Аридо рассказывал ему, что драконы бывают четырех разных окрасок: голубые, как он, красные, бурые и золотые. Голубые — драконы воды, красные посвящены огню, бурые — земле, а золотые — ах! — здесь Аридо мечтательно вздыхал — золотые, крылатые, самые прекрасные из всех, принадлежат воздуху.

Судя по его ахам и вздохам, на островах среди золотых драконов была одна, к которой Аридо особенно благоволил.

Однажды Конан прямо спросил его об этом, и дракон, смущаясь, признался: да, есть такая, он зовет ее Золотая Птица, а все остальные зовут ее по-другому, но на его имя она примчится быстрее ветра, как если бы ее позвал сам Повелитель Драконов. Конан на это только удивленно покрутил головой: ничего подобного он от Аридо до сих пор не слышал. Или по мере того, как они приближались к заветным островам, дракон вспоминал все больше и больше?

За последние три дня Аридо вообще очень изменился. Если к островам материка Му плыло угрюмое, усталое старое существо, то теперь в море летел, как стая дельфинов, резвящийся мальчишка в драконьей шкуре. От его язвительных речей, подозрительности и хитрых, злобных гримас не осталось и следа, он был беспечен, добродушен, только что не пел.

Киммериец мог легко поддеть его каким-нибудь ехидным и веселым замечанием, и дракон смущался, не зная, как ответить, словно растерял в дороге все свои колкости. Этот Аридо столь разительно отличался от того старого, злого и недоверчивого ящера, которого Конан увидел в пещерах под островом, что казалось, дракона подменили.

Впрочем, таким он нравился киммерийцу куда больше, чем прежним.

Наконец плавание завершилось. Конан дремал в своей лодке, когда его разбудил веселый окрик:

— Вставай, соня! Мы прибыли, распрягай лошадей!

Киммериец открыл глаза и потянулся.

Лодка стояла у берега, зарывшись носом в песок. А перед Конаном открывался самый прекрасный остров из всех когда-либо виденных, а повидал он их за свою жизнь немало.

Над высоким скалистым обрывом, просвеченными солнцем, вставали причудливо изогнутые красные сосны с плоскими, вытянутыми кронами. Их ветви оплетали ползучие травы и лианы, свешиваясь прихотливой бахромой, кое-где расцвеченнной мелкими россыпями ярких цветочков. Древние серые скалы, расколотые и избитые морскими ветрами, сплошь покрывал пестрый ковер рыжих и голубых лишайников, создавая причудливый, неповторимый узор. Ниже, вдоль прибрежной полосы песка, тянулись заросли никогда не виденного Конаном бамбука: черноствольного, с темной листвой, — а над ними, чуть шевеля листьями под тихим ветром, покачивались лопоухие банановые пальмы. Все это густо оплетали цветущие многоглазые лианы, запах их мелких, но ярких цветов смешивался с запахами зелени, сухой тины и моря.

Дракон торжественно выволок лодку с Конаном на берег и провозгласил:

— Приветствуя тебя на Самом Краю Земли, о Конан, Странствовавший Дальше Всех! Ну, как тебе моя Нихон-но?

— Сойдет, — отозвался Конан. — Немного пестровато на мой вкус, но сойдет. Заберись-ка, парень, на пальму и нарви мне бананов. У тебя это лучше получится, а на сытый желудок мне твои острова, глядишь, и в самом деле понравятся!

— Тебе позеленее или пожелтее? — отозвался дракон, мигом вскарабкавшись на самую толстую пальму — те, что потоньше, просто не выдержали бы его веса, да и эта наклонилась угрожающе низко.

— Рви, как себе!

Дракон приволок ему целую связку и бросил на песок, заявив в тakt укоризненному качанию собственного когтистого пальца:

— Я — бананы — не — ем!

— Ну и ладно, — покладисто отозвался Конан, извлекая из лодки свой мешок и развязывая веревку.

Из мешка он достал бережно упакованную бутыль и выставил перед собой. Дракон потянул носом и, презрительно фыркнув: «Вино!» — умчался кататься в песке родного берега.

Это было только к лучшему, потому что Конан хотел побывать один. Конечно, его отношение к бирюзовому ящеру сильно изменилось за прошедшие двадцать дней, ведь как бы ни был тебе неприятен твой спутник в начале дороги, невозможно злиться и проклинать его, как прежде, если за пол-луны вы пройдете полмира, попеременно вытаскивая друг друга из всяческих передряг. Но сейчас, сидя на теплом песке, глядя в море и потягивая темное бархатное вино, Конан думал о погибших Сагратиусе и Кинде, и ему не хотелось помнить о том, что причина их гибели резвится рядом в двух шагах, живая и невредимая.

Выпив бутылку до половины, Конан встал, отряхнул со штанов песок, вошел в воду и молча вылил остатки вина прямо в прибой. Не впервые ему приходилось поминать так погибших в море товарищей, но первый раз за все подобные тризы он промолчал. Ему

хотелось верить, что и сын великого Бога Пустыни Ша-Трокка, и непутевой, но по-своему ревностный служитель Митры нашли свое успокоение не на Серых Равнинах, а в каком-нибудь более подходящем месте. Сагратиус, рассказывая о чьих-нибудь подвигах во славу Митры, а таких рассказов он знал великое множество, обычно заканчивал повествование словами: «...и когда он умирал, он верил, что возвращается к отцу своему, светлому Подателю Жизни, и было ему по вере его». С некоторых пор Конан был склонен думать, что в этих словах заключена вся истина веры, а, быть может, и жизни. «Да будет вам по вере вашей», — повторял он про себя, глядя, как стекают в воду последние капли драгоценного напитка. Бутыль он заткнул пробкой и оставил на берегу — может, еще пригодится.

Обернувшись в поисках дракона, Конан увидел, что тот стоит неподвижно перед каким-то странным сооружением из выбеленных солью и временем корявых сухих стволов.

Подойдя поближе, он понял, что это не дерево. Это были кости.

Под скалой, растянувшись на целый полет стрелы, лежал огромный, как кит, скелет дракона. Гигантские ребра частью осипались, от вытянутого черепа осталось лишь навершие с гребнем на затылке и огромными глазницами. Аридо стоял перед этим памятником самому, наверное, большому дракону в мире и едва не плакал.

— Это Старая Мать, Сай, — сказал он подошедшему Конану. — Мать всех драконов. Теперь ее больше нет. А я так надеялся прийти и ткнуться носом в её теплый мягкий живот...

— Какой огромный, — пробормотал Конан в невольном изумлении. — И что, бывают такие огромные драконы?

— Сай было много тысяч лет, — ответил Аридо, — Драконы растут почти всю жизнь, а Сай жила очень долго. Она была всегда. Когда-нибудь, конечно, ее заменила бы новая самка, но мое яйцо снесла и высидала она.

Он лег и положил голову на лапы, вывернув гибкую шею. Киммериец слегка сглотнул вставший в горле ком — ему пришла в голову странная мысль. Он покривил в задумчивости рот, стараясь задать свой вопрос как-нибудь поаккуратнее:

— Аридо... Сколько тебе лет? То есть не сколько по-настоящему, а в пересчете на людскую жизнь?

Дракон задумался, высчитывая, и наконец, ответил неуверенно:

— Н-ну, лет пятнадцать, наверное, будет, а что?

Конан присвистнул:

— Ах ты, лягушачий потроха! А когда мы с тобой встретились, я дал бы тебе все пятьдесят!

Дракон вздохнул. На какой-то миг он снова стал старым, больным и усталым.

— Житье среди людей не идет нам на пользу, Конан. Мы становимся злыми, хитрыми и подозрительными. Мне немного на драконий счет, я, в сущности, еще маленький, но иногда чувствую себя глубоким стариком, так много я видел из того, что не следует видеть драконам.

— Чего же, по-твоему, не следует видеть драконам?

— Крови, войн, вообще зла. Драконы очень впечатлительны. Никто из нас, конечно, никогда не захочет служить злу, но может ожесточиться, как это случилось со мной... Ты прости, но меня что-то клонит в сон. Я подремлю тут дня два, а потом мы с тобой отправимся в обратный путь, куда сам захочешь. Теперь я найду дорогу сюда даже с ваших Серых Равнин...

Заснул Аридо прежде, чем договорил. Заснул под боком остова своей матери,

свернувшись в клубочек, как котенок. «Вот спит самый последний дракон в тени костей самого первого, — подумал Конан. — Что ж, два дня я как-нибудь потерплю. Пусть спит, он так мечтал здесь выспаться».

Пройдя по берегу, киммериец нашел родник со светлой, чистой водой. Судя по тому, что, примостившись на камешке, из него пила какая-то пичуга, вода годилась и человеку. Конан вернулся за бутылью, еще хранившей запах вина, и наполнил ее из родника. Затем вычистил меч и нож и отправился в лес раздобывать себе что-нибудь на ужин. Одни только бананы казались ему скучным рационом. Были, конечно, еще остатки снеди, подаренной Раттерой, но Конану хотелось чего-нибудь свежего и желательно жареного. Сущеное мясо и фрукты, даже самые сладкие, опротивели ему вконец.

Пробираясь меж деревьев и выглядывая какую-нибудь некрупную дичь, которую можно было бы подранить ножом, Конан так увлекся, что слишком поздно услышал тонкое шипение, с каким захлестывается большинство веревочных ловушек. Мгновением позже он был уже вознесен к верхушке большого дерева, опутанный тонкой и прочной сетью. Проклиная свою неосторожность, киммериец высвободил руку с ножом и принялся перерезать сетку, производя при этом чудовищный шум: сеть была увешана десятком звонких колокольцев, они оглушительно звенели при малейшем движении пойманного.

Прорезав большую дыру, он кое-как выпутался из сети и спрыгнул на землю. И оказался лицом к лицу с маленьким человечком, явно прибежавшим на звон. Изумленное выражение его лица красноречиво свидетельствовало, что киммериец оказался вовсе не той добычей, на которую он рассчитывал.

Человечек был маленького роста, еще меньше, чем низкорослые кхитайцы. Он вообще был очень похож на кхитайца: узкий разрез темных глаз, желтоватая гладкая кожа, иссиня-черные густые волосы.

Но лицо его не носило того отпечатка замкнутости и хитрости, который так свойствен всем кхитайским лицам. На вид ему было лет тридцать. Огромного киммерийца он разглядывал без страха, но с величайшим любопытством.

— Прости, друг, — сказал Конан по-кхитайски. — Я не знал, что у тебя здесь ловушка. Если я лишил твою семью ужина, то, может, ты возьмешь несколько монет?

Незнакомец, наморщив лоб, внимательно слушал его речь. Видно, кхарийский язык звучал немного иначе, чем кхитайский — или этот человечек просто не ожидал его услышать от чужестранца.

— Ты хочешь предложить мне деньги за испорченную сеть? — спросил он, наконец, на чистейшем кхитайском языке — такой внятный и мягкий выговор Конану доводилось слышать только в столице. — Или за то, что распугал всю дичь на десять миль вокруг?

— И за то, и за другое, — ответил киммериец. Денег у него было предостаточно, ему не хотелось ссориться с жителями островов Аридо.

— А что ты сам делал в этом лесу? Тоже охотился? — продолжал спрашивать человечек. Конан кивнул. — Тогда ты оставил без ужина не только наши семьи, но и себя. Идем со мной.

— Куда? — насторожился киммериец.

— В город. У тебя же есть деньги? Ты купишь нам мяса, а заодно поешь сам.

Так просто! И его даже не спросили, кто он такой и откуда здесь взялся. Расценивая его замешательство как муки совести, человечек махнул рукой в сторону сети:

— О ней не беспокойся. Я пошлю своего сына, он ее снимет, а потом мы ее починим.

Идем. Здесь не очень далеко, к вечеру будем. Лишь бы успеть на базар до закрытия.

Конан, изумленный такой простотой и беспечностью, последовал за новым своим провожатым. Тот, бесшумно вышагивая по едва заметной тропе, продолжал говорить, вернее, болтать:

— Я — Инака-охотник. В нашей деревне есть еще Инака-ткач, поэтому нас различают по прозвищам. Мы живем здесь, у реки. Мы — охотники. У самого берега есть другая деревня, Икугэ. Там живут рыбаки, мы покупаем у них рыбу и все, что они выловят из моря. Кроме кораллов и жемчуга, конечно. Это отправляется в столицу, Хаканари. Есть еще деревня на равнине — Соссягэ. Ее жители возделывают пашни и сады. И есть город — Яшидо. На его базар все окрестные деревни свозят то, что сумели добыть и вырастить.

Вот туда мы с тобой и идем. Мне было велено принести мяса для общего котла, но раз не удалось добыть его в лесу, почему бы не посмотреть в мясной лавке, правда? Сначала ты поживешь у нас, раз уж тебя нашел я. Потом ты выберешь, где тебе захочется жить — с рыбаками, охотниками или пахарями. Или, может, тебе больше понравится большой город или даже столица. У нас всякий может жить, где пожелает, неважно, высокий у него чин или низкий. Император одинаково любит всех нас и не делает различий между пахарем и придворным. А когда женишься, император пожалует тебе землю или, если захочешь, деньги — так у нас заведено. Это очень хорошо, что ты доплыл. Я не припомню за последние дни штормов, но ты такой огромный и сильный! — Инака еще раз оглядел Конана, для чего ему пришлось задрать голову, и восхищенно поцокал языком. — Ты мог приплыть и издалека на каком-нибудь обломке. Как твое имя?

— Конан, — буркнул киммериец.

Он был ошеломлен. Ни на одном берегу его еще не встречали подобным образом. И он пока не знал, радоваться ему такому приему или, наоборот, насторожиться. Охотник держался дружески просто и говорил вещи, которые были для него чем-то само собой разумеющимся. Наверное, любой потерпевший кораблекрушение только и мечтает, что о такой вот встрече: живи где хочешь и как хочешь, а надумаешь семью заводить, получишь все, что для этого необходимо, землю или деньги, подумал Конан и решил пока вести себя как чудом спасшийся утопленник. Но все же спросил:

— А если бы мне захотелось вернуться домой, к своим родным?

Инака даже рассмеялся, так забавно показалось ему желание нового жителя волшебных островов.

— А как? — спросил он, беспомощно разводя руками. — Кораблей мы не строим, а на рыбачьей лодке далеко не уплывешь! Да ты и не захочешь уплывать, вот увидишь!

Киммериец не стал более задавать праздных вопросов. Теперь ему было понятно, почему об этой земле шел слух, что добраться до нее невозможно: ни один из добравшихся сюда не вернулся, чтобы сказать об этом. «Значит, я буду первым», — усмехнулся про себя Конан. Пусть они тут строят только рыбачьи лодки. В его распоряжении был превосходный корабль, лучший из всех, когда-либо бороздивших просторы морей Хайбории: бирюзовый водный дракон по имени Аридо.

На базар они успели. И в деревню Инаки вернулись нагруженные разрубленной пополам тушей молодой телки. Посмотреть на пришельца сбежалась вся деревня, но, к удивлению и облегчению Конана, большая часть кхарийцев тут же разошлась по своим делам. Все они были точь-в-точь такие же, как Инака — маленькие, темноволосые и смуглокожие. Конан заметил, что среди жителей деревни очень мало стариков и еще меньше детей.

Инака был обязан кормить две семьи: свою и семью младшего брата, Токудо. Каждый из братьев имел по две жены, но лишь у Инаки был сын — застенчивый, но избалованный вниманием четырех женщин мальчишка лет десяти.

Женщины занялись ужином, а мужчины уселись на прохладной веранде дома, выходящей в большой сад, растущий, как пояснил Инака, не ради плодов, а ради «радости сердца». Одна из жен Токудо принесла кувшин золотистого, ароматного вина, которое здесь называли «оккарэ». Вино разлили по маленьким круглым плошечкам, и Инака рассказал брату, как он нашел нового жителя островов Нихон-но.

— Значит, ты предложил ему деньги за сеть, да? — смеялся Токудо. — Что же ты их не взял, братец? А чем вы подстрелили эту корову? Шишкой или палкой?

Конан и не заметил, как был готов и съеден ужин, а на веранде выстроилось уже три пустых кувшина, в то время как четвертый был полон лишь на треть. Братья что-то обсуждали, смеялись и подшучивали друг над другом: Конан почти не следил за их разговором.

И тут Токудо спросил его:

— Ты ведь останешься в нашей деревне, правда? Ты — охотник, сразу видно. К рыбакам не ходи, от них пахнет тиной и руки вечно в чешуе!

— Я нигде не останусь, — помотал головой киммериец. Золотой напиток плескался в нем, как в плоских чашечках, из которых они пили, по большой веранде расползались разноцветные светляки.

Братья опешили.

— Как это? — не понял Инака. — Должен же человек где-то жить.

— Должен, — ответил Конан, энергично кивнув. — Должен. Но не здесь, а у себя дома.

Кхарийцы переглянулись почти испуганно.

— Он как тот, с Лемурийских островов, — шепнул брату Токудо. — Давай я схожу за Исинаки Та.

— Иди, — кивнул старший брат, а гостю сказал: — Ты не будешь против, если к нам сейчас придет один друг? Это лекарь нашей деревни, человек мудрый и веселый. Мы часто сидим здесь вместе и любуемся на звезды.

— Веди! — разрешил Конан с новым кивком. — Веди хоть всю деревню!

Токудо отсутствовал недолго. Приведенный им «друг», деревенский знахарь и колдун Исинаки Та, оказался вертлявым старичком с лицом маленькой песчаной лисицы.

Сам он вина пить не стал, но подливал и подливал Конану, расспрашивая его о том, откуда он и как оказался в этих морях. Конан слушал его и отвечал словно во сне, завороженный магией его негромкого, медового голоса.

— Приходилось ли тебе убивать, Конан из Киммерии? — спрашивал стариk, и в глазах его светились ярко-красные лучистые светляки, точь-в-точь такие, каких уже было полным-полно на веранде.

— Да, клянусь Кромом! Воин живет битвой!

— Нет, — настойчиво возражал ему Исинаки Та, — война — это позор, убийство бессмысленно... Повтори за мной.

И Конан послушно повторял, глядя в горящие лисьи глаза и путая их с огоньком масляной лампы:

— Война — это позор, убийство бессмысленно...

— А кем ты был в своем мире, Конан из Киммерии? — продолжал вопрошать тихий

вкрадчивый голос Исинаки Та. Лампа на столе мигала, словно заговорщица, и Конан мигал ей в ответ.

— Воином, — слышал он свой голос, только почему-то очень издалека. — Воином. Мое ремесло было убивать!

— Ты ошибаешься, Конан, — тихо поправлял лекарь. — Ты был не воином. Ты был охотником. Самым искусственным охотником своей деревни. Ты знал следы всех зверей, ты мог идти по следу, не уставая, много дней...

— Я мог идти по следу врага, не уставая, много дней, — соглашался киммериец.

— Ты шел по следу зверя, ты находил его и убивал, и приносил в деревню много мяса, и все были довольны и говорили: «Конан — лучший охотник во всей Нихон-но!» — продолжал Исинаки Та. — И ты был доволен вместе со всеми. Повтори.

— И я был доволен вместе со всеми.

— Так кем ты был в своем мире?

— Охотником. Лучшим охотником во всей Киммерии.

— Хорошо! — Исинаки Та украдкой отер пот, заливавший ему глаза. — А как звали твоего бога, Конан из Киммерии?

— Моего бога зовут Кром, Владыка Могильных Курганов.

— Нет, ты ошибаешься. Твоего бога зовут Император Мотоясу, он живет в большом дворце на холме в Хакана-ри... Повторяй за мной: «Мой бог живет в большом дворце на холме в Хаканари...»

Конан вдруг вскочил, широко открыв глаза.

— Нет! — рявкнул он, выхватывая из ножен меч. — Мой бог — Кром, и во славу его я могу воздвигнуть большой курган на месте вашей деревни! Пусть еще только кто-нибудь скажет...

— Успокойся, что с тобой? — изумился Исинаки, не поведя и бровью на эту внезапную вспышку. — Ты, наверное, задремал, пока мы здесь беседовали, и тебе что-то приснилось, да? Мы говорили о том, что чтим нашего императора как бога, ибо он и есть для нас бог: старший в роду принца Иссэ. Вернее, старшего в роду сейчас нет в Нихон-но, он ушел странствовать еще до Катастрофы... Кто знает, жив ли теперь прежний государь, отец Мотоясу, и вернется ли он когда-нибудь во дворец Четырех Сезонов. — Исинаки сокрушенно покачал головой, Инака и Токудо повторили его жест, цокая языками.

Конан провел рукой по лбу, отгоняя наваждение. Видно, он и впрямь заснул под все эти разговоры. Медленно вложив меч в ножны, он опустился на прежнее место.

А Исинаки говорил и говорил, рассказывал про ушедшего императора и про то, как много было драконов до Катастрофы, а потом они все куда-то разом делись, и Старая Мать, что жила, не вылезая, в пещере под островом, выползла на берег и умерла от тоски по своим детям... Наконец гаснувший синий огонек лампы мигнул в последний раз и затух, и деревенский лекарь спохватился, что уже очень поздно.

Он начал прощаться, желая хозяевам и гостю тысячи лет радости и в сотый раз восхищаясь тем, что в деревне появился новый житель. Конан, утомленный всеми этими разговорами до боли в затылке, кое-как попрощался и повалился на постель уже спящим.

Тогда Исинаки Та на цыпочках прошел в его комнату, встал над ним и отчетливо проговорил:

— Ты очень хочешь повидать нашу столицу, Конан. Ты никогда не видел живого бога и теперь очень хочешь на него посмотреть. Ты очень хочешь на него посмотреть... И

отправишься в путь завтра же...

А киммерийцу в этот миг снился живой бог, которого он не только видел, но и называл «брать». Юлдуз сидел на земляной скамье под любимой сосной и голубыми камешками выкладывал на мягком мху маленькую фигурку дракона, ловящего себя за хвост.

Проснулся Конан поздно, с головой гудящей, словно пчелиный улей. Но Инака, посмеиваясь, дал ему выпить еще золотистого вина, говоря, что с непривычки у всех после оккарэ бывает и головная боль с утра, и тошнота. Особенно если выпито так много, как они выпили накануне.

— Глядя на тебя, я только диву давался, как может человек столько пить и не пьянеть, — смеялся Инака. — Но это правда, пьян после оккарэ бываешь не сразу, а наутро.

Конан опустошил два кувшина божественного напитка, и ему в самом деле полегчало. Он почти не помнил вчерашнего вечера: помнил только бесконечные разговоры и что его все время неудержанно клонило в сон. О чем он и сказал маленькому охотнику.

Кхариец снова рассмеялся.

— Больше я тебя так не буду мучить. А еще лучше — заведи себе свой дом и приглашай того и тогда, когда сам захочешь. Но Исинаки Та — самый уважаемый человек в нашей деревне, его игру на флейте приходит послушать сам градоправитель Яшидо. Тебе необходимо было с ним познакомиться, как необходимо каждому из нас хоть раз в жизни повидать императора.

В голове у Конана смутно всплыло что-то вроде «...ты никогда не видел живого бога...». Как это не видел, возразил сам себе киммериец, но упоминание об императоре его инстинкт варвара подсказывал ему, что удирать отсюда придется далеко не тем способом, каким он входил.

Оглядывая императорский дворец, Конан все больше убеждался, что нынешняя древняя и загадочная страна Кхитай — лишь отголосок, неумелая копия того, что было до Первого Потопа. Кхарийские дома с многоярусными крышами, с множеством галерей, садов и крохотных водопадов были похожи на кхитайские — но лишь на первый взгляд. В Кхитае все было творением мастера, искусного зодчего, умелого садовника. Здесь же каждая башенка жила, каждый водопад пел, а легкие, громоздящиеся одна на другую, как ласточкины гнезда, постройки, казалось, не стояли на земле, а висели в воздухе. В колонны ворот при входе во дворец были врезаны живые веточки кораллов, ракушки, камешки.

Так и чудилось, что сейчас из них в огромном рапане, запряженном морскими коньками, выедет владыка морей, Одерог, которому тайно поклоняются барахские пираты. Сразу за массивными двустворчатыми дверьми, вырезанными из панцирей гигантских черепах, при входе на новую галерею вставали новые ворота — из стекла. Тысячи хрустальных колокольцев вызванивали при каждом шаге проходящих мимо тонкую и забавную мелодию.

Это не могли выстроить человеческие руки, это могло возникнуть лишь по мановению волшебного жезла. Но кто-то, а уж Конан хорошо знал, что волшебный жезл годится не только на то, чтобы возводить дворцы.

Поэтому он не столько любовался искусственной работой кхарийских мастеров, сколько продумывал пути отступления. Было понятно, что через главные двери дворца выйти невозможно — и мышь не сумела бы неслышно проскочить мимо звенящих ворот, не то что гигант-киммериец. Но, поднимаясь на верхнюю галерею, Конан среди пчелиных сот внутренних двориков заметил один, выходящий прямо к стене вокруг дворца и огороженный

с двух сторон еще такими же стенами.

В этот дворик, с мощеной дорожкой к утонувшим в зелени и цветущих лианах павильонам, выходила маленькая дверца, пробитая в грубом сером фундаменте. Дворец стоял на холме и, чтобы выровнять его этажи, некоторые углы приходилось поднимать кладкой прочного серого камня.

В дворике дежурило только четверо стражей, и те казались скорее ленивыми ловцами бабочек, чем бдительными охранниками неведомого сокровища, что скрывали в себе утонувшие в зелени павильоны. Конан решил, что потайная дверца вполне послужит для его целей, и постарался запомнить, в каком крыле дворца она находится и как до нее быстрее всего добраться.

Миновав бесконечное множество галерей, залов и переходов, они вышли наконец в огромный низкий зал, стены которого были затянуты шелком с изображением драконов. Здесь были драконы всех четырех стихий, красные, голубые, бурье и желтые. Самых разных размеров, в самых различных позах извивались они вдоль стен, напомнив Конану синюю стену в гавани далекого Пайтала.

Из обстановки в зале было только высокое сиденье у дальней стены и длинные ряды цветных циновок вдоль стен — Конан уже знал, что здесь, в Нихон-но, циновка служит всем — от коврика до стола, и потому не очень удивился, увидев их в качестве скамеек в Зале Приемов. А что его привели именно в Зал Приемов, он не сомневался ни мгновения.

Часть стены отъехала в сторону, и навстречу гостям вышел кхариец в ярко-красных одеждах, высокой черной шапке и мягких, с загнутыми носками сапогах. «Господин распорядитель двора, Корэтика-сэй», — прошептал Конану Инака.

Красный кхариец вежливо поклонился пришедшим и осведомился о цели их визита. Инака робко проговорил:

— Сэй, я нашел этого человека в лесу. Его выбросило море, и он остался жив, он ведь такой сильный. Я не знаю, как уговорить его остаться у нас, потому что в нашей деревне его уже успели полюбить, и есть за что: он нечаянно порвал мою сеть и тут же предложил расплатиться за нее...

«Новые песни, — проворчал себе под нос киммериец. — Теперь он будет превозносить меня до небес, как торговец на невольничьем рынке». Но на самом деле он был немало изумлен: он-то полагал, что готовится ловушка, а его на самом деле просто хотят оставить всеми правдами и неправдами. Может, у них тут просто перестали рождаться дети? Он, помнится, не видел ни одного младенца в деревне Инаки, да и детей-подростков там тоже было немного...

— Как твое имя, пришелец? — спросил Корэтика. Голос у него был мягкий и звучный, словно отдаленное эхо.

— Меня зовут Конан, родом я из Киммерии, далекой стране на северо-западе.

— Почему же, Конан, не хочешь ты остаться в деревне охотника Инаки? Тебе по нраву какой-то другой город?

— Господин распорядитель двора неверно понял охотника Инаку, — с легкой усмешкой ответил Конан. — Я вообще не хочу оставаться в Нихон-но. Поэтому мне все равно, в какой именно деревне я не останусь.

Знатный кхариец чуть склонил набок голову.

— Как же ты полагаешь уйти отсюда? — мягко спросил он. — Кораблей мы не строим.

— Так же, как пришел, — дерзко ответил потерпевший кораблекрушение.

Корэтика окинул долгим задумчивым взглядом мощную фигуру киммерийца.

— Будь на твоем месте кто-нибудь другой, — сказал он серьезно, — я, вероятно, рассмеялся бы и махнул рукой — плыви! Но ты действительно можешь уйти. И потому я скажу тебе то, что не говорил никогда и не буду при этом смеяться: с этих островов обратной дороги нет. Либо ты останешься здесь, либо умрешь.

«По крайней мере, честно», — подумал Конан. Он ожидал чего-то подобного.

Но тут Инака с громким криком кинулся в ноги сановнику, причитая и уговаривая, и не сразу, а только через какое-то время Конан понял, что охотник уговаривает пощадить его, какое бы решение он ни принял! Поистине, ход мыслей этих людей был для него непостижим.

— Господин! — выкрикивал маленький кхариец. — Господин, милости! Ведь получится, что я привел его сюда на смерть! Не пускайте его, он погибнет в море!

Корэтика присел, взял охотника за плечи и поднял с пола.

— Добрый мой Инака, — ласково сказал он. — Ты перепутал. Не передо мной нужно стоять тебе на коленях, а перед ним. Уговаривай его, ибо его жизнь и смерть сейчас лишь в его собственных руках.

Инака оглянулся на Конана с явным намерением исполнить совет. Киммериец сплюнул в сердцах:

— Нергал вас возьми с вашими колдовскими штучками! Я буду жить там, где сам захочу, а вы грозите и умоляйте своих!

— Ты слышишь, мой сэй? Умоляю тебя, позволь ему увидеться с императором! Он изменится, он изменится, если поговорит с Сыном Неба!

На это распорядитель двора печально и отрицательно покачал головой.

— Увы, это не в моих силах. Два дня назад исчезла Кагия-химэ, Последняя. Никто не знает, куда она улетела, император в глубоком горе и никого к себе не допускает. Он не будет сейчас говорить ни с кем.

Видимо, новость была ужасна, потому что Инака, услышав ее, побледнел и, кажется, тотчас забыл о Конане.

— Кагия-химэ! Последний золотой дракон! Но, быть может, она охотится?

— Нет, иначе бы она пришла на зов. Сам видишь, друг мой, до вас ли нынче императору.

— Но, быть может, Старец Без Имени?.. — робко предположил охотник.

— Придворный маг занят поисками Лунной Девы. Но вот что я могу сделать. Пусть наш гость останется пока здесь. Я расскажу о нем императору за вечерней трапезой и, быть может, он найдет время поговорить с тобой, Конан.

— Не худо бы и меня спросить, хочу ли я с ним разговаривать! — отозвался киммериец. Происходящее начинало его забавлять.

— Пожалуй, я пока не буду этого делать, — со всею серьезностью ответил Корэтика. И прихлопнул в ладоши: — Акиро-сэй!

На его зов из стены появился пожилой кхариец в сопровождении небольшого отряда стражи. Одного только взгляда на его лицо было достаточно, чтобы понять: это — воин. Знакомый с Искусством Убивать не понаслышке, а коротко и давно.

— Что прикажет мой сэй? — поклонился он Корэтике.

— Проводите этого человека в покой для гостей, господин начальник дворцовой стражи, и сделайте так, чтобы он не вышел из дворца без вашего ведома.

Начальник дворцовой стражи поклонился еще раз, и его воины окружили Конана

плотным кольцом. Но не попытались отнять у него ни меча, ни кинжала, чем очень удивили и озадачили киммерийца.

— Следуй за мной, господин мой, — сказал ему Акиро с поклоном, и Конан подчинился. В конце концов, попытаться удрать он всегда успеет, а вот как они намерены его не выпустить?

Его проводили в небольшую комнату, совершенно голую, если не считать росписи на стенах, цветущей ветки в вазе в нише и все тех же неизменных циновок. Конан сел на пол, скрестил ноги и принялся ждать. Его разбирало какое-то странное веселье, словно он смотрел представление бродячих жонглеров и очень хотел знать, чем кончится запутанная история. Причина его спокойствия была проста: Юлдуз обещал ему возвращение на запад, значит, его старым костям суждено упокоиться не здесь.

Короткое время спустя ему принесли ужин: полный поднос крошечных тарелок с разнообразными кушаньями, из которых он опознал только тушеные в остром соусе овощи и рис. Но мясо — то ли птицы, то ли зверя, не разобрать, — было сочным и мягким, и Конан доел все без остатка, не гадая, из чего это может быть сделано.

После того, как проворная девочка-служанка убрала подносы, к Конану явился посетитель. Это был уже пожилой, седеющий человек с тусклым взглядом светло-серых глаз. Одет он был вычурно и богато, держался невероятно прямо, и потому киммериец справедливо заключил, что это сам император.

Ничего божественного не было в этом человеке с усталым лицом и темными кругами у глаз. Но что-то в нем показалось Конану знакомым, словно когда-то он уже видел этого или похожего на него человека. Император долго и пристально смотрел на своего гостя-пленника и наконец, проговорил:

— Я не хочу быть с тобою жестоким. И я очень устал, поэтому не буду тратить понапрасну время. Я не вижу причин пытаться переупрямить тебя в ненужном споре — ведь ты уже все решил. Я не спрашиваю твоего решения — подумай еще. Либо ты дашь мне слово, что остаешься и не делаешь попыток сбежать, либо ты умрешь — единственное, что я могу еще тебе предложить, это сделать твою смерть легкой и приятной. Даю тебе сроку до завтрашнего вечера. Думай. Завтра я приду за ответом.

Он тяжело поднялся и вышел. Конан спокойно сказал ему вслед:

— Завтра вечером меня здесь не будет.

Но император даже не обернулся. Пропавший дракон беспокоил его куда больше, чем еще не пропавший чужестранец.

Едва за окном стемнело, Конан выскользнул за дверь. То есть если то, что запирало его комнату, можно было назвать дверью: натянутая на большую раму искусно плетеная циновка, не вращавшаяся на петлях, а сдвигающаяся вбок. Каким образом подобную дверь можно было считать надежной преградой для пленника, киммериец понять не мог.

Серой неслышной тенью вышел он в коридор. Стояла такая тишина, что слышен был храп и посвистывание стражей, спящих за три стены. Коридор был пуст. Либо здешний повелитель уверен, что лабиринт переходов и галерей дворца — надежная преграда для любого, либо ждет от Конана решения остаться. Что ж, усмехнулся про себя киммериец, он убедится, что ошибся как в первом, так и во втором! Если бы император знал, что его пленник сумел выбраться из подземного дворца Аридоси, то сторожил бы его покрепче!

Как ни запутанно было хитросплетение комнаток, переходов, крытых галерей и бесконечных лесенок, Конан уверенно продвигался к облюбованной им дверце. У массивных

дверей из черного дерева ночью наверняка дежурит стража, а тот боковой выход в сад если и охраняется, то одним-двумя воинами, размышлял киммериец, скользя вдоль стен.

До сих пор ему не встретилось ни единого человека, но то там, то здесь, он слышал негромкие голоса, едва приглушаемые тонкими перегородками. Повторяя себе, что он вовсе не жаждет крови этого маленького древнего народца, Конан старался держаться от голосов как можно дальше, иногда делая большие петли, чтобы обойти опасный покой. Более всего он опасался чем-нибудь себя выдать, и потому с превеликой осторожностью сгибался под мигающими в темноте фонариками, чьи бесчисленные кисти часто были обвешаны колокольцами. Низкорослые обитатели дворца могли пройти под этими украшениями, не задев и нитки, а высокому киммерийцу приходилось буквально нырять под каждой балкой.

Наконец он выбрался к заветной двери. Её наполовину скрывала ширма, расписанная весенними цветами и пестрыми птицами. Дверца была темная, почти квадратная, без каких-либо признаков ручки, молотка или щеколды. Лишь замочная скважина говорила о том, что сюда можно войти при помощи ключа — или отмычки.

Ключа у Конана не было. Зато имелся большой опыт по вскрыванию замков, потайных и простых, с секретами и без. Он был уверен, что справится и с этим. Но стоило ему сунуть в скважину кончик кинжала и надавить, как откуда-то послышался голосок — не очень громкий, но тонкий и пронзительный:

— Тут кто-то хочет выйти без ключа? Хо-хо! Без ключа!

Конан отпрыгнул от двери и огляделся, выставив перед собой кинжал. Никого не было. Только из-за ширмы вышел зверек, похожий на черного пушистого котенка, и сел, облизываясь.

У него были большие лапы, толстое брюхо и круглая, непропорциональная голова и хвост морковкой. Но размерами этот котенок был с небольшую собаку.

«Кошка», — равнодушно подумал киммериец и снова принялся ковырять кончиком кинжала в замке. Что-то щелкнуло. Зверек зевнул, показывая розовую пасть и острые, как иглы, зубы, взглянул на Конана зелеными раскосыми глазами и сказал:

— Ты напрасно думаешь, что его можно открыть без ключа. Он магический.

Киммериец, едва не выронив кинжал, уставился на говорящую кошку. Ничего примечательного, кроме размеров, в ней не было — кошка как кошка. Однако она говорила, щуря на непрошеного гостя хитрые глазищи, и говорила вполне разумно:

— Поскольку эта дверь ведет в сад, а из него можно попасть в покой Четырех Императриц, ключ от нее есть лишь у нашего повелителя. — Зверек зажмурился, снова облизнулся и добавил: — И у меня-а-у.

По поверьям асиров и ваниров кобольды, мелкие духи-пакостники, часто принимали обличье кошек и подолгу жили в доме, дразня детей и крадя из кладовок все самое вкусное. До сих пор Конан не верил в подобные бабьи сказки. Но кем бы ни был таинственный говорящий зверь, он назывался хранителем ключа, и киммериец протянул руку, сказав как можно спокойнее:

— Ну так дай мне его. Я выйду, и ты запрешь за мною, как было.

Зверек дернулся хвостом.

— Ишь какой хитрый! Сначала поиграй со мной.

— Сначала я тебя придушу, — прошипел киммериец, теряя терпение. Времени было в обрез, каждую минуту его могли хватиться. — Мне нужно выбраться отсюда! Давай живее ключ, пока мы не перебудили весь дворец!

Черный любитель ночных игр как ни в чем ни бывало выгнулся дугой, потянулся и шагнул ближе к Конану.

— Нет, давай поиграем. Я сижу тут в стене дни и ночи совсем один, со мной никто не играет. Давай поиграем в загадки. Вот скажи к примеру: чем ворон похож на...

Договорить он не успел. Рука киммерийца вздернула его в воздух, стискивая тощее горло.

— Клянусь Кромом, ты сейчас будешь похож на поживу для ворона! Давай ключ, мне не до глупых загадок!

Кот беспомощно дернулся всеми четырьмя лапами и вдруг замер. В следующее мгновение сквозь пальцы Конана потекла вода. Изумленный, он переводил взгляд со своей мокрой ладони на лужицу, растекшуюся по керамическим плитам пола. Внезапно из лужицы вынырнули глаза и очертился рот, расплывшийся в широкой улыбке.

— Не хочешь играть в загадки, так и скажи. Злиться-то зачем? — пропищал оборотень. Сквозь его водяное тело просвечивало что-то золотое, очень похожее на ключ с затейливой бородкой. Бывший кот стянулся в тугой прозрачный шар и откатился чуть назад, оставив на полу мокрое пятно. Глаза его смотрели с прежним веселым любопытством. — Поиграем во что-нибудь другое. В догонялки, а?

Конана внезапно осенило. Он склонил голову набок и наморщил лоб, словно что-то прикидывая.

— Ладно, перевертыш, я поиграю с тобой в загадки. Только уговор: если ты моей загадки не разгадаешь, отопрешь дверь и отпустишь. А если я не разгадаю — буду играть с тобой до восхода солнца. Идет?

— Идет! — обрадовался страж двери и, взлетев с пола белой совой, уселся на ширму. — Ту-гу! Загадывай! Я не знаю ответа только той загадки, которую хотел загадать тебе! Так что давай загадывай скорее! И будем играть еще!

Конан сощурился и медленно, раздельно произнес:

— Пока я плыл сюда, я потерял двоих, потом нашел двоих, потом разделил двоих. А теперь мне осталось объединить двоих — и я смогу вернуться домой. Ну-ка, что это такое?

Оборотень развелся с ширмой, он сделал большой круг на бесшумных крыльях, спикировал на пол, превратился в маленький смерч и принял кружить у самых коленей киммерийца. Конан, ухмыляясь, слушал его невнятное бормотание:

— Потерял, нашел, разделил, осталось объединить... Зерно и земля? Ветер и парус? А, знаю! — Из вихря выпал прежний котенок-переросток и выпалил: — Человек и его душа!

— Неверно, — отозвался Конан не без злорадства. Страж двери печально лизнул черную лапу.

— Тогда человек и его тень? — неуверенно предположил он.

— Нет.

— Свет и Тьма!

— Нет!

Оборотень снова растекся мутной лужицей. По ней волнами пробегала рябь, словно ветер дул над крохотным морем. Вода стала грязно-желтой, успокоилась, и Конан услышал печальный вздох:

— Тогда не знаю. Сдаюсь. Бери свой ключ.

Лужица стремительно испарилась белым облачком.

Туман рассеялся, и на полу остался лежать маленький ключ. Конан с живостью

подхватил его и вставил в замочную скважину.

— Эй! — услышал он тот же писклявый голосок. — А разгадка?

— А вот этого, приятель, я тебе не скажу, времени нет, — отозвался Конан, поворачивая ключ. Раздался тихий звон, дверь распахнулась, открыв витую лестницу, ведущую вниз. Киммериец выдернул ключик из замка и бросился по ступеням.

— Нечестно! — раздался за его спиной истощный вопль. — Так мы не договаривались! Верни ключ и скажи разгадку! Нечестно! Оэ! Оэ! Стража! Здесь воры, убийцы, пожар! Хватайте вора!

Тоненький голосок вдруг сменился жутким ревом, загремевшим, как град по железному листу. Отовсюду послышались торопливые шаги и крики, дворец мгновенно ожил и загудел, как потревоженный улей. Конан кубарем скатился по ступенькам, толкнул плечом дверь внизу — и оказался лицом к лицу с четырьмя вооруженными стражами.

Они, конечно, слышали и вопли наверху, и то, как он спускался, а потому стояли наготове, обнажив хатаны. Голубой лунный блеск на полированной стали Конан увидел прежде, чем разглядел в темноте самих воинов. Он едва успел выхватить из ножен собственный меч. Рука его двигалась со скоростью почти неуловимой человеческим глазом, но прежде, чем киммериец был готов к бою, ему нанесли две раны — в правое плечо, разрубив мышцы до кости, и в грудь.

По счастью, вторая рана была не более чем царапиной, но прикосновение холодной стали разъярило Конана не меньше, чем быка красная тряпка. Обхватив рукоять своего меча обеими руками, он всю его тяжесть обрушил на одного из стражей, почти разрубив его пополам от ключицы до бедра. Одновременно с ударом Конан ускользнул в сторону от новой атаки, и клинок хатаны, тонко взвизгнув, полоснул по животу второго замешкавшегося кхарийца. Поднимая меч, Конан возвратным жестом вывернул левую руку и ударил тяжелой шишкой рукояти в лицо нападавшего стражи. Один был убит, двое оглушены, четвертый же, юркий, как угорь, скользнул под рукой киммерийца. Лезвие его меча вошло Конану точно меж ребер. Нанеся удар, кхариец отскочил и замер, полагая, как видно, что его противник сейчас со стоном повалится на траву.

— Кр-ромм! — выдохнул варвар. Он не чувствовал ни боли, ни текущей крови, глаза его горели яростным синим огнем. Кхитайский меч, описав сияющую дугу, с жадным чмокающим звуком вонзился в бок онемевшему воину. Он вытаращил глаза, захрипел и повалился под ноги Конану.

Тот стражник, которому Конан едва не выбил навершием рукояти все зубы, уже поднимался с колен, опираясь на меч. Беглец не стал дожидаться, пока он окончательно придет в себя. Вбросив кхитайский меч в ножны за спиной, Конан длинными стелющими прыжками устремился к высокой стене, окаймлявшей придворцовый сад. Взлетев на стену с ловкостью обезьяны, он перемахнул через нее и припал спиной к холодному камню, тяжело и со свистом дыша. Боль, смертельная жажда, головокружение и тошнота разом навалились на него, он едва не упал. Ни одна из полученных ран не была смертельна, но из трех сочилась кровь.

Крики, а затем брань и проклятия за стеной сказали ему, что преследователи добрались до покалеченных стражников, а это означало, что теперь они знали, в каком направлении скрылся беглец. Конан помянул Нергала и всех его узкоглазых прихвостней и, хромая при каждом шаге, морщась и кривясь от боли, побежал вниз с холма.

Ему повезло. Ни единой души не попалось ему навстречу, и он, никем не замеченный,

раненым тигром промчался через город и распаханные поля к темной полосе джунглей. Он почти ничего не видел, глаза застилала мутная пелена, в которой лунный свет казался красным, а стволы, лианы и камни высакивали навстречу из ниоткуда, словно живые. В лицо Конану пахнуло влагой, и он наугад поплелся в ту сторону, откуда пришел живительный порыв ночного ветра. Споткнулся о корень, едва не упал, снова споткнулся — и, съехав по глинистому обрыву, оказался по колено в воде.

Ручей протекал по дну неглубокого оврага, над ним плотным шатром смыкались ветви деревьев. Здесь царила такая тьма, что Конан не мог различить собственной вытянутой руки. Он побрел вниз по течению, надеясь, что ручей бежит через леса к той реке, которую он видел недалеко от столицы. Вода освежила его, он напился, но передвигался с превеликим трудом.

Так брел он, не сознавая, сколько прошло времени и как далеко он успел отойти — на такие размышления у него просто не было сил. Он знал только одно: когда он не сможет идти, то встанет на четвереньки и поползет. Он был уже очень близок к этому, когда услышал вдруг позади и вверху конский скок и голоса. Кто-то ехал над ручьем, ехал не торопясь, но и не медля. Беглец насторожился и, хоронясь за камнями, постарался подслушать разговор. Судя по металлическому бряцанию и отрывистым, четким фразам,очные всадники не были заблудившимися простолюдинами.

Голоса летели над едва журчащей водой, отчетливые и ясные, словно говорившие стояли от Конана в двух шагах. Кровь стучала у него в висках, он разбирал два слова из трех, но, расслышав, что речь идет о нем и том побоище, что он учинил во дворце, постарался не пропустить ни звука.

— Он не мог далеко уйти, — говорил один всадник, по голосу его, властному и спокойному, было ясно, что это — старший в отряде. — Ночью, пешим, да еще и раненый... Вы ведь ранили его, Корэтика?

— Да, мой сэй. Он получил не менее трех опасных ран. Быть может, этот безумец сейчас где-то близко, в двух шагах, лежит меж камней без памяти...

При этих словах Конан оскалился по-волчьи. В разговор вступил третий голос — молодой и гневный:

— Надо искать! Он не должен уйти! Он убил Наринаку!

И голос старшего сурово и в то же время мягко возразил ему:

— Наринака сам виноват. Император воскресит его, как уже делал это однажды, и пошлет к мастерам доучиваться. Вас всех следовало бы заново послать в школу! Как вы могли вчетвером не справиться с одним чужестранцем?

— Чужестранец силен и яростен, как раненый буйвол, а своим неуклюжим мечом владеет так, что еще бы нам поучиться, Акиро-сэй, — ответил ему второй голос. — Знай я, как он искусен, вовсе не стал бы тратить время на бой с оружием. Моего умения не хватит, но почтенный Старец Без Имени, наверное, сумеет разыскать его завтра.

— Да, — отозвался Акиро-сэй. Оказывается, в погоню за Конаном помчался сам начальник дворцовой стражи. — Император теперь еще больше хочет оставить этого человека среди нас. Что ж, пусть его ищет придворный маг. Едемте домой, уже поздно.

Голоса стали стихать — всадники повернули прочь от ручья. Вскоре перестук копыт исчез вдали. Конан перевел дыхание. В ушах у него по-прежнему бешено гудела кровь, перед глазами плавали темные пятна. «Колдуны проклятые! — с ненавистью подумал он. — Погодите, я еще доберусь до вас!» Но сейчас было гораздо важнее не допустить, чтобы они

сами добрались до него. Ему надо как можно скорее вернуться на побережье и разбудить дракона. Пусть проклятый ящер увозит его куда хочет, лишь бы подальше от этого острова!

Конан макнул голову в воду, и ему немного полегчало. Кровь теперь текла только из раны на плече, о царапине на груди он и думать забыл, а вот дырка в боку, проделанная кхарийским клинком, хоть и перестала кровоточить, но саднила и отзывалась болью при малейшем движении. Но он продолжал упорно двигаться вперед, пока вдруг снова не оказался в воде. Спасло его только то, что, падая, он успел подставить руки, и новая ванна вкупе с новыми царапинами и кровоподтеками вывела его из беспамятства прежде, чем он захлебнулся. Откашливаясь и отплевываясь, он ползком выбрался на берег и сел, прислонившись спиной к какому-то камню. Сознание медленно расплывалось. Он еще попытался заставить себя встать и пойти, но, не сделав и двух шагов, рухнул лицом в жухлые листья.

ГЛАВА 10

Двое в одном

На берегу, пачкая в песке драгоценные, затканные золотыми сосновами черные одежды, сидел древний старец. Лицо его, в котором Конан узнал бы лицо старика, вытащенного из соленой воды матросами «Покорителя Морей», было спокойно, как лицо божества или погруженного в медитацию вендийского аскета. Лишь глаза были почему-то не золотыми, а серыми. Немигающим взором орла смотрел он, как поднимается из-за его острова ослепительное солнце. Поистине, земли эти были избраны богами, ибо ее первой касались лучи благостного светила, когда после ночного отдыха оно медленно восставало из морских глубин.

— Аридоси, — негромко позвал старец.

Он произнес это имя так, словно тот, к кому обращался патриарх, был рядом, в двух шагах. Но прошло довольно много времени, пока из зарослей над песчаным обрывом появился бирюзовый морской дракон.

Он был не один. Сделав большой круг над лесом, на берег, взрывая песок огромными когтистыми лапами, опустился второй дракон. Он, вернее, она была ярко-золотой с красными крапинами вдоль гибкого хребта. Несмотря на то, что вновь прибывшая летунья превосходила Аридо размерами, она казалась тоньше и изящнее. Длинная золотая грива ее стелилась по ветру.

Аридо подошел к повелителю, его подруга почтительно улеглась поодаль.

— Тебя это тоже касается, Кагия-химэ, Лунная Дева, — кивнул ей стариk, и она с тихим ворчанием подползла поближе.

— Слушайте, дети мои, вот что вам надлежит сделать. В лесу у ручья, что впадает в реку Ити, к западу от дворца, лежит Конан, твой друг, Аридоси. Он ранен и обескровлен, он близок к смерти. Принесите его сюда.

Золотой дракон чихнул и взмыл в небо. Голубой посмотрел подруге вслед, взглянул на старика — тот утвердительно кивнул. И Аридо исчез в зарослях так же стремительно, как и появился.

Патриарх по-прежнему сидел на берегу и вычерчивал прутиком на песке какие-странные знаки. Солнце медленно укорачивало тени. Стариk ждал, не проявляя нетерпения или беспокойства: бессмертным не свойственно ни то, ни другое, а он был почти бессмертен. Когда жара стала слишком сильной, он перебрался в кружевную тень банановой рощицы и замер там, у большого, изъеденного солью и ветром камня.

Когда тень больших светло-зеленых листьев, съеживаясь, подобралась к лежащим на песке кончикам витых шнурков его пояса, со стороны леса послышались треск и возня. На берег, слившись в одно бирюзово-золотое тело, выползли драконы. А поперек их тесно прижатых спин лежал бронзовокожий варвар.

Опустив его наземь перед стариком, драконы, испросив изогнутыми шеями дозволения удалиться, умчались, вздымая тучи песка. Стариk склонился над лежащим. Протянув узкую желтую руку, он начертил в воздухе сложный знак. Кончики его пальцев светились. Знак вспыхнул и, пока он горел, постепенно затухая, раны, ссадины и кровоподтеки Конана затягивались, бледнели и исчезали, не оставляя шрамов. Киммериец глубоко вздохнул и

открыл глаза. В них еще стоял суровый лик божества, едва не унесшего его душу в свои чертоги, что вознесены где-то над миром в горах далекой Киммерии. Но, видно, старик уговорил седого бога-воителя подождать еще немного. Бессмертные умеют ждать.

— И долго ты собираешься так лежать? — спросил старик высоким и насмешливым голосом, совсем не похожим на голос Учителя. Но Конан на всякий случай помотал головой: ему на миг померещилось... Да нет, это был его дракон, только опять в человечьей шкуре. Киммериец сел, широко ухмыльнулся и подмигнул ему:

— И не надоело тебе таскать меня на своей спине, Аридо? В тот раз по воде, в этот — по суще. Но на этот раз, клянусь Кромом, это было весьма кстати!

Произнеся имя своего бога, он вдруг вздрогнул и застыл, окаменев, с широко раскрытыми глазами.

— Четверо было их, с клинками ясного лунного огня... Вода, камни и листья, помеченные моей кровью, указывали им путь... И я видел лицо твое, Владыка! Ты приходил за мной!..

Он снова помотал головой, отгоняя наваждение. Дыхание ветра Серых Равнин ледяным холодом ожгло его кожу. Чувствуя, что если еще хоть миг задержится в странном своем пребывании одновременно в двух мирах, то сойдет с ума, он вскочил на ноги. Небо качнулось у него перед глазами.

— Ты заглянул в глаза своему богу, — послышался снизу высокий дребезжащий голос. — Так же, как он когда-то заглянул в твои. Ты снова остался жив. Имей же силы выдержать память об этом и успокойся.

Словно из сна или сквозь толщу воды взглянул киммериец на своего спутника. Это был Аридо — и в то же время как будто не он. То же лицо в сети множества морщинок, та же узкая бородка, тот же взгляд... Но, приглядевшись, Конан понял, что изменился именно взгляд — стал острее, насмешливей и старше. Даже цвет глаз из желтого превратился в серостальной. Глаза сидящего перед ним напоминали клинок не только цветом: казалось, взгляд их пронзает насквозь, словно насаживает на тонкую, не толще солнечного луча, зин-гарскую рапиру. Конану стало не по себе.

— Ты кто таков? — хмурясь, спросил он. — Выглядишь точь-в-точь как мой дракон, когда превращается в человека. Ты из местных?

Старик медленно покачал головой из стороны в сторону. Теперь глаза его смеялись.

— Да и нет, — ответил он, — «Да» — на первый вопрос и «нет» — на второй. Вернее, не совсем нет. Я был «из местных» — когда-то, много тысяч лет назад, я здесь жил. И я и есть твой дракон, Конан. Я — тот, с кем ты прошел бок о бок весь долгий путь от одинокого острова до этих благословенных берегов. Но я — не Аридоси. Аридоси — там.

Он протянул руку и указал вдаль, где в тучах песка, щебня и мелких водорослей резвились на берегу два дракона — бирюзовый и золотой. Конан взгляделся, сощурясь, затем перевел взгляд на старика. Тот по-прежнему смеялся.

— Разве ты не помнишь, что сказал тебе Тай Юэнь? Ты потерял двоих, ты нашел двоих, ты разделил двоих. А разделив, соединил. Вот они, два последних дракона, безумствующие в брачном танце. Смотри, ибо больше ты нигде не увидишь ничего подобного.

Золотое и бирюзовое тела свивались в кольца, то тесно переплетаясь меж собой, то распадаясь из одного зверя в двоих. Гигантским неистовым вихрем кружились они по берегу и, судя по всему, были совершенно счастливы.

Конан сел на песок. На него вдруг навалилась усталость, он понял, что путь его окончен.

Старик коснулся его плеча неожиданно ласковым жестом.

— Ты завершил одно деяние, но на этом не закончен твой путь, Конан-киммериец, — сказал он, словно читая его мысли. — Боги привели тебя сюда, на самый край земли, чтобы ты знал, до каких пределов будет простираться твое королевство. Ни я, ни мой народ никогда не забудем твоей услуги, сын мой.

— Твой народ? — удивился Конан. Затем, сообразив, рассмеялся: он вспомнил, чье лицо напоминало ему лицо императора. — Так ты — тот самый правитель, что оставил остров сыну и ушел странствовать? В драконьем теле?

Старик бросил на него быстрый взгляд — киммерийцу снова показалось, что его пронзил острый луч — и сказал:

— Если ты и в самом деле готов слушать о вещах странных и удивительных, то садись и слушай.

Он закрыл на мгновение глаза, подставив лицо солнцу, затем выпрямился и начал свой рассказ.

— Слушай же, сын мой, ибо более ты не услышишь подобного ни от кого на свете, — важно проговорил старик, и Конан сел поудобнее на теплом песке, догадываясь, что рассказ предстоит долгий. — Да будет тебе известно, что боги этого мира враждуют постоянно — ведь невозможен союз и согласие сил света и тьмы, добра и зла, творения и разрушения, любви и ненависти, ибо не может быть света без тьмы и добра без зла. Но ни светлым, ни темным богам недозволено нарушать Великое Равновесие. Ибо, если рухнет этот мир, доверенный им старшими богами, негде будет им творить ни добро, ни зло.

Но и боги могут просчитаться!

Быть может, слишком увлеклись они своей враждой и не выдержали страшной тяжести опоры, застонала гигантская Черепаха, что несет на себе и наш мир, и множество иных миров, треснул ее панцирь, праматерь съежилась, оберегая свою жизнь, и кусок тверди провалился, а на его место хлынули жадные волны.

Быть может, извне прилетел огромный камень-скала и ударился о сушу, расколол ее, разбил на материки и мелкое крошево островов.

Быть может, под толщей вод морских разверзлась огромная дыра, вытолкнув жидкий огонь и приняв в себя скалы, на коих покоились плодородные земли атлантов.

Доподлинно этого, сын мой, не знает никто. Я не был во всех местах разом и не могу рассказать тебе, как вздыбившиеся волны захлестывали озера огня, разверзшиеся в горах, и скалы разлетались на куски, как рано или поздно разлетится на куски забытый на огне горшок с варевом, если придавить его крышку камнем.

Я сам попал в такую волну, меня швырнуло о берег, едва не раздробив кости. Но тогда мы с Аридоси были уже в одном теле, и он послужил надежной броней для моей бренной плоти.

Я оставил дом ради знаний, движимый неуемной жаждой увидеть весь мир. Ничто не предвещало беды. Молчали наши пророки, умевшие предсказать за десять дней простую бурю. Видно, все-таки смерть пришла извне, откуда-то из черной звездной бездны, иначе бы хоть кто-нибудь знал заранее о грядущем бедствии.

— Рорта знал, — ввернул Конан. Он слушал очень внимательно, но взгляд его был прикован к танцующим драконам. — Он знал и предупредил детей рода Южного Ветра.

— Бывает, и прорицатели ошибаются, — вздохнул старик. — Наши таблицы молчали. Впрочем, острова Нихон-но не пострадали от той бури, как видишь. Зато пострадали другие

наши поселения. Ведь мы тогда плавали по всему свету и жили не только в Кхитae, но и на островах близ Вендии, и на том материке, остатки которого ныне зовутся Барахскими островами. Мы не враждовали с атлантами и старались не встречаться с воинственными пиктами.

Что случилось с кхарийцами в остальных землях, я не знаю. Но те, кто бежал из Кхитая, гонимый переселенцами из Лемурии, приплыли сюда и остались здесь. Об этом, впрочем, я узнал только нынче утром...

Мы же с Аридо в своих странствиях оказались слишком близко к самому сердцу Катастрофы, чтобы успеть избежать ее. В самый последний миг я успел воссоединиться с драконом, чтобы пронести тело и душу через эти потоки огня и воды.

При этих словах патриарх лукаво сощурился и добавил:

— Если бы ты встречался с драконами до Аридоси, ты бы знал, что они не умеют разговаривать и совсем не владеют магией.

Конан хмыкнул.

— Он же самый последний на свете дракон. Где бы я взял другого, чтобы сравнить?

Старик кивнул, сразу посеръезнев.

— В этом и состоит величие твоего деяния, сын мой. Ты привел его сюда. Теперь великий род драконов не угаснет, хотя, как видишь, остался один дракон воды и один — воздуха. Но даже если их потомки не смогут летать, я буду не очень огорчен. Гораздо горше было бы утратить навсегда этих дивных животных. В силах ли ты слушать дальше?

— Да, отец мой, я слушаю.

— Очнувшись, я не узнал искалеченного мира. Там, где раньше были горы, теперь плескались моря, пустыни поглотили леса, реки перерезали ранее бесплодные пустоши, где росла одна лишь певун-трава. А благословенная Атлантида и острова пиктов, лежавшие в Западном океане, и вовсе исчезли с лица мира. Великая Катастрофа свершилась, Первый Потоп сравнял с землей древние царства и отнял тысячи тысяч жизней. Уцелели единицы. Но осталось несколько островов цивилизации, которых не затронуло буйство стихий — Кхитай, полудикие страны Запада, коренным жителям которых остались в наследство недостроенные города атлантов, далекий материк Му и наши острова, Нихон-но.

Когда я, вернее, мы с Аридо пришли в себя, то обнаружили, что круговорть Катастрофы так перемешала нас, что теперь мы не можем разделиться. Из двух существ мы превратились в одно. Аридо дал ему сильное тело, способность подолгу не есть и не спать, умение дышать в воде и передвигаться с немыслимой скоростью. Все драконы очень быстры, но у каждого рода была своя стихия, в которой они могли подолгу жить, не нуждаясь ни в чем: водяные драконы могли луну за луной проводить в море, драконы воздуха могли лететь и лететь без устали, догоняя солнце, драконы земли — рыть бесконечные тоннели, не вылезая из них, как кроты, драконы огня спускались в пылающие жерла вулканов и путешествовали в гигантской кузне земли. Аридоси был водным драконом, лучшим из молодых самцов, потому я и выбрал его для своих странствий...

Он был лучший дракон, а я — самый могущественный маг и бывший правитель этих островов. Смешавшись, мы создали существо, которое могло выжить почти везде. Единственной опасностью для такой твари были люди. Но были в этом слиянии и свои недостатки: я сумел дать новому существу лишь половину своего ума, а Аридоси — лишь половину своего чутья. Оставайся он настоящим драконом, он давно приплыл бы домой — его привел бы тот же инстинкт, который каждый раз приводит диких уток, родившихся в

теплом краю, к северным гнездовьям родителей.

В то же время как маг получившийся у нас зверь не был искусен настолько, чтобы вновь разделить себя на дракона и человека. Сначала мы оба очень мучились, но постепенно привыкли, а за две тысячи лет такого существования и вовсе позабыли, кто мы.

Ты своим появлением нарушил привычное течение нашей жизни. Мы понимали, что рано или поздно люди найдут и убьют нас — не оружием, так просто самим своим присутствием. Драконье ухо так чувствительно, что не выносит резких криков и фальшивой музыки, а обоняние так остро, что резкий запах может если не убить, то покалечить зверя. Жизнь в золотой клетке, в неволе, среди людей непременно доконала бы нас обоих. Нет, — сокрушенno покачал стариk головой с седым, легким, как семена одуванчика, пухом над смуглым теменем. — Мир людей совсем, совсем не подходит драконам!

— А вы-то разве не люди? — удивился Конан. — Ваш мир драконам вполне по душе, судя по этим двум влюбленным!

— Мы, конечно, люди, — словно с неохотой признал патриарх. — Но в то же время и не совсем люди. Наш народ приплыл на этот остров много тысячелетий назад. Здесь уже тогда жили драконы, ведь отсюда начинает свое дневное шествие Солнце, которое вы зовете Оком Митры. Здесь — край мира, и, как ни старались, мы не смогли найти иную землю еще восточнее нашей.

Когда наши предки поселились здесь, то, увидев первого дракона, безмерно испугались. А дракон испугался, увидев их, ибо до тех пор эти острова посещали лишь боги. Сюда прибыли корабли принца Иссэ, отправленного отцом в изгнание за пределы всех известных земель, в таком гневе был на него родитель — ведь он соблазнил собственную сестру. Бедный юноша, впрочем, не знал тогда, что это его сестра. Но даже в незнании кровосмесительство — великий грех, непростительный перед лицом любых богов. Вместе с принцем отправилась вся его свита и иные люди, из простых и незнатных, сердечно сочувствовавшие его злой судьбе. Всего на дальний из этих островов высадилось одиннадцать дюжин человек...

Их корабли причалили к берегу, изгнанники обошли остров и решили, что боги сжалелись над ними и послали им небесные земли среди моря. Они разбили лагерь, вознесли моление светлым духам острова и заснули, не заботясь ни о чем. А ночью, привлеченные светом огней и новыми звуками и запахами, к ним пришли драконы.

— Могу себе представить, — пробормотал Конан. Ему и в самом деле представился принц, смуглый и худой, вроде Тай Юэня, который спит с своим шатре и вдруг просыпается оттого, что в светлой ткани, ширясь от центра, расползается дыра с обугленными краями. В дыру просовывается хитроглазая морда в бирюзовой чешуе и говорит: «Добрый вечер!»

— Сначала люди очень испугались, — говорил тем временем стариk, не обращая внимания на непочтительный смех слушателя. — Драконы тоже испугались и ушли. Принц Иссэ хотел в тот же час погрузиться на корабли и уплыть от чудовищ, но в шатре явился ему бог грома и молнии Райдэн и повелел остаться и жить в мире с Первыми Детьми земли.

Он повелел основать на островах новое государство кхарийцев, которые бы заботились о драконьем племени и не давали другим людям овладеть этими прекрасными и беззащитными творениями. Поэтому о нашем острове не знает никто в Хайбории, не будет знать и впредь. Ты же, сын мой, не употребишь свое знание во зло, в этом я уверен.

Конан серьезно кивнул. У императора Нихон-но, оказывается, была веская причина удерживать незваного гостя в пленау. Кто посмеет противиться воле богов? Теперь же, глядя

на резвящуюся пару, киммериец понимал, почему боги заставили его пройти весь этот путь. Впервые он увидел в Аридо не живую легенду, чудом не отправившуюся вслед за всем тем, что унесла с собой Катастрофа, а нечто само собой разумеющееся, словно этому острову недоставало именно дракона, чтобы стать самым прекрасным местом на свете. Как будто у драгоценной вазы был отбит край, а Конан принес и приладил недостающий кусок.

— Живя бок о бок с драконами, мой народ стал походить на них, — продолжал старик.
— Мы стали почти бессмертны, научились ценить тихий звук и нерезкий запах, научились говорить со всякой живой вещью, а в неживых пробуждать душу. Мы не воюем, не обираем друг друга, мы забыли, что такое злоба и ненависть. Долгий век и схожесть с кхитайцами позволяет нам путешествовать неизвестными в вашем мире, многое видеть, многое знать. Мы мало похожи на людей, населяющих Туранский материк.

— Как же вы все-таки разделились? — поинтересовался Конан. Этот вопрос занимал его более всего. Он никак не мог поверить, что в Аридоси жило на самом деле два существа. Хотя если вдуматься, то последние дни дракон вел себя все более странно — старел человеком и молодел драконом.

Патриарх, улыбаясь, посмотрел на любовников. Утомившись, они перестали метаться и улеглись рядышком на песке, время от времени покусывая друг друга за уши.

— Когда Кагия-химэ, Лунная Дева, почуяла, что Аридоси вернулся, она примчалась сюда быстрее горного ветра. Мы в это время еще спали, вернее, я спал, а он дремал, ибо я отдыхал только вместе с ним, а потому уставал больше, чем он. Увидев старую приятельницу, он кинул ее навстречу с такой внезапной прытью, что я не успел вслед за ним и остался спать. А проснувшись, вспомнил все, что должен был вспомнить. Потом я стал искать тебя — не так, как это делаете вы, а по-своему, — нашел и велел им принести тебя сюда. Ты, кажется, дрался?

— Да, отец, и не скажу, чтобы твои стражники показались мне неопытными юнцами! — ответил Конан с кривой усмешкой. — Я-то прошел неплохую школу, а любой другой на моем месте был бы убит прежде, чем успел вздохнуть!

— Твою школу я знаю, — заметил на это старик. — Чем дольше длится жизнь, тем она ценнее в твоих глазах, и потому каждому необходимо владеть Искусством Убивать. И здесь ему учат не один год, как учили тебя, а всю жизнь. Суди сам, сколь многому можно научиться! Теперь же я хочу, чтобы ты проводил меня во дворец. Пусть мой непутевой сын сам принесет тебе свои извинения.

— Извини, многомудрый старец, но с твоим сыном я уже знаком, — поспешно отказался Конан. — Лучше вели своему дракону увезти меня куда-нибудь подальше. Я слышал разговор стражников, так они сказали, что с утра меня начнут искать...

— Вот мы и найдемся, — кивнул старик. Железными пальцами он взял киммерийца за локоть — тот едва не охнул от такой хватки, — и повлек к драконам, приговаривая на ходу:

— Нерадивость должна быть наказана. Если бы мой сын уделил тебе должное внимание и задумался, каким же образом приплыл ты без корабля на острова, удаленные от всех берегов на десять дней пути, он повел бы себя иначе. Идем-идем.

Волей-неволей Конану пришлось подчиниться. Он уже понял, что без повеления этого человека, который еще во время Катастрофы был стар настолько, что отказался от трона, никто в этой стране не пошевельнет ни пальцем, ни когтем, чтобы помочь киммерийцу вернуться в западные земли. Посему оставалось следовать за ним. В виде Аридо ему этот старик, пожалуй, нравился больше.

Тем временем драконы, послушные знаку старца, приблизились к людям. Конан вгляделся в золотые глаза своего приятеля — теперь там не было ни злости, ни хитрости, ни даже просто разума: они были ясны, как чешуя его подруги. Дракон был счастлив и совершенно позабыл о своем существовании в одном теле с магом.

— Ну и Нергал с тобой, бирюзовое брюхо, — проворчал Конан, еще не зная, рад он этому или нет. По совести, для дракона было бы лучше не помнить о прошедших веках мучений на острове, где он сидел как паук в паутине и ловил все проходящие мимо корабли, лишь бы о нем не узнали люди.

— Садись, сын мой, — пригласил стариик. — Думаю, тебе будет привычнее Аридо, да и сам он свыкся с тобою.

Ласковым жестом, подходящим более по отношению к кошке, чем к дракону, он протянул руку и почесал огромного зверя под нижней челюстью. Дракон сощурил глаза и издал звук, похожий на глухое ворчание голодного волка.

Конан не заставил себя долго упрашивать и мигом устроился на спине Аридо. Стариик сел на золотого — боком, как садятся в седло изнеженные аквилонские красавицы, выезжая на охоту в платьях с длинными шлейфами, — и тихонько щелкнул Кагио-химэ меж ушей. Она прижала лапы к бокам и двинулась с места так стремительно, что мгновение спустя почти пропала за деревьями.

— Ну, чего ты ждешь? — ворчливо спросил Конан у своего скакуна. Было так непривычно видеть в Аридо бессловесную неразумную тварь. Разум и речь давала ему душа колдуна, хранившаяся в надежной оболочке из бирюзовых чешуй. Теперь душа отделилась, заняв собственное тело, и Конан для ящера не более чем всадник, и то на короткое время...

Дракон обернулся на него мордой. В золотых глазах Аридо плясали веселые искорки.

— Я все помню, — тихонько сказал дракон и шутливо ткнул Конана носом так, что тот едва не слетел с его шеи. — Только ты не говори ему. Он расстроится. Для него я должен быть немым беспечным зверем. Пусть я для него таким и буду, ладно?

Киммериец раскинул руки, издал ликующий вопль и расхохотался — впервые от всей души с тех пор, как покинул Тай Чанру.

* * *

В первое свое путешествие до столицы Конан добирался почти трое суток. Драконам же на этот путь хватило времени от обеда до заката. Впрочем, они и шли не дорогой, а напрямую через леса и реки.

Сначала они выехали из леса в распаханные поля, затем потянулись сады и дома поселян. Ближе к столице начались усадьбы тех, кто был приближен ко двору. Конан полагал, что стариик минует их, обходя как можно дальше, но вернувшийся император велел драконам выбираться на дорогу и идти помедленнее, чтобы дать себя как следует рассмотреть.

Стоило поглядеть на то, как высыпал на улицы народ, завидев двух драконов. Люди высекали из домов, женщины выносили детей и поднимали их повыше, чтобы те тоже смогли полюбоваться. Сначала все видели только драконов и глазели на них, пока, наконец,

кто-то не разглядел всадников и не крикнул: «Император-отец! Вернулся Старший Сын Неба!» — и переполох поднялся вдвоем против прежнего.

Драконы гордо шествовали по мощеной яшмой дороге, а вслед за ними из усадеб одна за другой выкатывались повозки. Их на ходу уивали лентами и цветами, украшая даже быков, тащивших экипажи. В повозках восседали дамы, нарядные и пестрые, как стайка южных птиц. Их сопровождали всадники в платьях не менее ярких, чем женские. Слуги и дети, вопя и распевая какие-то песенки, бежали вслед.

Отовсюду слышался смех и приветственные выкрики. Толпа росла, и к большим земляным воротам, отмечавшим въезд в столицу, подошло уже целое шествие.

Император-сын, как видно извещенный скороходом, вышел отцу навстречу в сопровождении пышной свиты. Драконы остановились под стеной дворца и двое подбежавших слуг почтительно помогли старцу сойти наземь, хотя он в этом и не нуждался. Младший император согнулся в поклоне чуть ли не вдвое и распрямился лишь тогда, когда отец обнял его за плечи.

На лице сына была написана искренняя радость, в глазах дрожали слезы. Патриарх обернулся на Конана и знаком велел ему следовать за собой. Киммериец напряженно оглядывался, не возьмется ли кто-нибудь поминать ему вчерашний побег, но и стража, и царедворцы, включая Акиро и Корэтика, лишь почтительно ему поклонились, ничем не выдавая, что видят его не впервые.

Чем-то их поклоны и молчаливые приветствия напоминали бесконечные церемонии кхитайцев, но здесь, в отличие от Города Тысячи Драконов, все лица были живыми, а не застывшими масками с щелочками хитрых темных глаз. То, что ни отец, ни сын не сказали друг другу ни слова, скорее выглядело как переполненность чувствами, чем как их отсутствие. Да, это были не кхитайцы, но Конан, глядя на них, думал о том, что ему вконец опротивели желтые физиономии, кому бы они ни принадлежали. Короткая передышка среди народа Южного Ветра лишь усилила его тоску по родному северу, где правят не маги, а короли, где верное сердце и искусный клинок ценятся дороже ворожбы и нефритовых безделушек.

Войдя в зал приемов, император попросил всех удалиться, оставив его наедине с отцом. Царедворцы вышли, остался лишь Конан. Едва за пышной свитой закрылись резные двери, старики вскочил с места и принял расхаживать по залу. Полы его одежд воинственно взметывались, когда он резко останавливался, чтобы повернуться к сыну.

Высокий голос патриарха дрожал от гнева, и голова императора клонилась все ниже.

— Как ты мог! — выкрикивал старики. — Как ты только мог допустить такое! Разве не в твоем распоряжении вся магия мира и благословение богов? Единственный дракон! Как ты допустил, чтобы погибли все остальные? Или не слушались они тебя с первого слова? Как ты мог быть так беспечен?

— Я старался, отец. Наши острова не ушли под воду, но волна поднялась в сто сайку, и почти все драконы воздуха погибли в один день. Их расшвыряло в море, они не смогли выплыть. Многих из тех, кто был под землей, завалило и зажало сдвигами каменных пластов. В самом центре Хо-сай разверзся огненный вулкан, и все Красные ринулись в него с радостными воплями. Вулкан потух и, видно, закупорился плотной пробкой остывшей лавы и пепла, потому что ни один огненный дракон не вернулся с тех пор.

— А остальные?

— Остальные тоже вскоре начали уходить от нас. Они гибли один за другим... Думаю,

что от тоски по сородичам. Старая Матерь легла на берегу и отказывалась от всего, пока не умерла. Осталась одна Лунная Дева, и теперь я понимаю, что она ждала Аридоси, как-то узнав, что он жив. Больше не выжил никто.

Похоже, искреннее раскаяние, написанное на лице сына, смягчило гнев ушедшего императора. Помолчав, он спросил, уже мягче:

— Много ли людей погибло тогда?

Младший правитель горестно покачал головой.

— Почти все, кто оказался на побережье. Целые поселения были унесены в океан со всеми, кто был в домах и на пашнях. Я вернул к жизни тех, кто скончался всего лишь от ран, но многие были унесены в море или раздавлены камнями и упавшими деревьями. И нас все еще меньше, чем до Катастрофы, потому что дети растут медленно. Я объявил, что каждую вновь созданную семью, будь это даже простые бродяги-поденщики, я наделю большим участком земли, и таким образом мне удалось быстро возместить большую часть потерь. Но все же...

Какое-то время патриарх расхаживал молча. Кисти его пояса волочились за ним, извиваясь по узорному полу, как змеи. Потом взгляд его упал на Конана, стоявшего у раздвижной ширмы. Брови старца вновь сошлись на переносице.

— Теперь ответь мне, почему не сумел ты достойно принять этого вот человека? Можешь не говорить. Проступок твой тяжел тем более, что ты должен был принять его не просто как странника, а как почетного гостя, сообразно заслугам, ведь он привел сюда Аридо! Теперь во искупление вины ты своей рукой выберешь ему достойный дар. Я сказал, а ты слышал. Ступай.

Младший, не посмев ни взглядом, ни вздохом выразить неудовольствие или несогласие, молча поднялся со своего места, поклонился отцу и вышел из зала приемов. Старик обернулся к Конану. Глаза его смеялись.

— Не слишком ли ты суров к нему, мудрейший? — изображая на лице озабоченность, спросил киммериец. — Он принял меня... гм... не так уж плохо. И был очень расстроен исчезновением Лунной Девы. Всякий бы на его месте был небрежен с пришельцем.

— Я понимаю твои мысли лучше, чем слова, — отозвался старик, улыбаясь. — И согласен с тобой: выговор при чужаке горше вдвое. Но ты скоро оставишь нас и, если только не вмешаются вновь благие боги, никогда больше здесь не появишься. А потому гордость моего сына будет страдать ровно столько, сколько он заслужил. Я слышу шаги — он возвращается.

Несколько мгновений спустя шум шагов стал слышен и Конану. Двустворчатые двери распахнулись, и в зал вошла пышная процессия.

Впереди, бледный от волнения, шел юноша из дворцовой гвардии. На вытянутых руках он нес дар императора — что-то длинное и узкое в драгоценном лаковом футляре с богатой инкрустацией, — но взгляд его, красноречивый, как взгляд влюбленного, был устремлен на патриарха. Сколько лет было этому мальчику, если он знал в лицо ушедшего два или три тысячелетия назад правителя? Следом за ним шел, спрятив ладони в рукавах многослойных одежд, сам император, далее следовали сановники и придворные сообразно рангам. Старик легонько подтолкнул киммерийца — ступай, мол, навстречу.

По знаку императора с футляра сняли крышку, и Конан увидел свою награду. На алом шелке, рдеющая в огненных бликах на полированной зеркальной стали, лежала хатана. Рукоять ее была обвита черным с золотом шнуром, ножны выточены из черного дерева. Она

покоилась в лаковой шкатулке, как драгоценность, как Рана Риорда, возлежащий в своей колыбели. Глаза киммерийца загорелись.

— Ты вернул нам самое дорогое, что было у нас, — торжественно, нараспев сказал император. — Старшего в роду и последнего оставшегося в живых дракона-самца. Теперь мы, быть может, сможем восстановить это украшение нашего мира, во всяком случае, род их не угаснет. Поэтому прими в дар самую большую драгоценность нашей сокровищницы. Имя этого меча — Кама Гатэри, Откровение Бога. Равной ей нет во всем свете.

— Вот это подарок! — выдохнул Конан. Выхватив меч из футляра, он восторженно разглядывал изящную форму и ясную гладь клинка, в которой синими точками вспыхивало отражение его глаз. — Благодарю тебя, владыка!

Император улыбнулся.

— Искупил ли я свою вину, повелитель? — обратился он к отцу.

— Вполне, — ответил старец с тихим смешком. Тогда император повернулся к гостю:

— Искупил ли я свою вину, Конан из Киммерии?

Конан только молча кивнул, весь поглощенный созерцанием. Даже хатаны Юлдуза уступали этому мечу, чья форма была совершенна, а рукоять сама просилась в руку. Ему не терпелось испытать новое оружие, но он опасался, что если возмется делать это прямо здесь, отсечет не одну кисть со шнуром и кончиков рукавов пышных одежд придворных.

— Теперь я хотел бы отдохнуть, — объявил старший правитель. — Путь мой был долг, я устал и душой, и телом. Призови Лунную Деву, сын мой, и вели ей доставить этого человека, куда он сам пожелает. Прощай, Конан из Киммерии, избранник богов. Меч, которым ты теперь владеешь, сравним по возрасту и славе с Рана Риордой, Небесной Секирой. Ты сумеешь использовать его как ему подобает!

Конан в ответ молча отсалютовал хатаной, как если бы приветствовал своего государя, затем приладил за спиной ножны и вбросил в них чудо-меч. Патриарх кивнул придворным и удалился, сопровождаемый свитой слуг.

Император, стоявший со склоненной головой, пока патриарх не скрылся за дверями, выпрямился, обернулся к почетному гостю и сделал приглашающий жест. Последовав за ним, Конан вышел по маленькой лесенке на плоскую крышу над залом приемов. Она была выложена цветными плитками и по ширине не уступала ристалищу в Халоге, на котором проводились большие гладиаторские бои. Киммериец догадался, что сюда слетались по зову правителя драконы, если он хотел срочно передать весть на другие острова или просто проводил смотр крылатым ящерам.

Крылья, как заметил Конан, у летающих драконов были небольшие, нужные лишь для того, чтобы подняться в воздух. Взлетев, они прижимали их к бокам так же, как прижимали лапы, если передвигались по земле.

Кхариец выкрикнул вверх не то очень длинное слово, не то много коротких. Как видно, Лунная Дева тоже было не имя, а прозвище. Император перевел дыхание и пояснил, словно прочел мысли киммерийца:

— Только старший в роду, Повелитель Драконов, может позвать дракона как угодно, хоть бы и простым «иди сюда», и дракон придет, где бы он ни был. Мне же нужно звать его по имени, и то я не могу быть уверен, откликнется он или нет. Если бы было иначе, я не был бы так испуган накануне, когда Кагия-химэ не откликнулась на мой зов.

В небе, ослепительно-золотая против солнца, появилась Кагия-химэ. Сначала она казалась не больше точки, но точка эта быстро росла, приближаясь, и вот над крышей уже

кружил огромный дракон, выбирая себе удобное место для приземления.

Крыша была сделана с таким расчетом, чтобы на ней одновременно могли свободно разместиться не менее дюжины драконов, и потому Лунная Дева с легкостью опустилась на все четыре лапы у дальнего края площадки, опасаясь задеть людей длинным извивающимся хвостом.

— Кагия-химэ, Повелитель Драконов приказал доставить этого человека, куда он сам пожелает. Будь ему послушна во всем, — сказал ей император, и огромный зверь выгнулся гибкую шею, склонив голову.

— Она понимает любую человеческую речь, хотя сама лишена этого дара, — обернулся к Конану кхариец. — Ты можешь говорить с ней даже на своем родном языке, и она поймет, хотя не слышала его ни разу. До западных королевств она донесет тебя за день, считая ночь в пути, или за два, если ты захочешь высаться на твердой почве. Тогда просто вели ей спуститься там, где тебе покажется достаточно безопасно. Но заклинаю тебя всем, что тебе свято, Конан, не заставляй ее садиться на землю близ людских поселений, иначе мы никогда больше ее не увидим. Драконы любопытны, как кошки, и обратно она может не вернуться.

— Обещаю тебе, — серьезно кивнул Конан. — Я уже знаю, каково дракону в мире людей. Она вернется в целости и сохранности.

Он — уже так привычно — устроился на спине дракона, обхватив коленями шею. Кагия-химэ подпрыгнула, захлопав перепончатыми крыльями, как летучая мышь, разбежалась и сорвалась вниз с высокой крыши. На мгновение сердце киммерийца поменялось местами с желудком, но дракон выровнял полет, прижал крылья к бокам и начал стремительно набирать высоту. Тело зверя свивалось и развивалось, словно волна прокатывалась по нему от головы до хвоста.

— Прощай, и да хранят тебя боги! — крикнул снизу император, воздев руки. Конан, одной рукой удерживаясь за гриву дракона, другой взмахнул ему в прощальном жесте. Дворец провалился под ним вниз и в сторону, вскоре и город исчез в сплошном море зелени. Чешуйчатая летунья сделала большой круг над холмами и повернула к берегу.

Конан думал, что она сразу направится через море на запад, в сторону Кхитая или Вендии, но над желтой полосой песка у берега Лунная Дева замедлила полет и начала снижаться. Внизу, между синей полосой и желтой, куском яркой смальты в пене прибоя сидел в ожидании бирюзовый дракон.

— Аридо! — обрадованно крикнул Конан.

— Он самый, — подтвердил дракон, едва они приземлились. — Кто, по-твоему, растолкует моей Птице, как лететь к Хайбории? Я бы и сам тебя отнес, да у нее это получится быстрее. Ну, говори, куда тебе надобно?

Киммериец задумался. Потом быстро вычертил на песке неуклюжую, но все же довольно внятную карту земель вокруг Вилайета.

— Добравшись сюда, я доберусь и на запад, — сказал он, тыкая прутиком в западное побережье. — А в этих местах полно солончаков и пустошей, где твоя подружка сможет высадить меня, никем не замеченная. В Туран мне нельзя, там я объявлен преступником... Пусть отнесет меня куда-нибудь за Туран — в Хаурен или Замору. Я бывал и там, и там, места эти знаю, так что быстро найду себе другого коня.

Аридо кивнул и принял что-то ворчать золотому дракону в самое ухо. Та слушала внимательно, чуть склонив набок изящную голову. Сейчас с этой пары можно было резать статуэтку, цены которой в Кхите не осмелился бы назвать никто.

Наконец Кагия-химэ фыркнула, тряся головой — ей надоело выслушивать объяснения, она все поняла и запомнила. Конан снова уселся ей на спину. И тут Аридо достал откуда-то из-за своего хвоста кожаный мешок киммерийца с остатками припасов, который тот бросил на берегу, оставив дракона спать на солнышке.

— На два дня тебе хватит, — заявил дракон. — Да и мешок пригодится. Прощай. Береги мою Птицу!

— Прощай, Аридо, — сказал Конан куда сердечнее, чем говорил это императору или его отцу. — Смотри, не попадайся больше людям!

— Сам не попадайся, — фыркнул дракон. Потерся носом о щеку Кагии-химэ и с плеском нырнул в море. Он знал, что Конан не любит долгих проводов.

Золотая стрела снова взвилась в небо. Дракон взлетел так высоко, что оказался над облаками, и какое-то время Конан с интересом разглядывал, как перетекают их огромные глыбы из замков в парусники, а из парусников в сказочных зверей...

Постепенно мерное колыхание драконьего тела под ним стало действовать усыпляюще, он устроился поудобнее и заснул.

Проснулся он от свиста ветра в ушах. Небо потемнело, погода портилась. Конан потянулся, разминая затекшие члены.

— Спустись вниз, давай глянем, где мы! — крикнул он дракону, и та послушно направилась к земле.

Они летели над морем. Справа Конан разглядел знакомые острова, к которым столько раз ходил и пустой, и с добычей, слева темнели Ильбарские горы.

Вскоре начался дождь, и Конан велел Лунной Деве подняться над тучами. Здесь сияло солнце, и не успел киммериец доесть остававшиеся в мешке сущеные мясо и фрукты, запивая последним кувшином вина, как одежда его высохла, а тело согрелось.

К исходу утра они миновали полосу туч, теснившихся над Тураном. Позади остались роскошные сады и дворцы Аграпура и Акита.

Дракон летел на северо-запад, к солончаковым пустошам, разделяющим плодородные долины рек Ильбара и Карапты.

Кагия-химэ опустилась как раз у берегов одного из притоков Карапты. Еще сверху Конан разглядел по его течению небольшой городок на самой границе Хаурана. Спешившись, он похлопал своего «коня» по золотой шее, сказал: «Беги теперь к своему милому» — и отпустил. Дракон взмыл в небо, сделал круг, прощаясь, и вскоре растворился в золотом диске солнца, еще не добравшемся до зенита.

Конан посмотрел ей вслед, поправил перевязи с мечами — один из них теперь можно было продать за недурные деньги, ибо кхитайское оружие ценилось во всех странах юго-востока, — и зашагал по пыльной дороге к городу у реки.

«Помнится, два года назад в Хауране пришла к власти королева Тарамис, — размышлял он. — Когда я ее видел последний раз, она была еще девушкой, но обещала стать редкой красавицей. А красавицам всегда нужны телохранители. Вряд ли властительница Хаурана станет исключением из этого правила!»

Он обернулся — ясную синеву неба нарушил лишь парящий вдали стервятник.

— Да, Нергал меня побери! — молвил он вслух со смехом. — Все красавицы одинаковы, что с коронами, что без. Удача всегда сопутствовала мне в этих землях, не изменит и теперь!

Удача не изменила ему. Через три дня он въехал в столицу, город садов, фонтанов и белокаменных храмов с высокими голубыми куполами, а еще через два дня у личной гвардии

прекрасной королевы Тарамис появился новый начальник.

OCR: OCR by Alex Mustaeff